

Сопоставительные исследования

2007

**Воронеж
2007**

**Центрально-Черноземное региональное отделение
Научно-Методического Совета по иностранным языкам
Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов**

**Сопоставительные
исследования
2007**

**Продолжающееся
научное издание**

**Воронеж
2007**

Сопоставительные исследования 2007 – Воронеж: Истоки, 2007. – 227 с.

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является четвертым в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка естественно-научных факультетов факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, доц. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2007
© Издательство «Истоки», 2007

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

И.А.Стернин, М.А.Стернина
О развитии сопоставительных исследований
и формализации результатов сопоставления

Сопоставление языков возникло очень давно, как только люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков. Первыми исследователями, специально занимавшимися сопоставлением языков, были составители переводных словарей, которые вынуждены были, руководствуясь своим практическим знанием, подбирать соответствия словам иностранного языка в своем родном языке (Ярцева 1981, с. 30). Каких-либо методов сопоставления языков в этот период не было. Да и самого понятия *метод сопоставления языков* в науке долго не существовало.

Затем сопоставительное языкознание выработало свой особый метод исследования – сравнительно-исторический, с которого и началось собственно научное языкознание.

В настоящее время сопоставительные исследования превратились в мощное лингвистическое направление, которое разрабатывает методы сопоставления языков и описывает языки в сопоставлении друг с другом.

Рост интереса к сопоставительным исследованиям в последнее время связан, как представляется, со следующими причинами:

потребностью выявления универсальных черт языкового материала;

стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков;

интересом к изучению национальной специфики семантики и изучением национальной специфики языкового мышления;

расширением сферы преподавания иностранных языков,

необходимостью совершенствования двуязычных словарей, где указываются национально-специфические черты семантики переводных соответствий.

Все это обуславливает повышенный интерес современных исследователей к проблемам сопоставительного изучения языков.

В данной статье мы остановимся на истории и основных современных направлениях сопоставительной лингвистики.

Первым лингвистическим направлением, поставившем сопоставление на научную основу, явилось сравнительно-историческое языкознание – область языкознания, объектом которой является установление соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве.

В начале XIX века независимо друг от друга учёные различных стран занялись выяснением родственных отношений языков в пределах той или иной языковой семьи. Сравнивая слова и формы родственных языков друг с другом, а также сопоставляя слова и формы одного языка на разных этапах его развития, они установили регулярно повторяющиеся соответствия, которые требовали научного объяснения.

Ф. Бопп исследовал сравнительным методом спряжение основных глаголов в санскрите, греческом, латинском и готском, сопоставляя как корни, так и флексии, что было методологически особенно важно, так как сопоставление грамматических форм служит гарантией верного понимания соотношений родственных языков. Эту же идею проводил в своих трудах Р. Раск: он указывал, что заимствования словоизменения, и в частности флексий, не бывает.

Третьим основоположником сравнительного метода в языковедении был А.Х. Востоков. А.Х. Востоков занимался сопоставлением корней и грамматических форм живых славянских языков с данными старославянского языка, он первый указал на необходимость сопоставления данных, заключающихся в памятниках мёртвых языков, с фактами живых языков и диалектов. Этот факт позднее стал обязательным условием работы языковедов в сравнительно-историческом плане, что стало новым этапом в становлении и развитии сравнительно-исторического метода.

Большие заслуги в укреплении сравнительно-исторического метода на большом сравнительном материале индоевропейских языков принадлежат А.-Ф. Потту, составившему сравнительно-этимологические таблицы индоевропейских языков и показавшему важность анализа звуковых соответствий.

Особое значение для утверждения сравнительно-исторического метода имели работы романистической школы Ф. Дица. Романо-латинские архетипы, восстановленные школой Ф. Дица, были подтверждены письменно зафиксированными фактами в публикациях вульгарной (народной) латыни – родоначальника романских языков.

По мнению немецкого лингвиста А. Шлейхера, языки – такие же естественные организмы, как и растения и животные. А. Шлейхер создаёт теорию «родословного древа» и возводит языки к своему первоистоку – праязыку, в котором должна господствовать симметрия, регулярность, простота.

Работы Ф.Ф. Фортунатова и Ф. Де Соссюра по реконструкции архетипов ещё раз доказали научную силу сравнительно-исторического метода. Эти работы опирались на сопоставления различных морфем и форм индоевропейских языков.

Для сравнительных языковедов конца XIX – начала XX в. «праязык» постепенно становится уже не искомым, а техническим средством изучения реально существующих языков, некой гипотетической моделью, к которой апеллирует лингвист в процессе сравнительно-исторического

исследования. Целью и методом сравнительно-исторического языкоznания является реконструкция древнейших праформ, общих для всех изучаемых родственных языков.

Другим лингвистическим направлением, связанным с сопоставлением языков, является *лингвистическая типология*, зародившаяся в рамках сравнительно-исторического языкоznания в первой половине XIX века и связанная с именами А. Шлегеля, А. Шлейхера, В. Гумбольдта.

Типологические исследования имеют целью установление по тем или иным признакам общих типов языков мира.

Романтики впервые поставили вопрос о «типе языка». Они считали, что «дух народа» может проявляться в мифах, в искусстве, в литературе и в языке. Отсюда делался вывод, что через язык можно познать «дух народа». Ф. Шлегель сопоставил санскрит с греческим, латинским, а также с тюркскими языками. В результате исследований Ф. Шлегель пришёл к выводу о том, что существует два типа языков: флексивные и аффиксирующие. Флексивным языкам свойственно богатство, прочность и долговечность, а аффиксирующим свойственны бедность, скучность и искусственность.

А. Шлейхер переработал типологическую классификацию языков Ф. Шлегеля, в результате чего к уже имеющимся двум типам (флексивный и аффиксирующий) добавился третий тип – аморфный. Во флексивных языках он показал две тенденции развития грамматического строя: синтетическую и аналитическую.

Наиболее известной в современном языкоznании стала морфологическая классификация языков по структуре корня (флексивные, агглютинирующие, изолирующие, полисинтетические). Существуют также синтаксические типологии – по структуре предложения, фонетическая типология, а также попытки лексической и семантической типологии. Типология же языков на лексическом уровне оказалась невозможной или крайне малосодержательной.

В лингвистике XX века на базе лингвистических типологических исследований возникла так называемая *лингвистика универсалий* — еще одно направление, связанное с сопоставлением языков.

Языковые универсалии (от лат. *universalis* – общий, всеобщий) – свойства, присущие всем языкам или большинству из них.

Теория языковых универсалий рассматривает и определяет:

- 1) общие свойства всех человеческих языков в отличие от языков животных;
- 2) совокупность содержательных категорий, теми или иными средствами выражющихся в каждом языке;
- 3) общие свойства самих языковых структур, относящиеся ко всем языковым уровням.

Изучение языковых универсалий имеет достаточно долгую историю. Предшественниками исследований в этом направлении явились античные грамматики, создавшие учение о частях речи, которые должны

присутствовать во всех языках. Термин «универсальная грамматика» (*Grammatica universalis*) получает широкое распространение после появления «Универсальной и национальной грамматики» А. Арно и К. Лансло, известной также под названием «Грамматика Пор-Рояля».

Возобновление интереса к языковым универсалиям относится к середине XX века, когда в 1961 г. в Нью-Йорке состоялась конференция по языковым универсалиям, которая подвела итоги исследований в этой области.

Было предложено несколько классификаций универсалий, строящихся на разных основаниях. Так, различают следующие универсалии: 1) дедуктивные и индуктивные; 2) абсолютные или полные и статистические или неполные; 3) простые, утверждающие наличие или отсутствие некоторого явления и сложные, утверждающие определённую зависимость между разными явлениями; 4) синхронические и диахронические.

С точки зрения собственно лингвистической, универсалии могут выделяться на основе того языкового уровня, с которым они соотносятся. При таком подходе выделяются три основных типа универсалий – фонетические, грамматические и семантические.

Лингвистика универсалий — теоретическое направление, изучающее (в идеале) все языки мира, как родственные, так и неродственные, с целью выявления языковых явлений, встречающихся во всех языках. Данное лингвистическое направление вносит важный вклад в выяснение природы человеческого языка, его механизма, т.е. в решение задач общего языкознания.

Вторая половина XX века характеризуется подробными исследованиями в области языка как организованной системы. Научные изыскания приводят к открытию полевого подхода к языку (Й. Трир, Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, О. Духачек, Р. Мейер, Г. Шпербер, Г. Ипсен, М.М. Покровский, В.В. Виноградов, А.А. Уфимцева, А.И. Кузнецова, Л.М. Васильев, А.В.Бондарко, В.Н.Адмони и др.).

Полем является совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Из подходов к проблеме возникновения полей преобладающими является парадигматический и синтагматический (или синтаксический). Парадигматический подход связан с именами Й. Трира и Л. Вайсгербера, а синтагматический – с именем В. Порцига. Мнения учёных сходились в том, что категория поля есть мыслительный феномен.

Заслуга Й. Трира в том, что он расчленил «лексическое» и «понятийное» поле и ввёл в лингвистический обиход эти термины.

А.В. Бондарко рассматривает поля применительно к грамматике. Под термином «поле» автор понимает группировки языковых элементов, для которых характерны следующие черты:

наличие общих инвариантных семантических функций у элементов,

образующих данную группировку;

взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов, в частности грамматических и лексических;

структура, в которой определяющую роль играют следующие признаки:

а) членение «центр (ядро) – периферия»;

б) постепенные переходы между компонентами данной группировки и разными группировками, частичные пересечения, «общие сегменты» (Бондарко 1972, с. 20).

В последнее время термин «поле» понимается как межуровневое явление. Начало такому пониманию заложили Ф. Брюно и О. Есперсен (Brunot 1965, Есперсен 1958). В большинстве полей выделяется доминанта, то есть конституент поля: а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый. Вокруг доминанты группируются наиболее тесно с ней связанные конституенты, образующие ядро поля. Конституенты, отдалённые от ядра, располагаются на периферии поля.

Это подготовило почву для возникновения современного *сопоставительного языкознания* – лингвистического направления, призванного изучить одноимённые языковые микросистемы (поля) в разных языках. Изучению подвергаются любые языки, как родственные, так и не родственные. Исследование в рамках данного направления проводится на любом этапе исторического развития изучаемых языков – сравнивать можно как современные языки, так и языки на прошедших этапах исторического развития (например, русский и немецкий языки 17-го века)

В своей книге «Сопоставительная семасиология литовского и русского языков» А. Гудавичюс даёт такое определение сопоставительному языкознанию: «изучение двух или более языков методом сравнения их друг с другом. При таком подходе для исследователя одинаково важны и различия, и сходства» (Гудавичюс 1985, с.3). Далее ученый определяет сопоставительное языкознание «... как науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом» (Гудавичюс 1985, с. 4). Эту точку зрения разделяет и Р.А. Будагов: «... не только сходства, но и несходства особенно существенны и интересны для изучения словосочетаний в сравнительно-сопоставительном плане» (Будагов 1983, с. 19).

Книга А. Гудавичюса посвящена сопоставительной семасиологии, которая определяется следующим образом: «Сопоставительную семасиологию мы будем понимать как науку, изучающую лексические системы (выд. нами — И.С., М.С.) двух или более языков методом сопоставления их друг с другом. Таким образом, сопоставительная семасиология, наряду с решением специфических вопросов самого сопоставительного метода, включает всю проблематику описательной семасиологии конкретного языка» (Гудавичюс 1985, 4).

Сопоставительное исследование может осуществляться и в рамках понятийной или функционально-семантической категории. А.И. Фефилов так формулирует цель сопоставления в этом случае: «установление и описание структурных сходств и различий сопоставляемых языков» (Фефилов 1985, с. 5), при этом для сопоставляемых языков следует выявить «общую языковую понятийную категорию и проследить, какой удельный вес она имеет в том или ином языке, какими одноуровневыми или разноуровневыми средствами она выражается, какую связь данная языковая понятийная категория имеет с другими языковыми понятийными категориями, таким образом эквивалентно соотносятся отдельные участки языковой понятийной категории в сопоставляемых языках, каким оптимальным способом можно описать результаты конфронтативного анализа на базе данной языковой понятийной категории» (Фефилов 1985, с. 5-6).

Общая цель сопоставительного исследования может, таким образом, быть сформулирована следующим образом: обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков.

В рамках сопоставительной лингвистики выясняется общее и различное в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, устанавливается специфика системной организации микросистемы в изучаемых языках, выявляется ядро и периферия подсистем в сравниваемых языках.

Основа *сопоставительного метода* в том, что одноименные подсистемы сравниваемых языков изучаются и описываются автономно (например, глаголы движения в русском и английском, выражение уступительных отношений в немецком и французском, наименования одежды в польском и болгарском и т.д.), а затем результаты описания разных языков подвергаются сравнению; *контрастивное исследование* предполагает сопоставление отдельных контрастивных пар единиц с целью выявления различий между ними (Стернин 2004).

Важнейшим аспектом современных сопоставительных (а также и контрастивных) исследований является разработка системы параметров, по которым осуществляется сравнение результатов описания одноименных языковых подсистем. Если для контрастивной лингвистики такая проблема не является центральной, поскольку в контрастивных исследованиях сопоставляются прежде всего отдельные единицы сравниваемых языков (но и там по результатам контрастивного описания могут быть сделаны обобщающие выводы о национальной специфике языковых систем в целом (Стернин 2004, Контрастивная лексикология и лексикография 2006, Маклакова 2006), то для сопоставительной лингвистики система таких параметров чрезвычайно важна и разработка этих параметров – исключительно важная и актуальная научная задача.

При этом принципиальное значение для современной сопоставительной лингвистики имеет разработка *формализуемых* параметров описания, которые могут быть использованы для сравнения любых языковых

подсистем. Наличие формализуемых параметров сопоставления языковых подсистем позволит решить основную проблему сопоставительной лингвистики – проблему конечного сопоставления языковых систем в целом, поскольку по единым формализуемым параметрам можно будет сопоставить разные языковые подсистемы внутри системы языка, а затем суммировать полученные формализованные данные для описания национальной специфики языков в целом.

В исследованиях воронежской теоретико-лингвистической школы в настоящее время уже предложен целый ряд таких параметров, которые позволяют сопоставлять разные типы языковых подсистем. Для каждого параметра вычисляется соответствующий формальный индекс, который является показателем степени проявления специфики той или иной языковой подсистемы по определенному параметру. Совокупность формализованных индексов, описывающих специфические особенности той или иной языковой подсистемы, позволяет сопоставить одноименные языковые подсистемы в любых языках и получить численное выражение степени проявления национальной специфики по тому или иному параметру языковой системы в целом.

Приведем некоторые формализованные индексы национальной специфики, предложенные в ряде последних сопоставительных и контрастивных исследованиях, выполненных в рамках теоретико-лингвистической научной школы Воронежского университета.

Так, Е.А.Маклаковой в контрастивном плане изучались общие наименования лиц по полу, возрасту и родственным отношениям в русском и английском языках (Маклакова 2006). Проведенное исследование позволило разработать и вычислить следующие формализованные индексы национальной специфики:

Индекс эквивалентности лексико-семантической подсистемы - отношение количества эквивалентных соответствий ко всему количеству соответствий группировки.

Индекс безэквивалентности лексико-семантической подсистемы - отношение количества безэквивалентных единиц в одном языке на фоне другого ко всему количеству анализируемых единиц данного языка.

Индекс денотативной национальной специфики исследуемой лексико-семантической подсистемы - отношение числа контрастивных пар с денотативной национальной спецификой к общему числу контрастивных пар.

Индекс коннотативной национальной специфики - отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими оценочными и эмоциональными семами к общему числу контрастивных пар исследуемой лексико-семантического группировки.

Индекс функциональной национальной специфики - отношение количества контрастивных пар с национально-специфическими функциональными семами к общему числу контрастивных пар группировки.

Интегральный индекс национальной специфики лексико-семантической подсистемы – отношение числа контрастивных пар с выявленной национальной спецификой ко всему количеству входящих в данную подсистему языка контрастивных пар.

Н.М. Шишкиной в сопоставительном плане была изучена национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках (Шишкина 2004). В ходе исследования автором были выделены и посчитаны:

Индекс полисемантичности – отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству лексем этой подгруппы/группы.

Индекс принадлежности к исследуемой ЛСГ – отношение общего количества речевых семем, развивающихся лексемами данной подгруппы/группы, к общему количеству семем этой подгруппы/группы.

Н.И. Черновой при описании национальной специфики тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках) были дополнительно предложены следующие формализованные индексы (Чернова 2006):

Индекс внутргрупповой структурно-семантической связности группы – отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы.

Индекс семантической близости единиц группы – отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы.

Индекс яркости подгруппы внутри тематической группы – отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы.

И.Ю. Востриковой в процессе сопоставительного описания национальной специфики лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики) (Вострикова 2006) были предложены еще четыре новых индекса:

Индекс лексико-семантической замкнутости структурной единицы поля – отношение количества лексем, все семены которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы.

Индекс семантической противопоставленности единиц поля – отношение количества лексических единиц, образующих антонимические пары, к общему количеству лексем данного поля.

Индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля – отношение количества лексических единиц со стилистической и/или эмоциональной окраской к общему количеству лексем данного поля.

Индекс представленности одноименных зон поля – отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля.

Отметим, что разработка системы формализованных показателей проявления национальной специфики языковых подсистем в сопоставительных исследованиях требует продолжения и конкретизации на разных языковых уровнях.

Литература

1. Brunot F. La pensée e la langue. – Paris, 1965.
2. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкоznания. – 1972. - № 3. – С. 20 – 35.
3. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). – М., 1963.
4. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
5. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс, 1985.
6. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
7. Контраxтивная лексикология и лексикография. Колл. монография под ред. И.А.Стернина и Т.А.Чубур. – Воронеж: «Истоки», 2006.
8. Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
9. Стернин И.А. Сопоставительная и контраxтивная лингвистика / Сопоставительные исследования 2004. – Воронеж, 2004. – С. 3-11.
10. Фефилов А.И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. – Куйбышев, 1985.
11. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований *зданий и помещений* в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
12. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.
13. Ярцева В. Н. Контраxтивная грамматика. – М., 1981.

Н.А. Тихонова

Аспекты сопоставительной мотивологии

Сопоставительная мотивология зародилась в лоне мотивологии – науки о мотивационных отношениях слов, возникшей, в свою очередь, в середине 70-х гг. XX века и получившей обоснование и развитие в работах О.И. Блиновой и ее последователей (Н.Д. Голева, Т.А. Демешкиной, Г.В. Калиткиной, В.Г. Наумова, Н.Г. Нестеровой, А.Н. Ростовой, Е.А. Юриной и др.).

Появившись как сопоставительный аспект лексикологической теории

мотивации, в последние годы сопоставительная мотивология постепенно перерастает в самостоятельную дисциплину, предмет исследования которой – общность и специфика явления мотивации слов в нескольких формах одного языка (внутриязыковое сопоставление) или в разных языках (межъязыковое сопоставление).

Впервые идея *внутриязыкового* сопоставления лексики в аспекте мотивированности была высказана О.И. Блиновой в процессе типологического изучения словарного состава русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Наблюдения над разнодиалектной синонимией и поиск дополнительных объяснений существующим языковым явлениям с целью установления новых закономерностей, присущих языку, подвели ее к вопросу о том, отличается ли по степени мотивированности словарь литературного языка и диалекта, может ли количественное соотношение мотивированных и немотивированных слов составлять один из типологических признаков диалекта в отличие от литературного языка (Блинова 1975, с. 33).

В дальнейшем мысли О.И. Блиновой о возможностях сопоставительного изучении явления мотивации слов нашли выражение в серии ее статей, где были намечены основные параметры сопоставительного мотивологического исследования и обозначены направления мотивационно-сопоставительного анализа лексики одного языка и словарного состава нескольких языков.

Первый опыт *межъязыкового* мотивационного анализа был представлен в работах А.Д. Адиловой, обращенных к сопоставлению орнитонимов русского, польского и украинского языков (1996). Позже появились исследования И.Е. Козловой, выполненные на материале орнитонимов и фитонимов русского и французского языков (1999), А.С Филатовой – на материале названий птиц и растений русского и английского языков (2004), Н.А. Чижик – на материале предметно-бытовой лексики русского и немецкого языков (2005).

К настоящему моменту в рамках сопоставительной мотивологии выделены следующие направления или аспекты.

1. Онтологический аспект.

Теоретическим основанием сопоставительной мотивологии послужило мотивологическое понимание таких исходных научных понятий, как мотивированность, отношения мотивации, внутренняя форма слова, мотивационная парадигма, типы мотивированности. Вместе с тем, в ее понятийно-категориальный аппарат вошли и специфические понятия: мотивационно-сопоставительный анализ, национальная специфика языка, национальное метаязыковое сознания, эквивалентность.

2. Функциональный аспект.

Перспективу данного направления представляет исследование мотивационных отношений слов в тексте. В частности, продуктивным видится сопоставление функций внутренней формы слова

(коммуникативной, когнитивной, экспрессивной, типологизирующей), а также функций мотивационно связанных слов (пар, цепочек, блоков) в тексте. Возможен анализ функций мотивационно связанных слов в сопоставляемых текстах разных жанров (напр., поэтических текстах, фольклорных текстах) как одного, так и нескольких языков.

Интерес к функциональному аспекту определяется тем, что в художественном переводе постоянно возникают формально-семантические ассоциации нескольких уровней. «Во-первых, это мотивационные связи лексических единиц текста оригинала, исследование которых в сопоставительном плане уже само по себе представляет особый научный интерес. Во-вторых, достойны внимания связи, возникающие между иноязычными и «своими» лексическими единицами в процессе самого перевода. <...>. В-третьих, особого внимания заслуживают мотивационные связи слов в тексте самого перевода, рассмотренные в сопоставительном аспекте» (Наумов 1998, с. 169).

3. Лингвокультурологический аспект.

Словарный состав любого языка может быть рассмотрен как результат комплексного взаимодействия всех основных факторов, формирующих национальную языковую специфику: культурно-социального опыта, национальной психологии, языковой традиции и языковой системы, индивидуального и коллективного языкового сознания.

Сопоставительная мотивология открывает широкие возможности для изучения национального и культурного духа народов – носителей сопоставляемых языков, поскольку мотивированная лексика раскрывает особенности восприятия человеком окружающей его действительности и языка и проецирует картину мира говорящих коллективов (при выявлении мотивированности слов мотиволог обращается к сознанию носителей рассматриваемых языков, а вернее, к осознанию ими особенностей неязыковой реальности в фактах языка).

Признавая универсальность мыслительных процессов, следует, однако, принять во внимание, что ход размышлений при осознании связи звучания и значения слова не может быть одинаковым у носителей разных языков уже в силу национальной специфики языка. К тому же для носителя каждого языка характерна своя манера структурирования окружающей действительности, определяющая фиксацию в языковых единицах тех характеристик реалий, которые имеют значение именно для данного лингвокультурного сообщества. В этом заключается идея особого национального мировидения сквозь призму языка посредством языкового сознания – механизма регуляции человеческих отношений с миром посредством языка.

4. Лексикографический аспект.

Общепризнано, что лексикологическое исследование приобретает некую законченность и наглядность, если его результаты представлены в словаре. Идея словарной параметризации сопоставляемых единиц воплотилась в

разработку теоретических и методологических основ лексикографирования мотивированных слов и нашла практическое отражение в полном мотивационно-сопоставительном словаре орнитонимов и фитонимов русского и английского языков А.С. Филатовой (Филатова 2004).

Думается, перспективу лексикографического описания явления мотивации слов в сопоставительном аспекте могут составить опыты создания мотивационно-сопоставительных словарей «вширь» и «вглубь». Расширение, вероятно, будет связано с пополнением фактического материала сопоставления (за счет привлечения новых тематических групп имен существительных и материала иных частей речи), а также с увеличением числа сопоставляемых языков (для создания в дальнейшем многоязычных мотивационных словарей). Углубление может идти по пути составления аспектных словарей, например, мотивационно-сопоставительных словарей внутренних форм слов, мотивационных парадигм и др.

Проведенный обзор позволяет утверждать, что сопоставительная мотивология является перспективным научным направлением, представляя собой область сопоставительной лингвистики в самом широком ее понимании.

Литература

1. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименования птиц): Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996.
2. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1975.
3. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1999.
4. Наумов В.Г. Мотивологическая теория и практика: пути, направления, перспективы//Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвузовский сборник статей. – Томск, 1998.
5. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004.
6. Чижик (Тихонова) Н.А. Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005.

А.А. Махонина

Типологическая классификация русско-английских субстантивных лакун

Многочисленные лексикологические сопоставительные исследования, проводимые с целью изучения межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий, отмечают несходства в семантико-функциональной эквивалентности сравниваемых единиц и называют

лакуну крайним случаем этих несовпадений. В современной лингвистике термин «лакуна» понимается неоднозначно. Среди разнородных толкований этого термина выделяется два основных подхода: понимание лакуны в узком смысле (на лексическом и грамматическом уровне языка) и понимание этого явления более широко, как любых несоответствий и несовпадений, ощущаемых имплицитно.

Не отрицая влияния экстравербальных факторов на непонимание и всякого рода расхождения, проявляющиеся в общении представителей разных культур, мы обращаем внимание на лексические лакуны, поскольку считаем, что, в первую очередь, лексемы являются теми материальными сигналами, которые отражают ментальные и психические процессы и которые нагляднее всего демонстрируют национально-специфические особенности мышления.

Межъязыковая лексическая лакуна в нашем понимании – это некий смысл, не имеющий в исследуемом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания на фоне наличия подобных наименований в языке сопоставления. Необходимо пояснить, что при сопоставлении языков один из них будет являться фоновым, а другой – исследуемым. **Фоновый язык** – язык, относительно которого в исследуемом языке при межъязыковом сопоставлении выявляется лакуна.

Добавим, что лакунарный смысл представляет собой совокупность семантических компонентов, выявляемых через сопоставление с семантикой конкретных единиц фонового языка, которые как упорядоченное семантическое единство (семема) не подвергнуты номинации в исследуемом языке. Анализ лакун через межъязыковое сопоставление обнаруживает лакунарные смыслы – совокупности семантических компонентов, выраженных в другом языке как семемы. Мы осознаем наличие этих неназванных смыслов через их выявление в другом языке в виде семем конкретных лексем и словосочетаний.

Поскольку лакуна – это отсутствие семантической единицы (семемы) в одном из сравниваемых языков, то это единство мы называем обобщенным термином «смысл», чтобы подчеркнуть отсутствие в исследуемом языке семемы – единицы семантического пространства этого языка. Если этот смысл заимствуется из лексической единицы фонового языка и подвергается окказиональной номинации (т.е. происходит компенсация лакуны), то смысл становится семантической единицей – семемой, но пока это не произошло, можно говорить только о смысле.

Несомненно, проблема лакунарности очень важна для лингвистики, поскольку наличие лакун в одном языке на фоне другого отражает наиболее яркий аспект национально-культурной специфики семантики языка. В связи с этим отметим, что лингвистами уделяется большое внимание изучению этого явления и разработке классификаций межъязыковых лакун. На настоящий момент существует несколько таких классификаций (В.Л. Муравьев, А.П. Бабушкин, Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, Астрид Эртельт-Фийт, Е.А.

Эйнуллаева), при этом все они основаны на различных принципах. Представляется, однако, что назрела необходимость предложить единую типологию лексических лакун, которая охватывала бы все без исключения межъязыковые лакуны и основывалась на едином принципе.

Нами предложена единая типология лексических лакун, охватывающая все межъязыковые лакуны и основывающаяся на причине лакунарности, то есть причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной является отсутствие в исследуемом языке либо соответствующего обобщения, либо соответствующей конкретизации по определенному признаку.

Согласно предлагаемой типологии, все межъязыковые лакуны подразделяются на две большие группы: обобщающие и конкретизирующие. **Обобщающие** лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке (в нашем случае – русском) соответствующего обобщения. **Конкретизирующие** лакуны выделяются на основании отсутствия в исследуемом языке соответствующей конкретизации по определённому признаку.

Исследование обобщающих русско-английских субстантивных лакун показало возможность отсутствия обобщения по 41 **лакунарному признаку**, под которыми понимаются смысловые компоненты, отсутствующие в исследуемом языке по сравнению с фоновым языком. Так, в русском языке может отсутствовать обобщение по следующим лакунарным признакам: весу (*предмет весом в один фунт* –ср. pounder), продолжительности (*что-либо, продолжающееся всю ночь* –ср. nightlong), размеру (*что-либо очень маленькое или миниатюрное* –ср. midget) и т.д.

У конкретизирующих лакун отмечена возможность отсутствия конкретизации по 67 лакунарным признакам, в том числе: длине (*расстояние, в пределах которого слышен оклик* –ср. hail), размеру (*самый маленький поросенок из помета* –ср. amer. runt), вместимости (*винная бутыль, вмещающая две кварты* –ср. magnum) и др.

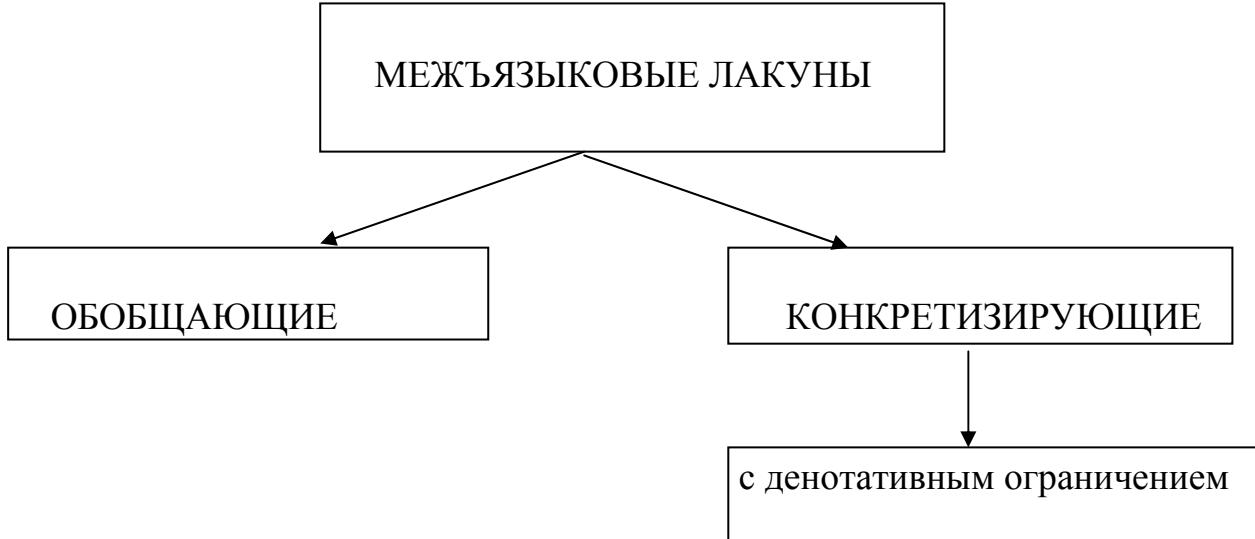
Отметим, что число лакунарных признаков конкретизации (67) значительно превышает число лакунарных признаков обобщения (41). Большее количество лакунарных признаков конкретизации, очевидно, напрямую связано с большим количеством конкретизирующих лакун в русском языке. Так, из общего объема более 7000 субстантивных лакун в русском языке только 227 являются обобщающими. Таким образом, судя по лакунарной сфере языка, английское языковое сознание демонстрирует большую склонность к конкретизации номинации.

Обращает на себя внимание тот факт, что направление конкретизации и направление обобщения во многих случаях совпадают – нами выявлены 37 совпадающих лакунарных признаков у обобщающих и конкретизирующих лакун. Отметим, что, помимо совпадающих лакунарных признаков, у обоих типов лакун отмечены и эндемические признаки. Такими признаками у обобщающих лакун являются следующие четыре: отсутствие обобщения по необходимости, определенности/неопределенности

существования, реальности/нереальности существования, сопоставимости. Перечень несовпадающих лакунарных признаков конкретизации более значителен (30) и включает признаки отсутствия конкретизации по влиянию, вместимости, возрасту, времени, выполнению служебных обязанностей, высоте, манере поведения, необходимости осуществления действия, неуспешности действия, обладанию чем-либо, объекту правового действия, основанию действия, происхождению, проявлению признаков, роду деятельности, свойствам, системе организации чего-либо, ситуации осуществления действия, содержанию, состоянию здоровья, способностям и умениям, способу исполнения, способу получения, типу родственных связей, убеждениям, увлечениям, условиям выполнения действия, успешности действия, цвету, эмоциональному состоянию.

В составе конкретизирующих лакун в ходе исследования выделен отдельный подтип - **лакуны с денотативным ограничением**. Денотативное ограничение может быть представлено либо в виде закрытого списка денотатов (*молодь трески или лосося* –ср. sprag, *короткий хвост зайца, кролика или оленя* –ср. scut), либо указанием на исключение отдельного денотата из денотативной отнесенности лексического соответствия (*промышленная рыба (кроме камбалы)* –ср. roundfish, *учащийся – любитель спорта (не водного)* –ср. dry-bob).

Схематически разработанная нами типологическая классификация лакун может быть представлена следующим образом:

Исследование показало возможность выявления как у обобщающих, так и у конкретизирующих лакун нескольких *уровней лакунарности*, определяемых количеством лакунарных признаков.

Так, лакуна *собака, преследующая зайца* –ср. courser является лакуной первого уровня, так как отсутствует конкретизация по одному признаку – производимому действию.

Лакуна *пешеходная дорога по берегу реки, канала* –ср. towpath является лакуной второго уровня, так как отсутствует конкретизация понятия *дорога* по двум признакам – предназначению и месту.

Лакуна длинная страница в книге или журнале, складывающаяся гармошкой – ср. *gatefold* является лакуной третьего уровня, так как отсутствует конкретизация понятия *страница* по трем признакам – длине, месту и производимому действию.

Лакуна молодая женщина соблазнительной внешности, но не блестящая умом, которая является любовницей политического или общественного деятеля – ср. *bimbo* является лакуной четвертого уровня, так как отсутствует конкретизация понятия *женщина* по четырем признакам: по признаку возраста, внешнего вида, оценки, производимого действия.

Лакуна краткая издательская аннотация рекламного характера на обложке или суперобложке, часто составленная из выдержек, взятых из рецензий – ср. *blurb* является лакуной пятого уровня, поскольку наблюдается отсутствие конкретизации понятия *аннотация* по пяти признакам – длине, принадлежности, содержанию, месту и составу.

Таким образом, у конкретизирующих лакун можно выделить пять уровней лакунарности.

Обобщающие лакуны имеют три уровня лакунарности. Так, например, *что-л. напоминающее по форме букву S* – ср. *sigma* является лакуной первого уровня, поскольку отсутствует обобщение только по одному признаку – признаку формы.

Лакуна что-л., не отвечающее стандарту, не соответствующее установленному размеру – ср. *under* является обобщающей лакуной второго уровня, так как отсутствует обобщение по двум признакам – качеству и размеру.

Лакуна нечто грандиозное, дорогое и бесполезное – ср. *white elephant* является лакуной третьего уровня, так как отсутствует обобщение по трем признакам: по признаку размера, признаку стоимости и признаку ценности.

Отметим, что отдельные выделенные нами лакунарные признаки обобщения или конкретизации определяются не на первом, а на втором или третьем уровне лакунарности. Так, например, признаки конкретизации и обобщения по ширине и осязательным ощущениям выделяются, как правило, только на втором уровне конкретизации: *длинная узкая дорожка на стол* – ср. amer. *scarf*, *длинный мягкий диван* – ср. *chesterfield*, *что-л. непропорционально длинное и тонкое* – ср. *spindling* и т.п.

У конкретизирующих лакун можно также выделить *ступени лакунарности*, под которыми понимается степень конкретизации осмыслиения того или иного понятия.

В случае конкретизации только родового понятия, мы имеем дело с лакунами первой ступени. Если, помимо родового понятия, конкретизируется также одно из видовых понятий, отраженных в развернутой словарной дефиниции, мы имеем дело с лакунами второй ступени.

Так, лакуна *сумма*, вносимая в уплату долга – ср. tender является лакуной первой ступени, так как конкретизируется только признак, присущий родовому понятию *сумма*, а лакуна *плата за проезд в междугороднем автобусе для пассажира, едущего только часть пути* – ср. amer. way fare является лакуной второй ступени, поскольку помимо конкретизации понятия *плата* – за проезд в междугороднем автобусе для пассажира, имеет место также дополнительная конкретизация понятия *пассажир* по производимому действию (*едущего только часть пути*).

Таким образом, проведенное исследование позволило разработать типологическую классификацию русско-английских субстантивных лакун, основанием для которой служит причина лакунарности, то есть причина, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна.

Раздел 2. Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

М.В. Бочарова

Внутриязыковое и межязыковое сопоставление в лексике

Сопоставительное исследование по своей направленности может быть двусторонним или односторонним. При одностороннем подходе в качестве основы сопоставления выбирается грамматическое или лексическое явление одного, исходного языка, а затем посредством различных процедур выявляется структура его значения и (частично) эквивалентные ему, различно структурированные способы выражения аналогичных значений в языке-цели. При двустороннем подходе в основу сопоставления ложится некий «третий член сравнения», tertium comparationis, определенное внеязыковое понятие, например, каузальные отношения или будущее действие (Штернemann 1989).

Рассмотрим подробнее двусторонний подход к анализу явлений двух языков, который базируется на поиске и описании способов выражения некого инвариантного семантического явления в разных языках и установления степени их эквивалентности. В рамках данного подхода эквивалентность связывается именно с планом содержания, со значением. В плане выражения между языками могут обнаруживаться отношения конгруэнтности, или формального соответствия, если в разных языках существуют эквивалентные конструкции, состоящие «из одинакового числа эквивалентных формативов, расположенных в одинаковом порядке» (Кшешовский 1989, с. 328). При этом подобие в плане выражения не

обязательно означает подобие в плане содержания.

Важно отметить необходимость этапа *внутриязыкового сопоставления* при проведении *межязыковых сопоставительных исследований*. Как отмечает Р. Штернеманн, после выделения некой функционально-семантической категории / типа значения, общего для сопоставляемых языков, и выявления набора средств его выражения в каждом из данных языков, требуется провести семасиологический анализ средств в рамках каждого отдельно взятого языка. Именно такой этап *внутриязыкового сопоставления* является обязательным условием, обеспечивающим валидность исследования в целом, так как он помогает уточнить коррелируемость (частично) эквивалентных средств разных языков, а часто также «семантическое распределение ролей» между отдельными средствами и их статус (Штернеманн 1989, с. 146).

Для иллюстрации важности этапа *внутриязыкового сопоставления* обратимся к рассмотрению двух способов реализации значения «господство субъекта над объектом», в частности, отношений социальной зависимости между людьми. Данный тип значения является общим для русского и английского языков и существует в зоне синкремизма между функционально-семантической категорией действия и функционально-семантической категорией отношения. В обоих сопоставляемых языках данное значение может реализовываться при помощи:

- предложно-именных сочетаний в предложениях-высказываниях модели «Подлежащее – Связочный глагол – Предикативный компонент-адьюнкт» (Subject – Verb – Adjunct: SVA), например:

I was under pressure from my grandfather to become a teacher and that's the last thing I wanted to be (British National Corpus – BNC); A small boy could not believe that he was under control from his teacher who did not care about his feelings (BNC); A person in a cage does everything to hide himself under his bed but still he is under observation all the time (BNC); I wonder if I am under surveillance from Rufus's boys and can escape from them (BNC);

Рябых вся семья на примете, неблагонадёжные (Б.Пастернак); (Он) побывал в плену у гайдамаков, бежал... (М.Шолохов); Сам отказал или был под колпаком ЦРУ, сейчас невозможно выяснить (Ф.Искандер); ...война, маньяки... И потом, это же все у Президента под контролем (М. Задорнов); Вл. Гусинский продолжает оставаться под арестом (ТВ); ...у него ж, братцы, музыкантская команда в непосредственном подчинении (С.Черный).

- глаголов, часто в форме пассивного залога, в предложениях-высказываниях модели «Подлежащее – Глагол – прямое Дополнение» (Subject – Verb – Object direct: SVOd), например:

He is arrested now, so his wife can feel relaxed at last (BNC); He is suspected of murder (BNC); Его тогда контролировали 'сверху' (из газет); За ним постоянно наблюдали, кто-то в штатском (из журналов).

Обратимся к аспекту *внутриязыкового сопоставления* двух способов реализации значения «господство субъекта над объектом», в частности,

отношений социальной зависимости между людьми в английском языке (предложно-именные сочетания *under pressure*, *under control*, *under observation*, *under surveillance*, *under arrest*, *under suspicion* и др. в модели SVA и однокоренные им глаголы в пассиве в модели SVOd).

При попытке проанализировать значения пассивных глагольных конструкций было обнаружено, что словари часто дают им “зеркальные” дефиниции через предложные сочетания (*to be controlled – to be under control*). Можно было бы сделать вывод о том, что пассивные конструкции являются трансформами рассматриваемых нами предложно-именных сочетаний, то есть несут то же значение и отражают ту же сигнификативную ситуацию. Однако лингвистическая реальность зачастую оказывается намного богаче и разнообразнее, чем предлагаемые словарями толкования, что и подтвердилось вновь при проведении настоящего исследования.

1. В ряде случаев при сопоставлении контекстов с предложно-именными сочетаниями и контекстов с однокоренными глаголами мы выявили, что пассивная глагольная конструкция не используется в значении “господство субъекта над объектом”. Это верно в отношении следующих единиц:

- *under pressure ≠ be pressurized* (“быть сжатым, находиться под давлением”, о неодушевленном объекте): *CNG is pressurized to 200 bar; a typical storage cylinder would have a capacity of approximately 50 litres (BNC)*.

Только предложения, в которых *be pressurized* сочетается с конструкцией *into doing something* с семантикой цели, могут выражать интересующие нас значения: *Innocent suspects could be pressurized into confessing to something they had not done in the face of sophisticated techniques of interrogation and rather less sophisticated threats (BNC)*.

- *under surveillance ≠ be surveyed* (“быть обысканным” - об объекте, либо “принять участие в исследовании” - о лице): *Garages and sheds must be surveyed inside and out like the main building (BNC); These young people will be surveyed by mailed questionnaire on three separate occasions over a two-year period (BNC)*.

- *under observation ≠ be observed* (“рассматриваться”, “быть увиденным/ наблюдаемым”): *Fortunately, there are animals in which the process is not only much simpler but can be observed directly (BNC); His point of view is observed very clearly by all the members of the meeting as his speech sounds very logical and not overcomplicated (BNC)*.

2. В других случаях при сопоставлении контекстов с предложно-именными сочетаниями и контекстов с однокоренными глаголами мы выяснили, что пассивная глагольная конструкция используется в значении “господство субъекта над объектом”, однако роль патиенса, т.е. объекта воздействия, реализуется существительными другой семантики, а именно называющими объекты, процессы и явления. Это верно в отношении следующих единиц:

- be under control vs. be controlled: ...*the Bill, which makes sweeping changes in the way industrial pollution is controlled* (BNC); *The movement of ions through a membrane is controlled by the nature and number of charged molecules fixed in it* (BNC).
- be under investigation vs. be investigated: *The case was investigated by the police and it was found that the suspect was not guilty* (BNC); *It was investigated that Ann Millers was not at home at the time when murder was committed, so she could not be the murderer* (BNC).

3. В отдельных случаях высказывания с предложно-именными сочетаниями и с однокоренными глаголами в пассиве передают схожий смысл, однако имеют и определенные отличия:

- be under suspicion vs. be suspected:

использование предложно-именной конструкции является намного более частотным средством выражения данного смысла, чем глагольная конструкция.

- be under arrest vs. be arrested:

предложно-именное сочетание имеет статальное значение: *They have been under arrest for two weeks and now they are called to face the court* (BNC), в то время как глагольная конструкция передает акциональное значение: *They were arrested in Frankfurt and placed in prison immediately; then they were moved to Berlin* (BNC).

Итак, при сопоставлении двух способов реализации значения «господство субъекта над объектом» в английском языке между ними были выявлены значительные расхождения в отношении передаваемого ими значения, лексико-семантических групп слов, заполняющих позиции модели, частотности употребления данных конструкций, а также различия в наборе семантических ролей, проецируемых семантикой предикатного слова, частотности реализации факультативных семантических ролей, что обуславливает важность проведения сопоставительного изучения во внутриязыковом аспекте.

Литература

- 1.Кшешовский Т.П. Эквивалентность, конгруэнтность и глубинная структура // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.XXV. – М., 1989. – С.327–340.
- 2.Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.XXV. – М., 1989. - С.144–178.

Л. В. Полякова

Общее и национально-специфическое в семантической структуре родовых номинаций вкуса в русском, английском и итальянском языках

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей репрезентации в трех языках – русском, английском и итальянском – информации,

получаемой человеком по одному из пяти основных чувств человека – вкусу. В фокусе нашего внимания находятся структуры знаний, объективированные в семантике родовых номинаций вкуса: *vкус*, *taste*, *sapore* и *gusto* соответственно в русской, английской и итальянской языковых системах. Сравним семанты данных лексических единиц и попытаемся выяснить, что общего имеют данные лексемы относительно их семантической архитектоники и в чем заключается национальная специфика последних.

Семанта русской лексемы ВКУС

Русская лексема ВКУС употребляется для именования «ощущения, возникающего в результате раздражения слизистой оболочки языка различными веществами», - семема Д1. Помимо этого, ВКУС - это и «качество, свойство пищи, ощущаемое при еде». Данное свойство также отражено в семеме Д1 анализируемой лексической единицы.

• *Мне кажется, что наши рислинг из Алькадара по тонкости вкуса бесподобен (Павленко)*

• --Вы любите ли сыр ?- спросили раз ханжу.

--Люблю,- он отвечал,- я вкус в нем нахожу. (К. Прутков)

Лексема ВКУС развивает ряд метафорических значений:

- семема К1 «способность человека к различению, пониманию и оценке эстетических явлений во всех сферах жизни и искусства»:

• *В комнате, куда мы вошли. Мебель была немного получше и расставлена с большим вкусом. (Тургенев).*

• *Ни одно направление не испортило так музыкального вкуса, как именно эта внешне страстная, внешне красивая — буржуазная музыка. (Ф. Бородин).*

- семема К1– «склонность, интерес, пристрастие к чему-либо»:

• *Выбрать занятие по вкусу.*

• *Я с детских лет имею вкус к литературе. (Салтыков-Щедрин)*

Семанта английской лексемы TASTE

Английская лексема TASTE имеет семемы Д1 «свойства, качества пищи, ощущаемые в процессе еды», а также «способности человека различать и распознавать вещества с помощью вкусовых рецепторов»:

- *He was coughing violently, his stomach heaving against the foul taste of beck-water. (его желудок выворачивало от противного вкуса воды)*
- *want to keep your taste buds at their most sensitive, eh? (хочешь сохранить чувствительность вкусовых рецепторов?)*

Лексическая единица TASTE имеет также семему Д2 «кухня, набор национальных блюд»:

A taste of France was on the menu for youngsters from Merseyside schools today. (В меню для школьников входили блюда французской кухни)

Лексическая единица TASTE развивает также ряд семем K1. Представим их и проиллюстрируем контекстами:

Семема K1 «способность человека различать, понимать и оценивать эстетические явления»:

- *The real reason may lie in the clients: eighteenth century clients were men of taste and education unlike the corporation of today* (...покупатели 18 века были образованными людьми со вкусом...)

Семема K1 «склонность, влечение и пристрастие индивида или группы людей»:

- *They were both intellectual Jews with a deep knowledge of literature and art enmeshed with a taste for mysticism and occult.* (с глубокими знаниями литературы и искусства с примесью мистического и оккультного)
- *Beginners can develop a taste for the sport using ...*(Интерес к спорту у новичков повысится...)

Семема K1 «способность или неспособность человека вести себя соответственно ситуации и чувству такта; манеры»:

- *Her remark had been in bad taste, she acknowledged , but there was no reason for him to lay into her with yet another string of personal insult* (она понимала, что ее реплика была бестактной)

Семема K1 «стиль, манера»:

- *They used the Greek orders, adapted to their own taste, added tow more variation and employed them constructively in temples and buildings.* (Они использовали греческий порядок, адаптированный на их манер...)
- *Some voices of the past may have been based on shaky techniques, or their use transgressed today's views about musical taste.* (...или их использование противоречит сегодняшним взглядам по поводу музыкального стиля)

Семема K1 «малое количество чего-либо»:

- *She swirled the caramel liquor around in his cupped palm and savored its bouquet before taking another small taste* (перед следующим глотком)
- *It is possibly the most dangerous plant in this country and barely a taste could kill a child.* (даже один кусок может убить ребенка)

Семема K1 «примесь, привкус»:

- *By definition, gin is “a spirit drink with a predominant taste of juniper”.* (спиртной напиток с преобладающим привкусом можжевельника)
- *Disadvantages with metformin are that a minority of patients may develop a metallic taste in their mouth, indigestion or loose bowel actions.* (у некоторых больных появляется металлический привкус во рту)

Семема K1 «образец, способность индивида получить какой-либо опыт или представление о чем-либо»:

- *For many programmers, this is the first taste of trying to sell houses in a buyer's market....* (Для многих это был первый опыт в попытке продать дома...)

- *Five of these are held in the US and five in Europe, including Plymouth, where a Scottish team could get its first taste of big game if sponsorship was forthcoming.* (...где шотландская команда сможет получить свой первый опыт в большой игре)

Семантича итальянской лексемы GUSTO

Данная ЛЕ имеет семему Д1 «способность человека различать и распознавать вещества в помощь вкусовых рецепторов»:

- *amaro al gusto* (горький на вкус)
- *Alterazione del gusto* (ухудшение вкуса).

Семема Д1 «свойства, качества пищи, ощущаемого в процессе еды»:

- *Zuccherini al gusto di mela*(сладости со вкусом дыни)
- *Niente influenza il gusto del caffè* (ничего не влияет на вкус кофе)

Лексема GUSTO развивает ряд семем К1. Представим их и проиллюстрируем контекстами:

Семема К1 «способность человека различать, понимать и оценивать эстетические явления»:

- *Una scelta che rivela un gusto eccellente.* (выбор указывает на превосходный вкус)
- *La tavola più raffinata sarà quella che rispecchia il gusto e lo stile dei padroni di casa.* (хороший стол тот, который будет отражать вкус и стиль хозяина дома)

Семема К1 «склонность, влечение и пристрастие индивида или группы людей. Желание, каприз»:

- *Mi sono levato il gusto di dirgli ciò che pensavo* (у меня появилось желание сказать все, что я думаю)
- *Non c'è gusto a litigare con te.* (нет желания с тобой ругаться)

Семема К1 «стиль, манера»:

- *vestire con gusto.* (одеваться со вкусом)
- *si veste secondo il gusto francese* (одеваться во французском стиле)

Семема К1 «образец, дегустация»:

- *è il padre per lo cui ardito gusto*

Семема К1 «удовольствие, доставляемое едой, напитками или какими-либо явлениями»:

- *Il gusto del bello e il piacere di abitare.* (наслаждение красотой и жизнью).
- *Ho bevuto con gusto* (я пил с наслаждением)

Иногда данная семема реализуется в ироничном контексте, когда речь идет о неприятных вещах или занятиях.

- *Sai che gusto passare la domenica a fare le pulizie di casa!* (знаешь, какое это удовольствие проводить воскресение, убирая дом!)

Семема К1 «индивидуальное видение и оценка вещей». Часто в этом значении лексема GUSTO употребляется во множественном числе:

• *La tinta è un po' troppo calda, per i miei gusti.* (на мой взгляд/вкус, этот оттенок слишком холодный)

• *A mio gusto avrei scelto qualcos'altro.* (на мой взгляд/вкус, тебе надо выбрать что-нибудь другое)

Семена К1 «эстетические направления, школы»:

• *una casa affrescata secondo il gusto liberty* (дом расписан в свободном стиле)

• *uno scalone di gusto barocco* (широкая лестница в стиле барокко)

Семена К1 «приправы, ароматные травы, использующиеся при приготовлении пищи»:

• *preparare un soffritto con i gusti* (приготовить соффрито с приправами)

• *aggiungere un po' di gusti all'arrosto* (добавить немного приправы при жарке)

Семантическая тема итальянской лексемы SAPORE

Семена Д1 «свойства, качества пищи, ощущаемого в процессе еды»:

• *Da una parte Martino Ragusa, che ha percorso in lungo e in largo l'Italia alla ricerca dei piatti della nostra storia culinaria, a caccia dei prodotti della cultura contadina e degli angoli che custodiscono intatte queste gemme preziose del buon sapore.* (взгляд Мартино Рагузы, который проехал вдоль и поперек всю Италию в поисках блюд за всю историю нашей кулинарии, выяснял продукты крестьянской культуры и закоулки, хранящие нетронутыми эти драгоценности хорошего вкуса).

• *il sapore del caffè* (вкус кофе)

Семена К1 «характер»:

• *L'estate è una stagione magica, tutto ha un sapore diverso, sbocciano amori.* (лето – магическое время года, все имеет совершенно другой вид/характер, во всем пробуждается любовь)

• *Come in un miraggio da Mille e una notte, ecco delinearsi davanti agli occhi del lettore un catalogo appassionato che ci restituisce il sapore della terra d'origine l'aroma delle estati assolate,* (подобно Тысяче и одной ночи, здесь предстает перед глазами читателя каталог, который передает характер родины солнечного лета)

Семена К1 «Стиль, манера»:

• *Un breve romanzo intenso e coinvolgente, con un sapore quasi da tragedia greca, che approda, in un vorticoso crescendo narrativo, a un finale sorprendente* (короткий с быстро развивающимся и захватывающим сюжетом роман, близкий по стилю к греческой трагедии ...)

• *Una pittura dal sapore rinascimentale* (картина в стиле Возрождения)

Семена К1 «колорит, оттенок»:

• *un'atmosfera di sapore Romantico* (атмосфера романтического характера/ романтическая атмосфера)

- *una festa di sapore campagnolo* (праздник с деревенским характером/оттенком/праздник по деревенски)

Семема К1 «живость, интенсивность»:

- “*Friulano*”, *un nome senza sapore* («Фриулано» – невыразительное имя/название)

**Сравнительная таблица семантем
лексем ВКУС, TASTE, GUSTO и SAPORE**

семемы	вкус	taste	gusto	sapore
Д1 «способности человека различать и распознавать вещества с помощью вкусовых рецепторов»	+	+	+	-
Д1 «свойства, качества пищи, ощущаемого в процессе еды»	+	+	+	+
Д2 «кухня, набор национальных блюд»	-	+	-	-
К1 «способность человека различать, понимать и оценивать эстетические явления»	+	+	+	-
К1 «склонность, влечение и пристрастие индивида или групппы людей», «каприз».	+	+	+	-
К1 «способность или неспособность человека вести себя соответственно ситуации и чувству такта; манеры»	-	+	-	-
К1 «стиль, манера»	-	+	+	+
К1 «малое количество чего-либо»	-	+	-	-
К1 «примесь, привкус»	-	+	-	-
К1 «образец, способность индивида получить какой-либо опыт или представление о чем-либо».	-	+	+	-
К1 «удовольствие, доставляемое едой, напитками или какими-либо явлениями»	-	-	+	-
К1 «личное видение и оценка вещей»	-	-	+	-
К1 «эстетические направления, школы»	-	-	+	+
К1 «колорит, оттенок»	-	-	-	+
К1 «характер»	-	-	-	+

K1 «приправы; ароматные травы, использующиеся при приготовлении пищи»	-	-	+	-
---	---	---	---	---

Из таблицы видно, что данные лексические единицы имеют общую семему Д1 «свойства, качества пищи, ощущаемого в процессе еды». Лексические единицы ВКУС, TASTE и GUSTO эквивалентны по семеме Д1 «способности человека различать и распознавать вещества с помощью вкусовых рецепторов». В свою очередь, лексемы ВКУС, TASTE и GUSTO совпадают по некоторым коннотативным значениям: «способность человека различать, понимать и оценивать эстетические явления», «склонность, влечение и пристрастие индивида или группы людей», «каприз». Лексемы TASTE, GUSTO в том числе имеют общую семему К1 «стиль, манера».

Присущие только слову TASTE семемы Д2 «кухня, набор национальных блюд» и К1 «способность или неспособность человека вести себя соответственно ситуации и чувству такта; манеры», «малое количество чего-либо», «примесь, привкус» есть основания считать национально специфическими для английского языка. Семемы К1, которые имеет лексема GUSTO - «удовольствие, доставляемое едой, напитками или какими-либо явлениями», «личное видение и оценка вещей» «приправы; ароматные травы, использующиеся при приготовлении пищи», не входят в сферу означивания русской и английской лексемами. Лексему SAPORE отличает от ее лексических эквивалентов двух других рассматриваемых языков способность объективировать оценочные смыслы, репрезентированные в семемах К1 «колорит, оттенок» и «характер».

В итальянском языке лексемы GUSTO и SAPORE тоже имеют общие значения. Например, они сходны по семемам Д1 «свойства, качества пищи, ощущаемого в процессе еды», К1 «стиль, манера» и «эстетические направления, школы». Но каждая из этих лексем, помимо этого, имеет свои индивидуальные семемы. Видимо, это связано с различием в информации, репрезентированной в их прямых значениях (см. таблицу), в определенной степени обусловленной в свою очередь особенностями этимологии данных слов: SAPORE – от лат. Sapore da sapere = иметь вкус (говорится обо всем, что относится к еде и напиткам). GUSTO – лат. Gustus - корень Gus из санскрита = находить хорошим, получать удовольствие; греч. Gey-sis= еда, пища.

При сравнении всех лексем – обобщенных номинаций вкуса (ВКУС, TASTE, SAPORE и GUSTO) выявляется, что семантическое поле лексемы ВКУС намного уже, чем у лексем TASTE и GUSTO. На фоне трех языков прослеживается дискретичность лексем TASTE и ВКУС по способу хранения семантической информации. В итальянском языке лексемы SAPORE и GUSTO имеют индивидуальные значения. Очевиден тот факт, что данные лексемы не равнозначны в плане означивания концептуального содержания анализируемого мыслительного образа. Расхождения

наблюдаются на уровне перекатегоризации первичной семантики единиц в условиях вторичного использования последних для номинации или характеризации несобственно вкусовых реалий и сущностей.

Т. Н. Панкова

Метафорические значения лексем *фрукт, плод, fruit* и их производных

Как известно, метафора играет важную роль в становлении лексической системы любого языка. Семантические процессы могут быть построены на общечеловеческих законах мышления и могут иметь свои особенности проявления в каждом языке.

Лексемы *fruit*, *fruition*, *fruitless*, *fruity*, *fruitful* и *фрукт*, *плод*, *бесплодность*, *бесплодный*, *плодить*, *расплодить*, *плодиться*, *расплодиться*, *плодовитый*, *небесплодный* являются соотносимыми эквивалентами и приобретают переносные значения в обоих языках. Следует обратить внимание на тот факт, что английская лексема *fruit* соотносится с двумя русскими лексемами, то есть имеет место векторное соответствие.

Лексическая единица *плод* в русском языке означает *орган растения, развивающийся из завязи цветка и содержащий семена*. Например: *Стрелолист уже дал первые плоды – зелёные шишки, покрытые со всех сторон мягкими иглами* (К. Паустовский).

Данная единица также употребляется для обозначения *съедобной части некоторых растений (фрукты, ягоды)*. Например: *В прекрасном Новосельском фруктовом саду поспели все плоды и, между прочим, крупные груши* (А. Фет). *Я работал вместе со всеми; помогал складывать яблоки на рогожи, в груды, снимал плоды с ветвей* (Шеффнер)

У лексемы *плод* существуют два метафорических значения: 1) зародыш у человека и млекопитающих (перенос по признаку «фаза биологического существования», направление: растение – человек); 2) результат, порождение чего-либо. Например:

*Я плоды своих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.* (А.Пушкин)

Эта высшая простота – плод неутомимого писательского труда, громадного творческого усилия (Катаев).

Применительно ко второму случаю можно предположить, что перенос произошёл по признаку «результат» (результат биологического процесса развития растения – результат деятельности), направление: растение – абстрактное явление.

Лексема *бесплодный* имеет несколько значений: 1) не способный производить потомство, не дающий потомства. Например: *бесплодный*

брак. 2) неплодородный (о почве). Например: *Родник между ними из почвы бесплодной, Журча, пробивался волною холодной* (М. Лермонтов). В обоих случаях перенос произошёл по признаку «не являющийся источником другой жизни», направление: растение – натурфакт. 3) не дающий результатов; бесполезный, напрасный. Например: *Бесплодные попытки. Потом в раскаянье бесплодном /Влачил я цепь тяжёлых лет.* (М. Лермонтов). *Более тридцати дней бесплодных скитаний по лесам и болотам измотали всем нервы* (Г. Линьков)

В данном случае перенос произошёл по признаку «не приносящий результата»; направление: растение – абстрактное явление.

Лексема **бесплодность** тоже имеет два переносных значения и те же самые признаки метафорического переноса: 1) неспособность производить потомство. Например: *Блеклые кусты полыни, серая щетина ковыля ... лишь подчёркивали безжизненность и бесплодность этих земель* (Поповкин); 2) безуспешность, безрезультатность. Например: *Водолазы уже окончательно убедились в бесплодности дальнейших работ* (Куприн).

Лексема **плодить** имеет два значения: 1) размножать, разводить (животных, растения). // наплодить (разг.) – производить на свет многочисленное потомство. Например: *Плодить овец. // - Пусть женится, - шептала княгиня, десятый раз перечитывая письмо Степаниды Ивановны, - пусть плодит детей* (А. Толстой); 2) способствовать появлению, зарождению чего-либо, порождать. Например: *И каждый звук его речей/ Плодит ему врагов суровых* (Н. Некрасов) *Наличию разбойничих шаек удивляться не приходится: разбойники сами собой из недр земли не появлялись, их плодили своими действиями сами же помещики* (Шишков). Перенос происходит по признаку «создавать условия для размножения»; направление: растение – человек.

Лексема **плодиться** тоже имеет два значения: 1) (разг.) размножаться, обзаводиться многочисленным потомством // появляться на свет, рождаться в большом количестве. Например: *В улье происходит самое оригинальное разделение труда: одни работают, другие едят и плодятся* (Писарев). *Это были настоящие поместные дворяне, которые ... собирали дани с кабальных людей и скромно плодились* (Салтыков-Щедрин) *Болотная дичь любит эти мёртвые места и плодится здесь во множестве* (Мамин-Сибиряк). 2) (перен.) появляться в большом количестве. Например: *Откуда-то появились мародёрские шайки Бороться с этими шайками было некому, а они всё плодились, росли* (Фурманов). Перенос по признаку «размножаться, давать много плодов»; направление: растение – социальное явление.

Лексема **плодовитый** имеет два значения: 1) приносящий много плодов // быстро размножающийся, производящий большое потомство. Например: *Плодовое фруктовое дерево. // Кролики плодовиты.* 2) (перен.) много пишущий, много написавший художественных или научных произведений. Например: *Плодовитый композитор. Самый деятельный и плодовитый из*

русских писателей, без сомнения, - Пушкин (В. Белинский)

Можно предположить, что это ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признаку «результат», много плодов ассоциируется с количеством произведённого - «большое количество», следовательно, возможно проявление другого признака «множество»; направление: растение – человек.

Значением лексемы ***небесплодный*** является «приносящий некоторые плоды, результаты; небесполезный». Например: *Деятельность Ваша достигла хотя маленького результата – следовательно, небесплодна – чего же больше?* (И. Тургенев)). Думается, что это ассоциативно-признаковая метафора, перенос по признаку «качество, свойство»: даёт плод – приносит результат; направление: растение – абстрактное явление.

Лексема ***расплодить*** имеет два значения: 1) размножить, развести в большом количестве (каких-либо животных или растения)//(разг.) дать размножиться по небрежности, недосмотру // (разг.) произвести на свет многочисленное потомство. Например: *Расплодить порослят. // Расплодить клопов. // Хорь расплодил большое семейство, покорное и единодушное* (Тургенев); 2) (разг. неодобр.) создать благоприятные условия для появления и процветания кого-либо, чего-либо. Например: *Расплодить бездельников.* Здесь перенос происходит по признаку «действие» (размножить), направление: растение – человек.

В русском языке существует лексема ***расплодиться***, которая сходна с ***расплодить*** по признаку метафорического переноса и его направлению. Она означает: 1) размножиться, обзавестись многочисленным потомством. Например: *Охотников мало, даже вовсе нет. ... А дичь расплодилась обильно* (Фурманов). *Оводов расплодилось несметные тучи* (А. Кожевников); 2) (разг. неодобр.) появиться, начать существовать в большом количестве. Например: *Быть может, он просто разыгрывал из себя одну из «загадочных натур», которых в то время ... расплодилось очень много* (Салтыков-Щедрин). – *Сам понимаешь, сколько расплодилось теперь шпионов, и при дворе они, и в ставке, и при нашем маленьком отряде тоже могут оказаться* (Саянов).

Таким образом, в русском языке метафорические значения лексемы ***плод*** и её производных образуются по следующим признакам: 1) фаза существования, 2) результат процесса, 3) отсутствие результата, 4) множество.

Лексема ***фрукт*** в русском языке чаще используется во множественном числе и означает *съедобный сочный плод некоторых деревьев и кустарниковых растений*. Например: *Обыкновенно матушка сама собирала фрукты, то есть персики, абрикосы, испанские вишни, сливы и т.п.* (Салтыков-Щедрин).

Данная лексическая единица употребляется в переносном значении в просторечье, когда говорят о человеке с отрицательными качествами. Например: - *Вот так фрукт, - произнёс Борейко, всё ещё загораживая двери.* – *Сам украл, а других платить заставил* (Степанов). Вероятно,

метафорический перенос происходит по признаку качественного отличия от окружающего. Так как фрукты были редки и дороги, то, возможно, возникала ассоциация с чем-либо чужеродным, отличающимся от обычного. Следовательно, это ассоциативно-психологическая метафора. Направление переноса: растение – человек.

В английском языке лексическая единица *fruit* имеет несколько значений: 1) плод. Например: *They grow here different fruits.* (здесь выращивают разные плоды); 2) фрукт; собирательное – фрукты, плодовые растения, ягоды. Например: *to grow fruit* (разводить плодовые растения); *small fruit* (ягоды); 3)(преим. мн. ч.) плоды, результаты.

Это ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признаку «результат» (результат биологического процесса развития растения – результат деятельности), направление: растение – абстрактное явление.

При сопоставлении лексем *фрукт* и *fruit* выявляется, что все производные английского эквивалента реализуются, в основном, в составе устойчивых сочетаний. Так, например, существует несколько довольно распространённых в современном английском языке сочетаний.

Fruit of many years work (*fruit of many years' work* = *fruit of many years' labour*) – означает *плод многолетнего труда*, следовательно, имеется в виду определённый результат (труда). Существует другое выражение, имеющее библейскую этимологию, *eat the fruit of one's own doings*, которое означает *пожинать плоды своего труда*. *To reap the fruits of smth.* – означает *пожинать плоды чего-либо*, то есть видеть (иметь) результат какого-либо действия. *To bear fruit* (перен.) – *принести плоды, давать результаты*. Например: *By deed ... they have shown that production on a large scale, and in accord with the behests of modern science, may be carried on without the existence of a class masters employing a class of hands; that to bear fruit, the means of labour need not be monopolized as a means of dominion over ... the labouring man himself.* (К. Marx) ... рабочие на деле доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наёмных рабочих; они доказали, что для успешного производства орудия труда вовсе не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над ... рабочими.

Во всех этих случаях данная лексема выступает в одном и том же метафорическом значении. Перенос осуществляется по признаку «результат», направление: растение – человек.

Кроме того, лексема *fruit* употребляется в следующих фразеологизмах: *to top one's fruit* – укладывать лучшие фрукты сверху, чтобы скрыть плохие, что означает “скрывать что-то нехорошее, гадкое”. Сочетание *forbidden fruit* – это библейское выражение, означающее запретный плод. Например: *You mustn't go there! It's forbidden fruit for you!* Пословица *forbidden fruit is sweet* переводится как *запретный плод сладок*. Смысл

английской пословицы *He that would eat the fruit must climb the tree* на русский можно передать так: *успех даётся с трудом; без труда нет плода* (без труда не вытащишь и рыбки из пруда). Однако во всех этих случаях переосмысляется не отдельная лексема, а вся ситуация в целом.

Устойчивое сочетание *old fruit* (сленг) означает *дружище, голубчик, старина*. Здесь, в отличие от русского языка, чётко прослеживается положительная коннотация. Думается, что это ассоциативно-психологическая метафора, связанная с приятным вкусом фруктов, вызывающим положительные ассоциации.

Лексическая единица *fruition* имеет два значения: 1) пользование какими-либо благами; 2) осуществление (надежд и т. п.). Думается, что это ассоциативно-психологическая метафора, связанная с тем, что раньше в Англии не каждый мог себе позволить купить фрукты, так как они там не выращиваются, а являются привозным продуктом, и только обеспеченный человек мог их приобрести. Поэтому возможность покупать фрукты ассоциировалась с благами жизни и осуществлением надежд. Направление метафорического переноса: растение – абстрактное явление.

Fruitless (бесплодный) приобретает значение *бесполезный*. При сопоставлении лексем *бесплодный* и *fruitless* выявляется, что в английском языке данная лексема выражает меньшее количество переносных значений, чем в русском. Следует отметить расхождения признаков в образовании метафорического переноса: в русском – по признакам «не приносящий результата» (направление: растение – абстрактное явление) и «не являющийся источником другой жизни» (направление: растение – натурафакт). В английском – только «не приносящий результата».

Сочетание *a fruity voice* означает мелодичный голос. Думается, что это ассоциативно-психологическая метафора. В данном случае, вероятно, происходит ассоциация с нежностью, мягкостью, которая характеризует и определённый тембр голоса, направление: растение – человек.

Лексема *fruitful* (*плодовитый, плодородный*) приобретает метафорическое значение *плодотворный*. Ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признаку «результат», направление: растение – человек.

Следовательно, в английском языке метафорические значения лексемы *fruit* и её производных образуются по признаку «не приносящий результата». А при образовании ассоциативно-психологической метафоры можно говорить о других признаках: 1) вызывающий приятные ассоциации; 2) приносящий богатство.

Таким образом, при сопоставлении метафорических значений исследуемых лексем в русском и английском языках можно выделить как общие, так и национально-специфичные значения. Для обоих языков общность образования метафорических значений проявляется в следующих признаках: 1) результат, 2) отсутствие результата.

Национально-специфичными признаками метафорического переноса в русском языковом сознании являются: 1) множество, 2) фаза

существования.

Следует также отметить различие ассоциаций: в русском языке лексеме *фрукт* соответствует отрицательная коннотация, в английском – положительная. Кроме того, в отличие от английского, в русском языке лексемы *плод* и *фрукт* не востребованы в паремиях.

Следовательно, можно говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе образования значений многозначных единиц в русском и английском языках.

Н.Л. Беляева

Номинации формы оплаты в сфере товарно-денежных отношений (на материале русского и немецкого языков)

Сфера товарно-денежных отношений хорошо и детально структурирована. В центре товарно-денежных отношений находятся отношения продавца и покупателя по поводу отчуждения/приобретения товара, связанные с оплатой (в качестве товара может выступать и труд, работа). Признак, представляющий особенность формы оплаты, может выступать основанием для выделения группы лексем. Эта группа лексики несет определенную культурную нагрузку и помогает выявить национальную специфику языкового членения внеязыковой действительности.

Мы рассматриваем обозначения различных форм оплаты на материале русского и немецкого языков.

В русском языке группа лексики с семой «форма оплаты», обширна. Лексема *плата* несет значение «стоимость чего-л.», «то, что дается за что-л.»: *плата за вход была невысокой и составила 50 рублей*. При выборе той или иной формы оплаты учитывается, был ли заключен договор, или была только договоренность. Указанные условия актуализируются в сочетаниях: *выходная плата, аккордная плата, сдельная плата, заработка плата*. В сочетаниях *помесчная плата, почасовая плата* конкретизируются временные показатели.

В оплате существенным выступает ее размер, величина, так возникает признак «градация», который актуализируется в сочетаниях *высокая плата, низкая плата*. В сочетаниях *неплохая плата, хорошая плата* выражается оценка – достаточно высокая, высокая.

Лексема *плата* в сочетаниях: *квартплата, плата за электричество, плата за воду, плата за телефон, плата за обучение и т.д. арендная плата* несет значение «оплата услуг, предоставленных государственными учреждениями/частными лицами». Кроме того, в указанных сочетаниях актуализируется скрытая сема «пользование»:

Некоторые внешние условия жизни за это время изменились, например квартплата, тип жильцов (г-та «АиФ»).

Пара хорошо училась не из отвлеченной тяги к знаниям, а потому, что для освобождения от платы за обучение надо было быть хорошей

ученицей, и для этого требовалось хорошо учиться (Пастернак).

В настоящий момент формы оплаты разнообразны, о чем сообщают фирмы-представители услуг:

Форма оплаты - любая (г-та «Камелот»).

Лексемы *жалованье* и *получка* несут интегральную сему «форма оплаты», кроме того, они получают маркировку *устаревшее*:

Было холодное пасмурное утро начала октября. В этот день на линии должны были выдавать жалованье. (Пастернак)

Тиверзин шел по путям в направлении к городу. Навстречу ему попадались люди, шедшие с получкою из contadorы. Их было очень много. (Пастернак, с. 29).

Необходимо дополнить, что лексема *жаловать* несет семему «вознаграждать за что-л. на основе симпатии»:

Отвечает Мартын: Вам царское величество! Не требуется мне ни золота, ни серебра, ни каменьев самоцветных; коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки - с мизинного перста (Круглов).

Указанная сема «полюбовно, по любви» становится одной из точек пересечения семантических пространств лексем *жалованье* и *милостыня*. Лексема *милостыня* несет денотативную семему «нечто, чтодается на основании чувства любви к ближнему, христианской заповеди», в которой присутствует сема «денежное выражение»:

Так дайте же милостыню ей (Русские песни и романсы).

Эта сема реализуется в выражениях: *собирать милостыню, просить милостыню, подать милостыню.*

На основании общей денотативной семемы «нечто, чтодается на основании чувства любви к ближнему, христианской заповеди» мы можем отнести к этому ряду и лексему *подаяние*:

Теперь она сама подъехала к острогу, вызывала его и подала ему подаяние (Достоевский).

Лексему *вознаграждение* также можно отнести к группе лексики с интегральной семой «форма оплаты». В семантике данной лексемы актуализируется признак «денежное выражение». В отличие от лексемы *плата*, лексема *вознаграждение* не реализует признаки «время», «пользование»:

*Хозяйка за чаем только что говорила ему, что они нынче летом приглашали из Москвы немца, знатока бухгалтерии, который за 500 рублей **вознаграждения** учел их хозяйство и нашел, что оно приносит 3 тысячи с чем-то рублей убытка (Толстой).*

Сема «форма оплаты» реализуется лексемой *пенсия* при актуализации признаков «возраст», «стаж».

К числу репрезентаторов признака «форма оплаты» можно отнести лексему *алименты*. Эта лексема несет основные семы, присущие выделяемой группе: «денежная сумма», «уплачивается», «за что-либо», в

качестве дифференциальных выступают семы «развод», «семейное положение». В семантике лексемы актуализируется негативная оценка:

Ларин муж относился к числу злостных неплатежчиков алиментов (ж-л «Даша»).

Лексема *пособие* несет признаки «денежное выражение», «выплачивается», «за что-л.», «помощь». В сочетаниях *пособие по безработице*, *пособие по старости*, *пособие на детей* возникают новые дифференциальные семы – «социальный статус», «возраст», «ограниченная дееспособность», «помощь государства».

Лексема *задаток* реализует семы «способ оплаты» и «часть суммы»:

- Продай мне весь товар.
- Нельзя, по заказу.

- А что тебе, ты бери деньги - не обвинят, коли не дали задатка по работе. Ну, что возьмешь? (Круглов)

Лексема *налог*, помимо признака «форма оплаты», несет признак «отношения с государством»:

Кочующие народы по самому характеру своей жизни должны быть широко раскинуты по большой некультивированной местности отдельными патриархальными группами, неспособными к общему дисциплинированному действию, требующей экономической централизации, т.е. налога, на который можно было бы содержать войско взрослых холостых людей (Бушков).

Разновидность налога «десятина» (= выплаты на содержание церкви) является исторической реальностью и для Западной Европы. Лексема *десятина* также несет маркировку *историческое*.

Освещая исторические реалии и финансовые взаимоотношения, невозможно обойти вниманием самую первую форму финансовой эксплуатации и оплаты – *дань*:

Вот только понятие «дань» в те далекие времена было крайне растяжимым. Одним и тем же словом могли называть и постоянные выплаты, и деньги, полученные прямо-таки рэкетирскими методами... (Бушков).

Сему «способ платы» несет и лексема *штраф*, устанавливаемый за правонарушение.

В пространстве немецкого языка сема «форма оплаты» представлена следующими лексемами *der Lohn*, *der Festlohn*, *der Akkord*, которые сопоставимы с русскими лексемами *зарплата*, *жалованье*, *оклад*, *получка*: *Wie die Arbeit, so der Lohn* – по работе и плата. Лексема *der Lohn* используется во фразеологизмах, где реализуется значение «оплата»:

(*bei j-m) in Lohn und Brot stehen* – иметь постоянный заработок (постоянную работу);

j-n um Lohn und Brot bringen – лишить кого-либо заработка, куска хлеба;

[im] Akkord arbeiten – получать деньги за работу по-аккордно.

Значение «заработка плата» в немецком семантическом пространстве может бытьreprезентировано лексемой *der Verdienst*. Реалии жизни

указывают на то, что помимо основного заработка, может присутствовать и побочный заработка, что репрезентируется лексемой *der Nebenverdienst*. Лексема *das Gehalt* несет признак «форма оплаты» - заработка плата служащего, жалованье, оклад: *mit seinem Gehalt auskommen, hohe Gehaelter einheimsen, von dem Gehalt kann niemand leben.*

В связи с определенной периодичностью выплат можно выделить сему «время» и уточняющую сему «помесячно»:

*Mit dem Aberglaube ist es auch so eine Sache. Ich habe noch keinen Menschen getroffen, der sein **13. Monatsgehalt** zurueckgegeben (Duden).*

Необходимо заметить, что в немецком языковом пространстве присутствуют еще некоторые лексемы, обозначающие трудовой заработок. Это связано с тем, что по ряду экономических, политических, а также культурных причин, отдельные профессии пользуются в обществе более или менее высоким социальным престижем. На основании этого представители той или иной профессии получают *Trinkgeld, Gehalt, Gage*, или *Honorar Besoldung*. И как следствие появляется признак «социальный статус». Так, денежное вознаграждение врачей, юристов по традиции называется *Honorar*, артистов - *Gage*, чиновники и служащие получают *Gehalt*, а военные – *Besoldung, die Loehnung*. Присутствие в этой группе лексемы *Trinkgeld* создает мостик к тематической группе «деньги».

Используются также лексемы *das Deputat* – «часть заработной платы, получаемая натурой», *die Vergütung* – вознаграждение за что-л.:

*Fuer seine Taetigkeit erhaehlt der Rechtsanwalt **eine Vergütung**, die sich nach der Bundesgebuehrordnung fuer Rechtsanwalt vom 26.07.1957 richtet.*

Некоторые лексемы несут признаки, указывающие на определенный характер оплаты: *loehnen* – «редко выплачивать жалованье», *Abfindung* – «уплата вознаграждения единовременно».

Лексема *die Rente* реализует значение «пенсия, плата, получаемая ежемесячно». Здесь мы сталкиваемся с культурным явлением. Для российского национального сознания пенсия - это пособие, плата, выдаваемая государством человеку, достигшему определенного возраста. В настоящий момент происходит серьезная ломка культурного сознания россиянина. Постепенно пенсии становятся не государственными выплатами, а личными накоплениями, сделанными в течение жизни и помещенными в специальные финансовые учреждения. По наступлению определенного возраста человек в состоянии воспользоваться ими, поскольку иного источника доходов нет. В Германии мы сталкиваемся с другим культурным явлением. Точнее говоря, мы сталкиваемся с разобщенным культурным опытом, а, следовательно, с разобщенным общественным сознанием, возникшим в результате исторического деления Германии на два государства, а позднее их объединения. Граждане бывшей ГДР имеют другой культурный опыт, связанный с иным принципом организации экономики. Таким образом, с одной стороны, в ГДР - государственные выплаты пенсий, с другой, в ФРГ, напротив, давно существующая система самонакоплений.

Социальная политика государства проявляется и в социальном обеспечении населения, что находит репрезентацию в лексеме *die Fuersorge*, в статусе семемы Д2 «пособие по социальному обеспечению».

С репрезентацией концепта «плата» связана лексема *die Fracht* – арендная плата за судно.

Сочетание *Unterhalt zahlen* реализует значение «платить алименты» и несет признак «форма оплаты», а также дифференциальные семы «развод – семейное положение» (как и в русском языке):

Franz waehlzte sich hin und her auf dem Bett in der Kammer, die er sich ausbedungen hatte, seit er Unterhalt zahlte (Seghers).

Межчеловеческие отношения регулируются не только договорами. Возникают такие типы отношений, которые основываются на библейских заповедях, что репрезентируется лексемой *die Gabe* - милостыня, подаяние.

Схема налога также позволяет отнести его к рассматриваемой группе: *налог на землю* - плата за пользование землей, *налог на строения* - плата за то, что разрешили построить и пользоваться и т.д. К репрезентаторам значения «налог» можно отнести лексемы *die Steuer, die Gebuehr*.

Помимо указанного значения лексемы *die Gebuehr* – «тариф, пошлина, взнос, плата», может развиваться значение «вознаграждение адвокату».

Fuer siene Taetigkeit erhaehlt der Rechtsanwalt eine Verguetung, die sich nach der Bundesgebuehrenordnung fuer Rechtsanwalt (BRAGO) vom 26.07.1957 (mit spaeteren Aenderungen) richtet, danach erhaehlt er bestimmte (Mindest) Gebuehren, deren Hoehe sich nach dem Gegenstandswert richtet, sofern keine schriftliche Honorarvereinbarung getroffen wurde.

В процессе словообразования возникает лексема *die Teilnehmergebuehr*, реализующая в значении «регистрационный взнос» признаки «сумма», «денежное выражение», «градация», «на основе договора». Или *die Telegrammgebuehr* - плата за телеграмму; *die Postgebuehr* - почтовый сбор (почтовая доплата, сбор; может быть репрезентирована лексемой *das Nachporto*); *die Frensprechgebuehr* - плата за телефонный разговор.

Таким образом, проанализированный нами материал свидетельствует о наличии в русском и немецком языках большого количества номинаций, представляющих различные виды финансовых отношений на основе актуализации признака «форма оплаты». При этом выявляются интегральные семы «денежное выражение», «выплачивается», «за что-л.», на основании которых рассмотренные нами лексемы объединяются в одну группу, а также дифференциальные, характеризующие конкретные способы оплаты, которые отражают также и национальные особенности социальной действительности: «время», «социальный статус», «семейное положение», «пользование» и т.д.

Е.Н. Подтёлежникова

Стилистические особенности реализации многозначности лексемы *look* в британском и американском вариантах английского языка

В современной лингвистике до сих пор нет единого мнения относительно явления полисемии в естественном языке. Можно утверждать, что полисемия остается во многом загадкой для лингвистов.

В данной работе применяется системно-функциональный подход к изучению полисемии, полисемия рассматривается не только как явление, характерное для языковой системы, но и как стилеобразующий фактор. Понятие «стиль» также не является до конца проясненным, в силу того, что до сих пор не выработано четких определений стиля текста. Во многом мы опираемся на интуицию, языковой опыт, однако вполне возможно это интуитивное знание эксплицировать, и тем самым выработать критерии, необходимые для однозначного определения стилистической принадлежности текста. Одним из имплицитных факторов является набор типичных значений, связанных со сферами человеческой деятельности. Очевидно многозначные лексемы могут реализовывать в текстах определенного стиля не все, а только некоторые свои значения, и именно эти значения являются «приметами» стиля, которые мы обычно ощущаем интуитивно. Эта идея и желание эксплицировать связь стиля и набора определенных значений легла в основу данного исследования.

Предметом анализа была избрана английская лексема *look*, обладающая весьма развитой семантической структурой, и не имеющая четкой стилистической характеристики.

Материалом исследования послужили британские и американские тексты XIX-XX вв. различных функциональных стилей. На первом этапе работы методом сплошной выборки было отобрано 16 тысяч примеров. Далее качественный дистрибутивный анализ позволил осуществить идентификацию словоупотреблений по частеречным категориям: глагольные, субстантивные, адъективные (о лексико-грамматической полисемии см. Стернина 1999, с. 31). Количественный анализ использовался при выявлении функциональной нагрузки (ФН) на каждый из лексико-семантических вариантов слова *look* (принципы выявления ФН см. Кретов 2006). Функциональный анализ позволил построить функциональную модель многозначной лексико-семантической единицы *look* с выявлением её доминанты, малого ядра, большого ядра и периферии. Сопоставительный анализ выявил основные стилевые особенности реализации многозначности лексемы *look* в британском и американском вариантах английского языка.

Исследование показало, что функциональные стили в разной степени способствуют реализации многозначности лексемы *look* в британском и американском вариантах английского языка. Таких степеней можно

выделить 4: от 1-ой (максимальной) до 4-ой (минимальной): 1 - художественный стиль, 2 - разговорный стиль, 3 - научный и публицистический стили, 4 - официально-деловой стиль. Поясним, что в текстах художественного стиля употребляется наибольшее количество значений лексемы *look*, а в текстах официально-делового стиля – наименьшее. Это является проявлением основных особенностей данных стилей, т.к. художественный стиль подразумевает наличие разнообразных оттенков значений, а официально-деловой стиль является самым лаконичным из всех.

В ходе сопоставительного исследования британских и американских текстов различных стилей мы выяснили, что реализация многозначности лексемы *look* в британском и американском вариантах английского языка происходит по одной схеме, но с некоторыми ареальными различиями.

Так, в *американских* текстах значения лексемы *look* по своей предпочтительной реализации делят функциональные стили на две группы: (1) научный и официально-деловой стили, объединенные значением-доминантой *to look at* (fig.) – «быть внимательным, следить» и (2) разговорный и художественный стили с общим значением-доминантой *to look at* – «смотреть, глядеть».

Значение *to look at* (fig.) – «быть внимательным, следить».

Look at the situation (Adams).

Значение *to look at* – «смотреть, глядеть».

Rogers set out to *look at his traps*, on Elk Horn River (Bradbury).

Значение *to look at* (fig.) - «быть внимательным, следить» связывает научный и публицистический стили (в публицистическом стиле оно является вице-доминантой), а значение-доминанта публицистического стиля *to look int.* – «выглядеть, казаться» связывает публицистический и разговорный стили (третья позиция) и публицистический и научный (четвертая позиция).

Значение *to look int.* – «выглядеть, казаться».

The bowling is itself a worry, having *looked very ordinary* in Jamaica (Daily Telegraph).

Таким образом, две группы стилей не только противопоставлены, но и объединены через публицистический стиль, выполняющий функцию стиля-медиатора, а также через значение *to look at* - «смотреть, глядеть», которое является вице-доминантой в научном стиле и доминантой в разговорном и художественном стилях.

В *британской* литературе классификация стилей происходит по той же схеме, но с некоторыми ареальными различиями. В официально-деловом стиле доминантой является не значение *to look at* (fig.) - «быть внимательным, следить», а значение *to look forward* – «ожидать», в публицистическом стиле значение *to look at* (fig.) - «быть внимательным, следить» занимает лишь третью позицию, в разговорном стиле значение *to look int.* -«выглядеть, казаться» занимает более высокую позицию – позицию вице-доминанты.

Влияние ареального аспекта на полисемию проявилось и в большем использовании свойственных разговорному стилю речи значений *a look* – «взгляд» и *to look at* – «смотреть, глядеть» в американских текстах официально-делового стиля (в последнее время этот процесс заметно усилился). В британских же текстах в употреблении лексемы *look* признаков разговорного стиля встречается меньше, чем в американских, что можно связать с традиционной консервативностью британских общественных институтов.

Таким образом, к основным стилистическим особенностям реализации многозначности лексемы *look* в двух вариантах английского языка относятся наличие разных доминант в официально-деловом стиле, различия в позициях наиболее частотных значений, а также использование большего количества значений, характерных для разговорного стиля, в американских текстах официально-делового стиля.

Литература

1. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики.– Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – 390 с.
2. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: Изд-во “Истоки”, 1999. – 160 с.

Муна А. Джасим

Содержание лингвистического термина "стилистика" в русском и арабском языках

Если существует стилистика определенного национального языка, то ее можно сравнить со стилистикой другого языка. Это позволяет говорить о сопоставительной стилистике, которая имеет практический и теоретический аспекты.

Сопоставляя значения лингвистического термина «стилистика» в русском и арабском языках, можно выявить некоторые расхождения в их содержании.

Русский словарь лингвистических терминов под редакцией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой определяет понятие «стилистика» как:

1. *Раздел языкознания, изучающий различные стили (стиль языка, стили речи, жанровые стили, индивидуальный стиль писателей и т.д.).*
2. *Учение о выразительных средствах языка (стилистика языка) и их использование в различных сферах речевого общения - стилистика речи* (Розенталь, Теленкова 1972, с. 426).

В литературном арабском языке термин «стилистика» появился в двадцатом веке. «Стилистика рассматривалась как наука, изучающая все, что связано с текстом и его сущностными элементами, в частности подтекстом (скрытым смыслом), чтобы прийти к глубокому пониманию

содержания текста через изучение его языка, через все языковые изменения и образные средства» (Magdi Wahba, с.544).

Можно также представить стилистику как некий метод употребления языка и усиления его влияния на слушателя. Согласно арабской научной традиции, в сферу стилистики входит и учение о выразительных средствах языка, используемых ораторами в красноречии для воздействия на слушателей с учетом их социального, культурного статуса и психологического состояния. Например, многие арабские ораторы считали, что любые стилистические формы определяют социальный статус адресата. Так, Аль-Джахадд писал: «Как люди разделяются на разные социальные группы, так и речь делится на определенные «классы» - бывает ясной, красивой, нежной и страшной, грубой, бессмысленной и даже ужасной. Для каждой социальной группы надо выбрать свой стиль, подходящий именно ей» (ابو عثمان عمرو بن بحر الجاحظ, с.88).

Одним из ярчайших представителей ораторского искусства в истории арабского языка является Ссахар Бен Аяаш, который определял стилистику как "нечто в голове или в душе, превращающееся в язык. Хорошему стилю свойственна краткость, то есть дать ответ следует быстро и без ошибок" (Ahmed Matloub, с.235).

Стилистика в арабском языке изучает различные жанры художественного стиля (поэзия, проза, театр, ораторское искусство и т.п.), соответствующие культурной эпохе и принятым в обществе социальным и моральным нормам, а также направления развития этих жанров.

Арабская лингвистическая наука подразделяет стилистику на сравнительную, историческую и учебную. Сравнительная и историческая стилистики входят в языкознание в качестве его составных частей, а учебная представляет собой самостоятельную (не относящуюся ни к языкознанию, ни к литературе) дисциплину - «красноречие». Следует отметить, что в современном русском языке, в отличие от арабского языка, данное наименование термином не является.

Раздел «красноречие» состоит из трех подразделов.

1. «Искусство изобретать» – методика, связанная с синтаксическими явлениями, в том числе с порядком слов в предложении и методами их изменения. Например, инверсия, фразеология, принцип членения фразы и текста, сокращение, соединение и т.д.

2. «Искусство расположения» – методика употребления всех фонетических и выразительных элементов для улучшения (украшения) речи с условием семантической ясности и совпадения между ними. Это искусство затрагивает вопросы эстетики, которые не обязательно связаны со смыслом.

3. «Искусство тропа» – методика выражения одного и того же значения различными экспрессивными средствами, то есть использование стилистических средств языка: метонимии, метафоры, гиперболы, литоты, синекдохи (علي عبدالواحد وافي, с.14). Основными компонентами создания языковой выразительности высказываний могут выступать не только

экспрессивно-стилистические и оценочно-стилистические компоненты значения. Важную роль здесь играет способность слов и словосочетаний приобретать переносные значения и становиться тропами. Слова могут также являться составной частью стилистических фигур, создавая тем самым образный смысл. Этот раздел близок к лексикологии, где также рассматриваются вопросы значения слов и их стилистическая характеристика.

Стилистические фигуры образуют «фигуры переосмысления», формирующиеся в отдельные группы. Так, различные виды тропов, объединенные в одном тексте, программируют его композицию и формируют внутритекстовые связи (развертывание тропов).

Таким образом, в задачи учебной стилистики входит обучение красноречию. Задача сравнительной стилистики заключается в разграничении различных стилей и установлении лингвистической специфики каждого из них. Национальный арабский язык подразделяется на письменную и устную формы. Классическим, или стандартным, языком называется письменная форма. Особое место в развитии вариативности любого языка, в том числе и арабского, занимают функциональные стили. Функциональные стили по сравнению с другими разновидностями языковой вариативности характеризуются наибольшей системностью и высоким уровнем обработанности.

Согласно определению Б.Н.Головина и Р.Ю Кобрина, «стили языка - это структурно - функциональные варианты, обслуживающие разные виды общественной деятельности и отличающиеся друг от друга совокупностями устойчивых особенностей функционирования его единиц и категорий» (Головин, Кобрин 1987, с.11). Выделяются следующие функциональные стили современного русского литературного языка: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорный.

Основой классического арабского языка (в том числе и в стилистическом аспекте) является Коран (تَمَامُ حَسَانٍ ، с. 174). В отличие от русского языка, классический литературный арабский язык делится на три стиля:

- Ораторский;
- Художественный (публицистический; официально-деловой);
- Научный.

Отметим, что публицистический и официально-деловой стили рассматриваются как подстилии «художественного¹». Кроме того, различие в понимании анализируемого термина в сопоставляемых языках заключается в том, что в русском литературном языке существует и разговорный стиль, книжные стили дифференцированы более подробно, чем в арабском, и отсутствует понятие «учебная стилистика».

¹ Некоторые арабские ученые относят к этому стилю и ораторский.

Общность выявляется в характеристиках научного стиля в сопоставляемых языках. Научный стиль арабского языка - это определенная стилевая форма для передачи научной информации. Характеристики научного стиля арабского языка соответствуют особенностям аналогичного стиля русского языка. Рассмотрим их подробнее.

Научный стиль является одним из функциональных стилей общелитературного языка, обслуживающий сферу науки и производства. Специфические особенности этого стиля обусловлены предназначенностю научных текстов для передачи объективной информации о природе, человеке и обществе (Виноградов и др. 1999, с.435). По утверждению Д.Э.Розенталя (Розенталь 1987, с.33), научный стиль имеет свои разновидности (подстили): научно-популярный, научно-деловой, научно-технический, научно-публицистический, учебно-научный.

Научный стиль реализуется в следующих присущих ему жанрах: монография, научная статья, научный доклад, диссертация, реферат, отзыв, рецензия, аннотация, учебник и лекция (Баранов и др. 1995, с.273 -274). К этим жанрам можно добавить также учебник, энциклопедию, справочник.

Специфическими чертами научного стиля являются логичность изложения, точность, сжатость, отвлечённость и обобщённость, а также упорядоченная система связей между частями высказывания (Васильева 1990, с.132). Для обеспечения этих требований используются определённые языковые средства выражения, а именно: лексические, морфологические и синтаксические.

Для научного стиля характерно использование слов в прямом значении, широкое использование абстрактной лексики и терминов (большое место занимает международная терминология), причём с интернациональными морфемами, а также частая повторяемость ключевых слов, отсутствие образных средств. Лексический состав научного стиля характеризуется относительной однородностью и замкнутостью, что выражается, в частности, в меньшем использовании синонимов. В научной речи выделяются три пласта слов: общеупотребительные (нейтральные), общенаучные, узкоспециальная лексика, то есть термины какой-либо науки.

Основной лексической и понятийной единицей специальной сферы языка является термин. Обладая рядом специфических особенностей, он может реализовать их только внутри терминологического поля.

Терминология, выражающая определенную систему понятий, является одним из каналов интеллектуальной коммуникации, способствующих пониманию действительности и её преобразованию в соответствии с потребностями человека. Представляя собой систему языковых знаков особого рода, которая функционирует в специальной профессионально - научной области, терминология направляет и оптимизирует творческую

деятельность людей (Володина М.Н., 2000). Термины являются смысловым ядром специального языка.

Что касается морфологической специфики научного стиля, то она проявляется на грамматическом уровне, а именно - при выборе форм слова и в ходе построения словосочетаний и предложений. Следует обратить особое внимание на то, что

а) в данном стиле используются глаголы в форме настоящего времени с «вневременным» значением, которые близки по смыслу к отглагольным существительным;

б) не используются глаголы в первом и втором лице единственного числа и местоимения первого и второго лица единственного числа;

в) имена прилагательные² употребляются, как правило, в составе научных терминов;

г) часто используются возвратные глаголы (с суффиксом – ся, – сь) в страдательном (пассивном) значении;

д) не употребляются междометия и восклицательные частицы.

К этому можно добавить, что в современной русской научной и технической литературе употребляется большое количество существительных с абстрактным значением, отглагольных существительных, особенно с суффиксом «- ени-е», наблюдается тенденция к замене форм существительных женского рода существительными мужского рода, а также отмечается употребление форм родительного падежа единственного числа с нулевым окончанием (Розенталь 1987, с.90).

Синтаксические особенности данного стиля призваны строго логически, последовательно и аргументировано излагать ход мысли, избегая при этом избыточной информации. Синтаксические связи формируются в зависимости от логических связей. Поэтому в синтаксисе научного стиля особенно важную роль играют те синтаксические средства, которые служат для выражения логических связей между предложениями, абзацами и сложными синтаксическими целыми, - союзы и союзные слова, вводные слова и вводные предложения, целый ряд наречий и наречных выражений (Демидова 1991, с.14).

Синтаксические особенности научного стиля речи заключаются и в использовании особых оборотов типа «по Менделееву», «по опыту». Научный стиль речи также характеризуется превалированием сложноподчиненных форм предложения, как правило, с придаточными изъяснительными, причины и следствия и причастными/деепричастными оборотами.

Поскольку в научной речи сегодня наиболее востребована безличная манера изложения, то в научном стиле часто используются разные типы безличных предложений. Это объясняется стремлением к объективной

² Наблюдаются расширение функции кратких прилагательных и сужение употребления форм степеней сравнения.

обобщенности и отвлеченности. Широко употребляются также определенно-личные простые предложения. Специфичным для научного стиля является и распространение однородных членов предложения, перечисляющих логически взаимосвязанные понятия.

Многие из выше названных черт прослеживаются и в арабском научном стиле.

Таким образом, при наличии признаков общего характера, терминологические понятия «стилистика» в русском и арабском языках имеют некоторые отличия в объёме и содержании.

Литература

1. Ahmed Matloub. Dictionary of Arabic rhetoric terms & their development, Arabic- Arabic, library due Librans publishers, 2000.
2. Magdi Wahba, A dictionary of literary terms, Beirut, 1994.
3. Баранов М.Т. и др. Русский язык. Справочные материалы. - М.: Просвещение, 1995.
4. Васильева А. Н. Основы культуры речи. - М.: «Русский язык», 1990.
5. Виноградов С. И., Платонова О. В. и др. Культура русской речи. - М.: «Русский язык», 1999.
6. Володина М. Н. Когнитивно – информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). - М.: Издательство Московского университета, 2000.
7. Головин Б.Н. Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. - М.: «Высшая школа», 1987.
8. Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль речи. Оформление научной работы: Учебное пособие. - М.: Рус. яз., 1991.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. - М.: «Просвещение», 1972.
10. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика. - М.: « Высшая школа», 1987.
- البيان والتبيين/ابو عثمان عمرو بن بحر الجاحظ/تحقيق عبد السلام محمد هارون القاهرة/ 11. 1984/3 ج
- اللغة العربية معناها ومبناها/د.تمام حسان /القاهرة – عالم الكتب – 2004 .
- اللغة والتفسير والتواصل / د. مصطفى ناصف/ عالم المعرفة 1994 .
- علم اللغة / د. علي عبد الواحد وافي/ مصر – النهضة للطباعة والنشر والتوزي. 2004.

Н.А. Портнихина

Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «небесные реалии» в русском и английском языках

Под фразеологическими единицами (ФЕ) мы вслед за А.В. Куниным понимаем «устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин 1996, с. 210).

Структурно-семантический анализ ФЕ с компонентом «небесные

реалии» позволяет утверждать, что данные ФЕ образуют многочисленные микросистемы в каждом из сопоставляемых языков. В обоих языках выделяются следующие функционально-семантические классы ФЕ: глагольные, субстантивные, адъективные, адвербальные, междометные, а также пословицы и поговорки.

Наиболее многочисленными являются глагольные ФЕ, среди которых в обоих языках выделяется группа компаративных фразеологизмов, построенных по аналогичным моделям: глагол + like (as) в английском языке и глагол + как (что) в русском. Отметим, что в русском это же значение может передаваться творительным падежом: *сиять полной луной,ходить тучей*.

И компаративным, и некомпаративным ФЕ в обоих языках свойственна определенного рода лексическая вариативность: синонимическая - *разрази (убей) меня гром, спуститься (свалиться) с облаков на землю, to adore (worship) the rising sun* (заискивать перед новой властью); несинонимическая – *ждать маны небесной – питаться маной небесной, to praise (extol, land) to the skies* (расхвастаться). Русскому языку также свойственна морфологическая вариативность, являющаяся следствием флексивного строя языка: *возносить (превозносить) до небес, упасть (падать) с небес,ходить (приходить) туча тучей*.

В субстантивных ФЕ наиболее многочисленными оказываются расхождения по линии противопоставления синтетизма русского и аналитизма английского языков. Русскому языку, как языку синтетическому, вариативность свойственна в большей степени, чем английскому, относящемуся к языкам аналитическим с четко устоявшимися структурами.

Так, русский язык сохраняет категории падежа в субстантивных ФЕ (*звезда первой величины, звезде первой величины, звездой первой величины*). Кроме того, русские ФЕ могут относиться к женскому роду (*царица небесная*), к мужскому (*царь небесный*), но большинство относится к общему роду (*коптиль неба, звезда первой величины, олух царя небесного*).

В структуре адъективных ФЕ английского и русского языков обнаруживается ряд общих черт: используются ФЕ – сравнения с союзами-связками как в рус и like, as в англ.: *as certain as the rising sun* (уверенный, как никогда), *as... as the sun shines(on)* (такой ... что другого не сыщешь), *один как ясный месяц, кругла как полная луна*. Отметим, что для английского языка такие структуры более характерны. В русском языке также используется сравнительная степень прилагательных: *красней красного солнышка, ясней ясного месяца*.

Класс адвербальных ФЕ представлен единицами, построенными по следующим основным моделям: пред + сущ, пред + сущ + пред2 + сущ2 (*на восходе солнца, на закате, от зари до зари, from sunup till sundown*). Стоит отметить, что русские адвербальные ФЕ основаны на повторении компонента, в то время как английские – на антонимических отношениях.

Междометные ФЕ выражают разного рода эмоции, уверения, клятвы, благодарности, усиленные просьбы. Любопытно, что в русском языке подавляющее большинство междометных оборотов связаны с именем верховного божества – Бога, в то время как в английском языке избегают прямого обращения к божеству, поэтому используется большое количество эвфемизмов (*My stars!*- боже мой, *Great Sun* - боже мой, *Thanks heaven!* – слава богу), ассоциируемых с местонахождением божества.

Семасиологический анализ изучаемых ФЕ в русском и английском языках показал, что их семантике в обоих сравниваемых языках свойственен антропоцентризм, т.е. направленность, главным образом, на понятийные сферы, связанные с жизнью и деятельностью человека. Наибольшее число ФЕ отражает характеристику человека, его психическое и физическое состояние, различные черты характера, образ жизни, взаимоотношения с другими людьми. Так, выделяются глагольные ФЕ, выражающие

- *довольство, радость, возбуждение: to be (sit) on a cloud/to jump over the moon* (быть в возбужденном состоянии), *to be in (the) seventh heaven/ to be on cloud number nine/ to be over the moon* = *быть на седьмом небе от счастья, to be in cloudland/ to have (got) one's head in the clouds* = *виться в облаках, предаваться мечтам.*

- *грусть: a person's face cloud over* (становиться грустным), *ходить мрачным, как туча*

- *отношение человека к трудовой деятельности: to move heaven and earth* (горы свернуть), *to reach for the sky (stars, moon)* (из кожи вон лезть), *to bay at the moon/ howl at the moon* (тратить время и энергию, делая что-то невозможное), *трудиться (работать) от зари до зари (от восхода до заката)*

- *взаимоотношения людей: to be under a cloud* (быть в немилости), *to adore the rising sun* (заискивать перед новой властью), *превозносить до небес.*

В субстантивных ФЕ выделяются единицы со значением *удачи/ неуспеха: cloud on one's happiness – облако на чьем-то счастье, подарок с неба, heaven on earth – рай на земле (земной рай), a place under the sun – место под солнцем* (теплое местечко, непыльная работа).

И в глагольных, и в субстантивных ФЕ присутствуют единицы со значением *веры, надежды, ожидания: a ray of sunshine* (луч света в темном царстве), *a break in the clouds – просвет среди туч, луч надежды, moonshine in the water* (призрачная, угасающая надежда), *to believe in one's star – верить в свою звезду, to follow one's star - следовать своей звезде, to have stars in one's eyes* (быть полным надежд).

Большинство адъективных ФЕ с компонентом «небесные реалии» используется для описания *внешности человека: like a full moon – как полная луна (о лице), красней красного солнышка, ясней ясного месяца.*

В обоих языках наличествуют ФЕ, обозначающие лиц (*коптиль неба, a film star*), конкретные предметы и явления (*a sun shower* (грибной дождь), *Полярная звезда*) и различные абстрактные понятия (*a guiding star – путеводная звезда* (указатель цели)). Отметим, что в русском языке превалируют ФЕ с отрицательной коннотацией, например, связанные с переживаниями людей о бесплодности работы, сложности жизни, тщетности дерзаний, недостижимости цели или же о лени русского человека: *считать звезды* (бездельничать), *звезд с неба не хватать* (о заурядном, не выдающемся человеке), *жить как птица (птичка) небесная, небо коптить* (в основе выражения лежит, вероятно, противопоставление настоящей жизни – горения – тусклому и смрадному тлению).

ФЕ английского языка отражают более позитивное, оптимистическое восприятие мира и желание бороться, несмотря на трудности: *to move heaven and earth* (горы свернуть), *to reach for the sky (stars, moon)* (из кожи вон лезть).

Особым разнообразием и емкостью отличается семантика пословиц. Пословицы и поговорки с компонентом «небесные реалии» в обоих языках описывают самые разнообразные стороны жизни человека и его отношения к ней. Однако дидактические цели этих пословиц в сопоставляемых языках отличаются, что объясняется мировоззренческими расхождениями в рассматриваемых культурах. Для русских пословиц характерна большая доля иронии, сарказма (*пока гром не грянет, мужик не перекрестится* (о нежелании русского человека думать заранее), *удалось свинье на небо взглянуть* (о ничтожном человеке, добившемся власти)), в то время как английские предупреждают или утешают: *make hay while the sun shines* (куй железо, пока горячо), *let not the sun go down upon your wrath* (не сердитесь больше одного дня).

Наибольшей фразообразующей активностью в английском языке обладает компонент «*солнце*» (25%), символизирующий в английской культуре целый мир и остающийся основным ориентиром времени. Вторым по своей частотности является компонент «*небо*» (20%). В русском же языке «*небо*» (как место пребывания высших существ) – наиболее употребительный компонент ФЕ (24%). Столь повышенный интерес к небесной сфере свидетельствует о большем суеверии русского человека, склонного объяснять ход своей жизни загадочным влиянием неба. Компонент «*солнце*», напротив, в русском языке является вторым по своей фразообразующей активности и употребляется в основном для описания внешности человека, а также для выражения его надежд на лучшее.

Третьим по своей частотности в обоих языках является компонент «*звезда*» (18% - в английском, 11% - в русском языке), чаще используемый для объяснения судьбы человека. В английском языке этот компонент может быть заменен компонентом «*солнце*».

Образная структура ФЕ неразрывно связана с историей и культурой народа, поэтому большинство ФЕ каждого из сопоставляемых языков несут неповторимые национально-специфические черты. Так, например, англичанин предстает более оптимистичным, готовым преодолеть любые трудности, невзгоды, в то время как русский чаще жалуется на несправедливость жизни и проявляет свою неготовность или нежелание с ней бороться.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: «Высшая школа», 1996.

Т.А. Шепилова

Структурно-семантические особенности фразеологических единиц со значением «поведение человека» в русском и французском языках

В настоящее время в лингвистике особую важность приобретают исследования конкретных участков языковой системы с целью выявить национальную специфику единиц разных уровней.

Выбрав в качестве объекта исследования фразеологические единицы русского и французского языков со значением «поведение человека», мы предполагаем, что данный тип фразеологизмов наиболее ярко отражает особенности двух культур, менталитет и традиции носителей русского и французского языков.

Под фразеологическими единицами (далее ФЕ) мы понимаем устойчивые единицы со структурой словосочетания и предложения, которые обладают признаками нескользкословности (раздельнооформленности), воспроизводимости в речи в соответствии с узусом употребления, целостности лексического значения, образности, идиоматичности различной степени.

В результате обследования фразео- и лексикографических источников французского и русского языков мы выявили 691 фразеологическую единицу со значением «поведение человека» (218 в русском языке и 473 – во французском).

Различия в количественном составе ФЕ данного типа мы связываем с разными способами номинации в двух языках. Французский язык является языком аналитического типа, и для него образование сверхсловных наименований – естественный и регулярный процесс. В синтетических языках, в частности в русском, основным средством номинации выступает слово.

Структурно-грамматическая организация русских и французских фразеологизмов, обозначающих поведение человека, имеет различные формы: от словосочетаний до предложений.

Фразеологизмы, построенные по синтаксическим моделям словосочетаний, или непредикативные фразеологизмы, преобладают по количественному показателю: 178 единиц в русском языке и 356 - во французском. Эти фразеологизмы выделяются в лексико-грамматические разряды на основании соотнесения их ведущего грамматического члена с категориальными значениями, свойственными той или иной части речи: глагольные, субстантивные, адъективные ФЕ.

При сопоставлении двух языков можно заметить, что для французского языка характерна менее четкая дифференциация частей речи. Это связано с довольно легким переходом слова из одной морфологической категории в другую, что и позволяет многим ФЕ выступать в функции различных частей речи. Например, фразеологизм *pur sang* - «чистокровный, настоящий» по ведущему грамматическому члену *sang* (m) является субстантивным, но в предложении употребляется в функции прилагательного. Исключение составляют глагольные ФЕ, которые отличаются неспособностью подвергаться конверсии.

Во фразеологических фондах русского и французского языков глагольные ФЕ (которые в обязательном порядке содержат глагол в качестве ведущего грамматического члена) имеют наибольший удельный вес по сравнению с фразеологизмами других лексико-грамматических разрядов: 129 и 327 ФЕ соответственно. На наш взгляд, это объясняется тем, что глагол служит для называния действий или состояний и является более коммуникативно значимым, нежели другие лексико-грамматические категории. Например: *валять дурака*; *бить по карману*; *брать грех на душу*; *donner la comédie* - «смешить публику»; *tener par le nez* - «вить веревки»; *gagner une marche sur l'ennemi* - «опередить соперника».

В отношении французских глагольных ФЕ мы заметили, что они могут часто реализовываться с помощью глаголов *avoir, être, faire, mettre, prendre*. Подобный процесс «оглаголивания» приводит к увеличению числа ФЕ этого типа и их удельного веса во французском языке.

По количественному показателю субстантивные ФЕ занимают 2-е место после глагольных. По сравнению с французским языком (29 ФЕ) русские фразеологизмы данного типа представлены в большем объеме (44 ФЕ): *дубина стоеросовая*; *мокрая курица*; *бельмо в глазу*; *vert gallant* - «повеса»; *pied plat* - «подлец»; *faiseur des phrases* - «болтун».

Адъективные фразеологизмы представляют самую малочисленную группу во французском (9 ФЕ) и русском (5 ФЕ) языках: *богом обиженный*; *рожденный в сорочке*; *bavard comme une pie* - «болтливый как сорока»; *agile comme une anguille* - «изворотливый как уж».

Довольно обширная группа фразеологических единиц русского и французского языков организована как предложения. Как правило, данную группу составляют пословицы, которые имеют назидательный характер, содержат мораль или выражают житейскую мудрость. Их насчитывается 40 в русском языке и 108 во французском языке: *Поспешишь, людей насмешишь. Кто старое помянет, тому глаз вон. Не плой в колодец,*

пригодится воды напиться. Il n'est pire aveugle que celui qui ne veut pas voir - «Хуже слепого тот, кто не хочет видеть». *Il n'y a pas de sot métier* - «Не место красит человека, а человек место». *Ne fais pas à autrui ce que tu ne voudrais pas qu'on te fasse* - «Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

Изучение структурно-грамматической организации фразеологизмов со значением «поведение человека» подчеркивает лишний раз, что синтаксические модели данных языковых единиц разнообразны и нерегулярны.

В процессах фразообразования в русском и французском языках принимают участие различные лексико-семантические группы (далее ЛСГ) существительных, прилагательных, глаголов. В этом разнообразии выделяются ЛСГ имен существительных, обладающих наибольшей фразеологической активностью, т.е. способностью участвовать в образовании ФЕ. Для русского и французского языков таковыми являются ЛСГ «части тела человека», «животные», «имена собственные». Широкое использование единиц данных ЛСГ объясняется тем, что эти имена существительные обозначают наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека.

Среди названных лексико-семантических групп ЛСГ «имена собственные» обладают самой низкой фразеологической активностью при образовании изучаемых ФЕ русского и французского языков. Имена собственные (имена античных и библейских героев, исторических деятелей и событий, названия городов и т.д.) выполняют культурно-информационную функцию. В их значении содержится богатая экстралингвистическая информация, реализующаяся в контексте ФЕ. Важным условием для функционирования имен собственных в составе фразеологизмов являются фоновые знания. Например: *брать на Арапа; Калиф на час; Саврас без узды; travailler pour le Grand Turc* - «работать задаром»; *utiliser toutes les herbes de Saint-Jean* - «пускать в ход все средства»; *fier comme Artaban* - «гордый как сатана».

В русском языке наибольшей фразеологической активностью обладает ЛСГ «части тела человека». Части человеческого тела приобретают символическое значение и определенную функцию, сопровождающуюся положительной или отрицательной оценкой. Например: *жить чужим умом; брать голыми руками; смотреть сквозь пальцы; держать нос по ветру; класть зубы на полку; отогревать змею на груди; мастер на все руки; плевать в душу; без царя в голове; глаза на лоб лезут; забубенная голова*.

В образовании рассматриваемых фразеологических единиц во французском языке наибольшую активность проявляет ЛСГ «животные». Во французском языке названия животных воплощают черты характера французов, отношение между людьми, норму поведения: *fils de la poule blanche* - «счастливчик»; *bayer aux mouches* - «ловить мух, бездельничать»; *chien qui aboie ne mord pas* - «не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой»; *les loups ne se mangent pas entre eux* - «ворон ворону глаз

не выклюет; *ménager la chèvre et le chou* - «угодить и волкам, и овцам».

Мы считаем, что использование зоонимов в качестве компонентов ФЕ – это результат многовекового тесного контакта человека и мира животных, продолжительного наблюдения человека над «братьями меньшими», анализа типичных повадок животных и их менее явных признаков.

Как справедливо отмечают многие исследователи, внешние структурно-грамматические характеристики фразеологических единиц не могут претендовать на роль релевантных и ведущих. Основополагающим признаком, обуславливающим особую лингвистическую природу ФЕ, следует считать семантическое преобразование, или переосмысление. Именно этот существенный признак обеспечивает неповторимость грамматической структуры и семантики фразеологизмов.

Процесс семантического преобразования может распространяться на все словосочетание или только на его часть (один из компонентов) и бывает полным или частичным. В результате между компонентами возникает зависимость двух типов – односторонняя и двусторонняя.

В отношении русских и французских фразеологизмов, обозначающих поведение человека, мы выделяем два типа единиц:

1) ФЕ с низкой смысловой взаимозависимостью компонентов, или фразеологические сочетания: в этих единицах наблюдается односторонняя смысловая зависимость между компонентами, образующаяся в результате переосмыслиния одного из них или частичного переосмыслиния всего компонентного состава; это объясняет ясность семантической структуры и выводимость общего фразеологического значения: *брать быка за рога*; *зарыть талант в землю*; *труслив как заяц*; *un méchant diable* - «злоредный человек»; *boire comme un templier* - «пить как сапожник»; *n'être pas dans son assiette* - «быть не в своей тарелке».

2) ФЕ с высокой степенью смысловой зависимости компонентов, которые традиционно называют идиомами. Двусторонняя смысловая зависимость компонентов в них объясняется полным переосмыслиением их значений, благодаря чему идиомы воспринимаются как единые, неразложимые, семантически нечленимые: *надеяться на авось*; *бежать за тридевять земель*; *разводить турусы*; *travailler pour le roi de Prusse* - «работать за так»; *se manger le blanc des yeux* - «сердиться, выходить из себя»; *loger le diable dans sa bourse* - «не иметь ни гроша».

Отметим, что среди ФЕ, обозначающих поведение человека, и в русском, и во французском языках идиомы преобладают.

Очевидно, что единицы фразеологии выступают не только как выразительное средство, но и представляют картину прошлого и настоящего русского и французского народов, раскрывают их характер, знакомят с нравами, обычаями, историей, литературой, искусством двух стран. Например:

Погиб как швед под Полтавой: речь идет о решающем сражении между русскими и шведскими войсками, которое произошло 27 июня 1709 г. под Полтавой и закончилось блестящей победой русских.

Сирота Казанская: при Иване Грозном татарские князья после покорения русскими Казанского царства старались разжалобить русских, чтобы добиться всякого рода уступок.

Pas d'argent, pas de Suisses – «даром ничего не дают»: с конца XV до конца XVIII вв. во Франции служили швейцарские наемники. Отличаясь жадностью к деньгам, они громко требовали своего жалованья каждый раз, когда его выдачу задерживали; иначе они угрожали бросить службу.

Результатом структурно-семантического анализа фразеологизмов со значением «поведение человека» стало выявление общих и специфических признаков ФЕ русского и французского языков. С одной стороны, это не что иное, как отражение особенностей системы языка в целом. Не стоит забывать, что русский и французский языки являются разноструктурными, неблизкородственными, различными по своим генетическим корням. С другой стороны, за системой и структурой языка стоит национальная культура, которая отражается в плане выражения (структурно-грамматическая организация, компонентный состав) и в плане содержания (фразеологическое значение) фразеологизмов. Хотелось бы, однако, отметить, что тесные культурно-исторические связи между русским и французским народами, общность географического положения и другие моменты способствовали зарождению общего в процессах мышления, познания и отражения окружающего мира, накоплению общего жизненного опыта. Естественно, эта общая для двух народов информация нашла свое закрепление в языках и является достоянием двух национальных культур.

Таким образом, фразеологический корпус русского и французского языков представляет собой единство собственно национального и универсального.

Раздел 3. Сопоставительные исследования в области лексических группировок

Н.И. Чернова

Характеристика национальной специфики тематической группы лексики в рамках формализованных параметров

Современная наука в области сопоставительных исследований характеризуется особым вниманием к сопоставительному исследованию языков в тесной взаимосвязи с национальной культурой народа, говорящего на данном языке. Всё большее развитие и совершенствование получают методы и приёмы выявления национальной специфики единиц языка. Так, для выявления национальной специфики лексики на материале одноименных тематических групп и определения количественной

характеристики степени национальной специфики была разработана система формализованных параметров. Следует отметить, что в рамках набора формализованных параметров особенно ярко может быть представлена национальная специфика денотативно близких участков лексических систем. Нами, в частности, была исследована тематическая группа наименований зданий и помещений в русском и английском языках, представляющих весьма важные для человека объекты действительности, тесно связанные с национальной бытовой культурой.

Проведенное исследование данной тематической группы подтвердило возможность выявления и изучения национальной специфики лексики на материале одноименных тематических групп по таким параметрам, как *номинативная плотность; индекс семантической близости единиц группы; индекс внутригрупповой структурно-семантической связности группы; индекс принадлежности к группе; индекс яркости подгруппы внутри тематической группы; соотношение однозначных и многозначных лексем*. Однако степень проявления национальной специфики по разным параметрам неодинакова.

Исследование показало, что тематические группы зданий и помещений, как в русском, так и в английском языках представляют собой обширные по объему и разнообразные по составу и семантике группы.

Объем тематических групп наименований зданий и помещений в русском и английском языках неодинаков. Так, в английском языке номинативная плотность, под которой, вслед за В.И. Карасиком (Карабик 2004, с.111) мы понимаем количество лексических единиц, номинирующих рассматриваемую сферу действительности, составляет 754 лексические единицы, что значительно превышает соответствующий показатель в русском языке - 407 лексических единиц.

Следует отметить преобладание однозначных лексем над многозначными в обеих тематических группах, при этом процентное соотношение однозначных лексем к общему числу лексем группы в русском языке выше, чем в английском.

Как показало проведённое исследование, средний индекс принадлежности выделенных подгрупп к исследуемой группе лексики, под которым понимается отношение общего количества развивающихся лексемами данной структурной единицы семем с семой тематической группы к общему количеству ее семем (термин Н.М. Шишкina - Шишкина 2004), в английском языке выше, чем в русском (71,64% - в английском языке и 63,74% - в русском).

Выполненное исследование показало, что одни и те же лексемы разными семемами могут одновременно входить как в одну и ту же структурную единицу, так и в другие структурные единицы описываемых тематических групп. Такими лексемами в русском языке являются, например, лексемы *барак* (*постройка для временного проживания, отдельное больничное здание*), *галерея* (*длинное узкое помещение, художественный музей*), *предбанник* (*небольшое помещение, через которое проходят, помещение в*).

бане для хранения одежды), которые входят одновременно в подгруппу **Виды зданий и помещений** и подгруппу **Здания и помещения для определенных целей и категорий лиц**.

В качестве примера из английского языка приведем лексемы *barn* – *неприглядное здание, депо, амбар; outhouse* – *крыло здания и отдельно стоящий туалет*, которые одновременно входят в подгруппы **Виды зданий и помещений** и **Здания и помещения для определенных целей и категорий лиц**.

В целом, уровень внутригрупповой структурно-семантической связности группы, т.е. отношение количества лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной группы, в русском языке превышает аналогичный индекс в английском языке более чем на 2%. Это объясняется незначительной разницей в количестве лексем, входящих разными семемами в разные структурные единицы, в русском и английском языках (32 – в русском языке и 41 – в английском) и существенной разницей в номинативной плотности сравниваемых тематических групп.

Исследование семантики единиц рассматриваемых тематических групп сравниваемых языков показало наличие в их составе лексем, демонстрирующих синонимические отношения. Обращает на себя внимание тот факт, что, как в русском, так и в английском языках выявлены структурные единицы, целиком состоящие из синонимических рядов. Так, например, лексемы *конюшня, свинарник, хлев*, обозначающие по семеме К1 *грязное, неопрятное помещение* составляют в русском языке минигруппу **Характеристика зданий и помещений по состоянию**. Лексемы *tent, bell-tent, dog-tent, pavilion, shelter-tent, tabernacle* с общей семемой *палатка, шатер* составляют английскую минигруппу **Характеристика зданий и помещений по длительности использования**. Отметим, что число таких структурных единиц в английском языке значительно выше, чем в русском, как и общее количество лексем, демонстрирующих синонимические отношения (439 - в английском и 85 – в русском). В целом индекс семантической близости единиц группы, т.е. отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данной группы, в английском языке составляет 0,58, что существенно превышает аналогичный индекс в русском языке, который равен 0,21.

Наибольший индекс яркости внутри рассматриваемых тематических групп, под которым мы понимаем отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы, демонстрируют самые многочисленные в обоих языках подгруппы **Здания и помещения для определенных целей и категорий лиц**, насчитывающие 325 и 512 лексических единиц в русском и английском языках соответственно. Отметим, что индекс яркости у этой подгруппы в русском языке выше, чем в английском (74,03% и 62,44% соответственно). В то же время в английском языке намного более ярко,

чем в русском, представлена подгруппа **Здания и помещения для жилья** - индекс ее яркости существенно выше, чем в русском языке (25,12% и 15,72% соответственно). Эта подгруппа в английском языке лучше и более детально структурирована. В частности, в русской подгруппе отсутствуют такие интересные с точки зрения национальных особенностей минигруппы, как **Здания и помещения для жилья, характеризуемые по виду собственности, Виды жилых домов различной конструкции, Виды нестационарного жилья, Виды домов по количеству квартир, Виды квартир.** Ряд минигрупп данной подгруппы в английском языке, в отличие от русского языка, делятся на более мелкие структурные единицы - микрогруппы. Так, самая многочисленная, следовательно, демонстрирующая самую высокую степень яркости, минигруппа **Виды комнат** состоит из семи микрогрупп. Обращает на себя внимание, что при этом практически все микрогруппы целиком составлены из синонимических рядов, каждый из которых обозначает один отдельный вид комнаты.

Достаточно высокий индекс яркости в английском языке демонстрирует также минигруппа **Здания и помещения для курения и удовлетворения физиологических потребностей**, содержащая, в частности, 23 лексемы, обозначающие тот или иной вид туалета, и 7 лексем, обозначающих здания и помещения для купания. С этой точки зрения в английском языке также интересна минигруппа **Здания и помещения сельскохозяйственного назначения.** В ней представлены 15 лексем, обозначающих разные виды зданий и помещений для разведения растений, 13 из них при этом являются синонимичными наименованиями теплиц, а две - обозначают теплицы для определенных видов растений. В данной минигруппе выделяются также семь лексем, обозначающих свинарник, шесть – голубятню, четыре лексемы, обозначающие птичник и три - собачью конуру. В русском языке этих наименований насчитывается значительно меньше: всего шесть наименований туалетов, три наименования помещений для купания, пять лексем, обозначающих здания и помещения для разведения растений, три наименования зданий и помещений для домашней птицы, два наименования собачьей конуры; лексемы, обозначающие свинарник и голубятню, вообще являются единичными.

В целом исследование показало, что тематические группы наименований зданий и помещений в русском и английском языках демонстрируют как сходство, так и национальную специфику.

Исследование показало, что система предложенных формализованных показателей национальной специфики семантики, представленная в виде индексов, позволяет достаточно объективно и наглядно выявить и описать национальную специфику семантики лексических единиц, что дает возможность использовать данные показатели для исследования и оценки степени проявления национальной специфики семантики других групп лексических единиц.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

И.Ю. Вострикова

Национальная специфика зонной организации ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках

Лексико-семантические поля глаголов трудовой деятельности в русском и английском языках обширны и хорошо структурированы. Так, в русском языке ЛСП «Трудовая деятельность» насчитывает 816 лексических единиц, в английском – 1337.

Исследование структурной и лексико-семантической организации данных ЛСП в русском и английском языках позволило определить их ядро, ближайшую, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. В основу деления поля на зоны нами было положено два параметра – степень абстрактности значения лексем и тип семем, по которым лексемы входят в поле. Чем абстрактнее и обобщенное значение лексемы, тем ближе она к ядру поля. Чем конкретнее значение, тем больше шансов у лексемы оказаться на периферии поля. Точно также лексемы, входящие в поле по семеме Д1 (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32), находятся ближе к ядру, чем лексемы, входящие в поле по семеме Д2. Лексемы же, входящие в поле по семеме К1, меньше всего связаны с ядром и находятся на крайней периферии поля. Что касается лексем, входящих в поле по нескольким семемам, то они будут находиться на пересечении соответствующих зон.

Национальная специфика зонной организации рассматриваемых полей двух языков выявляется при помощи такого формализованного параметра, как индекс представленности одноименных зон поля. Под индексом представленности одноименных зон поля нами понимается отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля.

Отметим, что ядро поля в двух языках составляют лексемы, входящие в группу “Общие наименования трудовой деятельности”. В русском языке таких лексем 6 (*делать, поработать, потрудиться, производить, работать, трудиться*), в английском – 22 (*act, do, function, make, produce, work* и др.). Соответственно, индекс представленности зоны ядра ЛСП «Трудовая деятельность» в русском языке равен 0,74%, а в английском языке – 1,65%, т.е. вдвое больше. При этом в русском языке ядро является однородным, поскольку все лексемы входят в него по семеме Д1. В английском же языке выделяется центр ядра, состоящий из 15 лексем, которые входят в него по семеме Д1.

Зона ближайшей периферии – новая зона, которая выделяется в исследованных ЛСП – это переходная зона между ядром и ближней периферией. В нее входят единицы, максимально близкие к ядру и являющиеся общими наименованиями конкретных видов деятельности. Они достаточно абстрактны, чтобы находиться близко к ядру и, вместе с тем, достаточно конкретны, чтобы не принадлежать ядру. В русском языке эта зона включает 53 лексические единицы (*заведовать, лечить, мастерить, оборудовать, строить, хозяйствовать* и др.), в английском языке – 104 (*build, construct, doctor, farm, prepare, teach* и др.), таким образом, индекс представленности ближайшей периферии в обоих языках незначительно отличается и составляет соответственно 6,5% и 7,78%. Отметим, что в обоих языках лексемы, входящие в ближайшую периферию по семемам Д1 (47 лексем в русском языке и 90 в английском) находятся ближе к ядру, чем те, которые входят туда по семемам Д2 и К1.

Ближняя периферия анализируемых полей представлена лексемами с более конкретным значением, которые входят в поле по семеме Д1. В рассматриваемую зону в русском языке входят 589 лексем (*белить, ворошить, делить, конспектировать, портняжить, созидать, удобрять* и др.), в английском языке – 762 (*burden, chap, fish, milk, organize, perforate, revise, trawl* и др.). Соответственно индекс представленности зоны ближней периферии в русском языке существенно больше и составляет 72,18% по сравнению с 56,99% в английском языке.

Дальнюю периферию составляют лексемы, входящие в рассматриваемые поля по семеме Д2. Это 137 лексем (*выступать, практиковать, разбирать, разрабатывать, управлять* и др.) в русском языке и 357 (*balance, hang, herd, interpret, mark, perform, promote* и др.) – в английском. Сравнение индексов представленности зоны дальней периферии в русском и английском языках показало, что данная зона ярче представлена в английском языке, где соответствующий индекс равняется 26,7% (по сравнению с 16,79% в русском языке).

В зоне крайней периферии находятся лексемы, которые входят в анализируемые ЛСП по семеме К1. В русском языке это 31 глагольная лексема (*готовить, кропать, набивать, подбить, подкапывать, снимать* и др.), в английском – 92 лексемы (*barb, divide, dress, face, pull, right, stitch* и др.), соответственно индекс представленности зоны крайней периферии в английском языке оказывается почти в два раза ярче и составляет 6,88% по сравнению с 3,79% в русском языке.

Отметим, что 64 лексемы, входящие в анализируемое поле по нескольким семемам в русском языке, находятся на пересечении соответствующих зон. К примеру, лексема *точить*, которая входит в данное поле по семеме Д1 «делать деталь острой» и семеме Д2 «изготавливать на станке» находится на пересечении зон ближней и дальней периферии поля.

В английском языке 315 лексем входят в лексико-семантическое поле трудовой деятельности несколькими семемами. Так, лексема *water* входит в

данное ЛСП по трем семемам – по семеме Д1 «увлажнять, поливать» и двум семемам Д2 «поить животных» и «орошать». Таким образом, она находится на пересечении зон ближней и дальней периферии, причем большая ее часть приходится на зону дальней периферии.

Следует отметить, что результаты рассмотрения зонной организации анализируемых полей показали, что в обоих полях в количественном аспекте заметно преобладает ближняя периферия, на втором месте по количеству лексем стоит дальняя периферия, за ней следует ближайшая периферия. Замыкают список зон в порядке убывания количества представленных в них единиц крайняя периферия и ядро.

При этом, если индекс представленности ближайшей периферии в обоих языках отличается незначительно, ближняя периферия более обширно представлена в русском языке, а остальные зоны, включая и ядро – в английском.

В целом отметим, что при сопоставлении зонной организации ЛСП трудовой деятельности в русском и английском языках в рамках такого формализованного параметра, как индекс представленности одноименных зон поля, можно сделать вывод, что специфика преобладает над общностью.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.

С.В. Колтакова

Национальная специфика наименований лиц, занятых трудовой деятельностью, в русском и английском языках

Предметом данного исследования послужили минигруппы **Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью**, являющиеся структурными единицами тематической группы «Труд» в русском и английском языках. Интерес к данным минигруппам обусловлен тем фактом, что трудовая деятельность, являясь неотъемлемой частью нашей жизни, особенно ярко отражает особенности менталитета и традиций представителей русской и английской культур.

В русском языке минигруппа **Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью** представлена 37 лексемами, которые объединяются в следующие микрогруппы:

- общие наименования лиц, занятых трудовой деятельностью (*работник, работница, работничек, работяга, рабочая, рабочий, труженик*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью, требующей определенной квалификации (*мастер, мастерица, подмастерье, ремесленник, специалист, шестирядник*);

- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью, не требующей определенной квалификации (*разнорабочий, чернорабочий*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью на определенных условиях (*договорник, повременщик, поденищик, поденица, подрядник, подрядчик, почасовик, сдельщик, сдельница*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью на дому (*кустарь, надомник*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью в определенное время (*ночник, сезонник*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью для дополнительного заработка (*кальмилик, шабашник*);
- наименования лиц, некачественно выполняющих свою работу (*волокитчик, работничек, ремесленник, сапожник*).

Сюда также относятся не вошедшие в вышеперечисленные микрогруппы лексемы *бюджетник, отраслевик, производственник, ручнист, скоростник*.

Отметим, что из общего количества лексем данной минигруппы 30 лексем (*разнорабочий, подрядчик и др.*) входят в нее по семеме Д1, три лексемы (*работяга, труженик, сапожник*) – по семеме Д2, четыре лексемы (*работник, работница, работничек, ремесленник*) относятся к ней по семемам Д1 и Д2. Так, например, лексема *работничек* своей семемой Д1 «работник» входит в состав микрогруппы **Общие наименования лиц, занятых трудовой деятельностью**, а семемой Д2 «плохой работник» относится к микрогруппе **Наименования лиц, некачественно выполняющих свою работу**.

Двадцать пять лексем данной минигруппы (*сдельщик, кустарь и др.*) являются однозначными, восемь лексем (*ночник, скоростник и др.*) – двузначными, остальные (*мастер, труженик и др.*) демонстрируют более развитую полисемию. При этом следует отметить, что практически все развивающиеся отмеченными лексемами семемы выходят за рамки изучаемой группы лексики и содержат семы других тематических групп. Исключение составляют лексемы *работничек, сапожник и скоростник*.

Индекс структурно-семантической связности данной минигруппы с другими структурными единицами группы, под которым, вслед за Н.И. Черновой (Чернова 2006), мы понимаем отношение количества лексем структурной единицы группы, входящих разными семемами в другие структурные единицы группы, к общему количеству лексем данной структурной единицы, равен 5,4%.

В целом лексемы данной минигруппы развиваются в своих семантиках 57 семем. Таким образом, индекс полисемантичности данной минигруппы (отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной структурной единицы, к общему количеству ее лексем – см. Шишкина

2004) равен 1,54. При этом 44 семемы содержат сему рассматриваемой группы лексики, следовательно, индекс принадлежности данной минигруппы к исследуемой группе лексики (под которым вслед за Н.М. Шишкиной (Шишкина 2004) понимается отношение общего количества развивающихся лексемами данной структурной единицы семем с семой группы к общему количеству семем данной структурной единицы) равен 77,2 %.

Из 37 лексем 27 лексем не развиваются в своих семантиках семы других тематических групп, следовательно, индекс лексико-семантической замкнутости данной минигруппы (отношение количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы – см. Чернова 2006) равен 72,97 %.

Соответствующая минигруппа в английском языке представлена 40 лексемами, которые образуют следующие микрогруппы:

- общие наименования лиц, занятых трудовой деятельностью (*employe, employè, employee, labourer, wage-earner, wage-worker, worker, work-hand, working-man, workman, workwoman*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью, требующей определенной квалификации (*artisan, craftsman, journeyman, master hand, turn-over*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью, не требующей определенной квалификации (*hack, labourer, odd-job man, roustabout, spalpeen*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью на определенных условиях (*casual, darger, dargsman, day-labourer, dayman, daysman, daytaler, jobber, journeyman, piece-worker*);
- наименования лиц, занятых трудовой деятельностью на дому (*outworker*);
- наименования лиц, имеющих определенную занятость. В данной микрогруппе можно выделить следующие микроподгруппы:
 - наименования лиц, имеющих частичную занятость (*half-timer, part-timer*);
 - наименования лиц, имеющих полную занятость (*full-timer, whole-timer*).
- наименования лиц, некачественно выполняющих свою работу (*botch, botcher, bungler, cobbler*).

Сюда также относится не вошедшая в вышеперечисленные микрогруппы лексема *mill-hand*.

Отметим, что 32 лексемы данной минигруппы (*working-man, whole-timer и dr.*) входят в нее по семеме Д1, пять лексем (*turnover, hack, full-timer, botch, cobbler*) – по семеме Д2, три лексемы (*journeyman, labourer, roustabout*) развивают две семемы (Д1 и Д2) с семами анализируемой минигруппы. В частности, лексема *journeyman* своей семемой Д1

«квалифицированный рабочий или ремесленник, работающий по найму, подмастерье» относится к микрогруппе **Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью, требующей определенной квалификации**, а семемой Д2 «поденщик» входит в состав микрогруппы **Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью на определенных условиях**.

Из входящих в данную минигруппу лексем 21 (*mill-hand, outworker и dr.*) являются однозначными, десять (*job-holder, labourer и dr.*) – двузначными, остальные девять (*worker, workman и dr.*) демонстрируют достаточно развитую полисемию. При этом подавляющее большинство многозначных лексем, за исключением *cobbler, dayman, full-timer, half-timer, job-holder, labourer, roustabout*, выходят за рамки исследуемой группы лексики.

Отметим что индекс структурно-семантической связности данной минигруппы с другими структурными единицами группы равен 12,5%.

В целом общее количество семем, развиваемых 40 лексемами данной минигруппы, равно 85, при этом только 59 из них содержат сему рассматриваемой группы. Следовательно, индекс полисемантичности равен 2,13, а индекс принадлежности данной минигруппы к исследуемой группе лексики равен 69,4%. Из общего количества лексем 22 лексемы не развиваются семы других тематических групп. Следовательно, индекс лексико-семантической замкнутости данной минигруппы равен 55%.

Проведенное исследование показало, что рассматриваемые минигруппы имеют как сходства, так и национально-специфические различия. Так, эти минигруппы в русском и английском языках насчитывают примерно одинаковое количество лексем: 37 и 40 соответственно. Кроме этого, степень сходства структурной организации минигрупп достаточно велика. Так, количество микрогрупп входящих в состав рассматриваемых минигрупп практически одинаковое – восемь и семь соответственно. Однако набор этих микрогрупп не совсем совпадает. Например, в русском языке наблюдаются две отсутствующие в английском языке микрогруппы: **Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью в определенное время** и **Наименования лиц, занятых трудовой деятельностью для дополнительного заработка**. В английском языке имеется микрогруппа **Наименования лиц, имеющих определенную занятость**, которая отсутствует в русском языке.

В обоих языках абсолютное большинство лексем входят в рассматриваемые минигруппы по семеме Д1 (в русском языке – 30, в английском – 32). Это может объясняться преобладанием однозначных лексем над многозначными в обеих минигруппах. Так, в русском языке 25 однозначных лексем, а в английском – 21.

В то же время английские лексемы демонстрируют более развитую полисемантичность, что подтверждает соответствующий индекс, который равен 2,13, в русском же языке он равен 1,54. При этом интересно отметить, что индекс принадлежности минигруппы к исследуемой группе лексики в русском языке выше (77,2%), чем в английском (69,4%). Данный

факт объясняется преобладанием в русском языке лексем, содержащих сему исследуемой тематической группы.

Анализ семантики единиц рассматриваемых микрогрупп показал, что в английском языке заметно больше лексем, входящих также в состав других структурных единиц группы, о чем свидетельствует индекс структурно-семантической связности, который в английском языке равен 12,5 %, а в русском – 5,4%.

Отмеченные различия представляют собой наиболее яркие национальные особенности семантики рассмотренных минигрупп.

Литература

1. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
2. Чернова Н.М. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
3. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Л.Н. Дудкина

Национальная специфика английского и русского ЛФП «Приготовление пищи»

Национальная специфика языковых подсистем проявляется в разных аспектах. Она может проявляться на языковом уровне – в лексемах и отдельных семемах, а также может быть обусловлена когнитивным сознанием народа, содержанием концептов как единиц мышления (Попова, Стернин 2002).

Рассмотрим проявление национальной специфики языковых единиц с использованием триады: концепт – семема – лексема.

Сравнивая ЛФ поля «Приготовление пищи» в русском и английском языках мы выяснили, что разница между ними заключается не только в количестве составляющих эти поля лексем, но и в наполнении парцелл, распределении лексем по перифериям, а также в категориальных признаках выделения парцелл.

Исследование показало, что как в русском, так и в английском языках можно выделить 7 одноименных парцелл: заготовление пищи впрок, приготовление пищи на пару, изменение/улучшение вкуса кушанья, подготовка мяса/овощей к дальнейшему приготовлению, приготовление (без)алкогольных напитков, украшение кушанья перед подачей на стол, измельчение продуктов перед подачей на стол/дальнейшим

приготовлением. Некоторые из них, наиболее интересные, мы и рассмотрим более подробно в данной работе.

Парцелла «Изменение/улучшение вкуса кушанья» в русском и английском ЛФ полях (10 лексем и в той, и в другой парцелле).

В рамках этой парцеллы есть следующие варианты соотношения концепта, значения и лексемы:

1) Есть концепт, есть семема, есть лексема:

Сахарить - sugar, sweeten (НБРАС).

Подсластить, подсладить – sweeten, sugar (НБРАС).

Солить – 1) salt; 2) corn; pickle (НБРАС).

Перчить – pepper (НБРАС).

Заправить, приправить – spice, season, flavour (НБРАС).

Помаслить (разг.) – Butter (НБРАС).

2) Есть концепт, есть семема, нет лексемы:

На фоне русского языка в английском ЛФ поле появляются лакуны, «отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом» (Язык и национальное сознание, с. 156):

Подкислить – to make more sour (НБРАС).

Погорчить – to make (slightly) bitter (НБРАС).

Забелить – to add milk, cream (to) (НБРАС).

В русском ЛФ поле на фоне английского языка, в свою очередь, также появляются лакуны:

3) В русском языке нет концепта, нет семемы, нет лексемы:

Devil (Ам) – добавить острые специи в кушанье, которое было очень мелко нарезано (to add a hot spice to a food which has been cut up very fine) (Culture). Готовить острое мясное или рыбное блюдо (НАРС). Видимо, приготовление этого блюда таким способом не востребовано в русской национальной кухне.

Per up (разг.) – сделать более энергичным или интересным (оживлять) (To make more active or interesting (enliven) (Culture). Усиливать, подгонять, оживлять, стимулировать (НАРС).

Dress – 6) приготовлять, приправлять (кушанье) 7) разделять тушу (НАРС).

В таком же порядке мы рассматривали и остальные парцеллы.

Парцелла «Заготовка пищи впрок» в русском и английском языках сильно отличается в количественном отношении: в английском языке насчитывается 27 единиц, в русском – 15. Очевидно, научно-техническая революция значительно обогатила и разнообразила способы консервирования, которые ранее ограничивались варением продуктов в сахаре или сахарном сиропе, или засаливанием. В английском языке для этих целей создаются новые глагольные единицы to refrigerate, to quick-freeze, to sharp-freeze, и т.д., тогда как в русском появляются словосочетания подвергнуть глубокой заморозке, хранить в морозильной камере и т.д.

Варианты соотношения концепта, значения и лексемы:

1) Есть концепт, есть семема, есть лексема
(за)солить – salt down, brine, (corn, pickle - НБРАС).
Коптить – smoke (cure in smoke - НБРАС).

Мочить – to souse (НБРАС), однако словарь Culture дает значение «консервировать, особ. рыбу, помещая ее в воду с солью и уксусом» (To preserve (esp. fish by placing it in water with salt in it, vinegar, etc.;). Солить, мариновать (НАРС).

Засахарить – candy (НБРАС).

Сушить – dry, desiccate (НБРАС).

Мариновать – pickle (НБРАС).

Консервировать – to conserve, preserve; (в жестяных банках) to can, tin (Br); (в стеклянных банках) to bottle, jar; (в фарфоре, фаянсе) to pot (НБРАС, НРАС).

Квасить – pickle, ferment НБРАС; to make sour, to leaven (НРАС).

Пастеризовать – pasteurize (НБРАС).

Здесь следует оговориться, что, несмотря на толкование глагола *пастеризовать*, приведенное в словаре под редакцией С.А. Кузнецова «нагреть пищевые продукты для обеззараживания и консервирования до температуры, чуть меньшей, чем температура кипения, при которой погибают бактерии, но сохраняются витамины», и перевод словаря НБРАС на английский: «pasteurize», который одноязычные словари английского языка трактуют лишь в применении к молочным продуктам «нагреть (особ. молоко) определенным образом с тем, чтобы уничтожить бактерии» (to heat (esp. milk) in a certain way in order to destroy bacteria (LL), лексемы «пастеризовать» и «pasteurize» следует считать неполностью эквивалентными.

Укупорить – pack up (НБРАС).

Вялить – cure, dry-cure (fish, meat), dry, sun-dry (НБРАС).

Лакунами в английском ЛФ поле, очевидно, можно считать отсутствие эквивалентов к словам «малосолить», «закатать/закатывать банки».

Quick-freeze, flash-freeze – подвергнуть быстрой заморозке, open-freeze – в словарях не отмечен, видимо, «подвергать продукт заморозке в незапакованном виде». Deep-freeze – подвергать продукт глубокой заморозке.

Refrigerate - охлаждать, замораживать, хранить в холодном месте (НАРС).

Kipper – заготавливать (сельдь, лосось и т.п.), выпотрошив, засолив и т.д., а затем, высушив на солнце или закоптив (to cure (herring, salmon, etc.) by cleaning, salting etc. and drying in the air or in smoke) (Webster). Солить и коптить рыбу (НАРС).

Smoke-dry – сушить или заготавливать впрок (мясо или другие продукты) при помощи копчения (to dry or cure (meat or other food using smoke) (Webster). Отметим, что англо-русские словари не регистрируют эту лексему.

Cure – консервировать/заготавливать (пищу, шкуры, табак и т.п.)

высушивая, вывешивая для копчения, засаливая и т.д. (to preserve (food, skin, tobacco, etc.) by drying it, hanging it in smoke, covering it with salt, etc.) (Culture), заготовлять, консервировать (НАРС). НБРАС дает этот глагол как один из эквивалентов к глаголам «вялить», «коптить» (cure in smoke).

Jerk (Am) – заготавливать мясо, особенно, порезав на полоски и высушив на солнце (to preserve meat, esp. beef by cutting in strips and curing by drying in the sun) (Webster). В англо-русских словарях не зафиксирован.

Powder – 5) (диал.) солить мясо (НАРС).

Corn – 2) заготавливать, приправляя солью в гранулах 3) заготавливать в рассоле/соляном растворе (2) to preserve and season with salt in grains 3) to preserve and season with brine) (Webster). Солить, засаливать (мясо) (НАРС).

Crystallize – 3) заготавливать (пищу) покрыв сахаром (to preserve (fruit) by covering with sugar) Culture 4) засахаривать (о фруктах) (НАРС).

Парцелла **«Подготовка мяса/овощей к дальнейшему приготовлению»** (в русской парцелле – 11 единиц, в английской – 20).

1) Есть концепт, есть семема, есть лексема:

Шпиговать – (inter)lard (НБРАС).

Щипать – pluck (НБРАС).

Освежевать, содрать кожу – skin, flay (HPAC); dress (НБРАС).

Глагол to dress переводится в словаре Мюллера как «приготавлять, приправлять», а словарь Culture дает толкование «приготовить для использования, особ. употребления в пищу» (to prepare for use esp. to prepare for cooking or eating), что может включать в себя свежевание, но является менее конкретным, по сравнению с русским «свежевать/сдирать кожу».

Отбить (мясо) – to tenderize (НБРАС).

Потрошить – to (dis)embowel, gut, eviscerate (HPAC). НБРАС дает такие переводы: draw, eviscerate (fish, fowl), disembowel, clean.

Опалить – to singe (свинину, птицу) (HPAC), однако, в английском языке у глагола не выделяется отдельно значение «очистить огнем от волосяного покрова, ворса» (К), как в русском. To singe в английском означает «обжечь слегка поверхность или край» (to burn lightly on the surface or edge) (Culture).

Фаршировать – в английском to stuff (HPAC) – общий глагол.

Панировать – bread (to coat with egg and breadcrumbs) (НБРАС).

Начинять – stuff with, fill with (HPAC) – общие глаголы в английском языке.

Лущить – to shell, husk, scale; (горох) to pod; (орехи) to crack (HPAC); to husk, to shell, to pod, to hull (НБРАС).

В русском ЛФ поле на фоне английского языка также выявляются лакуны:

Core – вырезать сердцевину (НАРС).

Stone/pit – вынимать косточки (НАРС) (от существительного pit –

фруктовая косточка).

Truss – связать ножки и крылышки птицы при жареных (НАРС).

Peel – снимать корку, кожицу, шелуху; очищать (фрукты, овощи) (НАРС).

De-stalk – в словарях глагол не зарегистрирован, «освобождать от стебельков фрукты, плоды».

Fillet – приготовить филе из рыбы (НАРС).

Bone – снимать мясо с костей (НАРС).

Dress birds for the market – выпотрошить и удалить перья (to dress birds for the market (= to clean them and remove the feathers) (Culture). Приготовить (букв. одеть, нарядить) птицу к продаже.

De-seed, seed – в словарях не зарегистрирован. Удалить (косточки), семена из фруктов (Culture).

Decorticate – содрать кожу, шелуху (НАРС).

Scale – чистить, соскабливать чешую (НАРС).

Парцелла «**Приготовление напитков**» (в русском сегменте – 4 единицы, в английском – 11).

1) Есть концепт, есть семема, есть лексема:

Заваривать – brew (кофе, чай) (НРАС).

Настигивать (приготавливать настой) – infuse, steep, draw, decoct (НБРАС).

Гнать (спирт и т.п.) – distil (НРАС).

Курить (уст. гнать спирт) – distil (НБРАС).

Fortify – крепить (общий глагол) (НБРАС).

В русском ЛФ поле выявлены лакуны:

Mull – подогреть вино или пиво с пряностями (НАРС).

Percolate/perk – (готовить) варить кофе, пропуская горячую воду через молотые зерна кофе (to prepare (coffee) by passing hot water through ground coffee beans) (LL). В англо-русском словаре под редакцией В.К. Мюллера дается лишь следующее толкование: «процеживать; фильтровать; перколировать» - кофе не упоминается.

Ferment – производить алкоголь из дрожжей и сахара (to produce alcohol from yeast and sugar) (WW); вызывать брожение (НАРС).

Следует оговориться, что грань между лакуной (отсутствием единицы) и наличием неполного лексического соответствия иноязычному слову (Язык и национальное сознание, с. 163) довольно тонкая. Отграничить такие единицы, которые не в полном объеме передают смысловое содержание иноязычного слова, но в то же время передают определенную часть его основного смыслового содержания, от лакун весьма нелегко. Однако и те, и другие являются проявлением национальной специфики семантики языков и демонстрируют яркое национально-культурное своеобразие.

Литература

1. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии /Под ред. З.Д. Поповой, И.А. Стернина. - Воронеж, 2002.

2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Использованные словари и принятые сокращения

1. К – Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 2002.
2. НАРС – Новый англо-русский словарь – Москва: «Русский язык», 2001.
3. НБРАС – Новый большой русско-английский словарь - М.: Лингвистика, 1997.
4. Culture – Longman Dictionary of English Language and Culture. - Longman, 2000.
5. LL – Longman Language Activator – Longman, 1994.
6. Webster – Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language - Gramercy Books NY, 1994.
7. WW - Word for Word. Stewart Clark and Graham Pointers. - Oxford University Press, 2003.

Н.М. Шишкина

**Глаголы, выражающие упрек и оскорбление,
в русском и английском языках**

Данная статья посвящена рассмотрению и сопоставлению входящих в состав ЛСГ глаголов речевой деятельности русского и английского языков глаголов, выражающих упрек и оскорбление.

В русском языке к рассматриваемым глаголам относится 21 лексическая единица: *винить, грызть, есть/съесть, клевать, колоть, корить, костить, костерить, оскорблять/оскорбить, пенять, пилить, поносить, попрекать/попрекнуть, придириаться/придраться, срамить, стыдить/ пристыдить, укорять/укоить, унижать/унизить, упрекать/упрекнуть, честить, шпынить*. При этом 13 из 21 лексемы являются однозначными. Это глаголы *корить, костить, костерить, оскорблять, пенять, поносить, попрекать, стыдить, укорять, унижать, упрекать, честить, шпынить*.

Интересно отметить, что практически такая же картина в соотношении однозначных и многозначных лексем наблюдается и в английской подгруппе глаголов, выражающих упрек и оскорбление. В нее входят 16 лексем, при этом только шесть из них являются многозначными. Это лексемы *abuse, blame, nag, offend, reproach* и *slander*. Остальные 10 единиц являются однозначными. Это глаголы *chide* – упрекать, журить; *inveigh* – поносить, ругать; *reprove* – корить, бранить; *revile* – оскорблять, поносить; *scold* – журить, бранить; *upbraid* – укорять, упрекать; *vituperate* – поносить, бранить, а также три однозначные лексемы, проявляющие лексико-грамматическую вариантность (многозначность слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающая лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения) на уровне глагола и

существительного: синонимичные лексемы *affront* и *insult* «оскорблять / оскорблениe» и *rebuke* «упрекать, укорять / упрек, укор».

Таким образом, в сравниваемых подгруппах отмечаются приблизительно одинаковые индексы полисемантичности (отношение общего количества семем, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы): 1,66 в русском языке и 1,5 – в английском; и индексы принадлежности рассматриваемых подгрупп к исследуемой лексико-семантической группе (отношение общего количества речевых семем³, развиваемых лексемами данной подгруппы, к общему количеству семем этой подгруппы) – 62,86 % и 70,83 % соответственно.

Как показал проведенный анализ, многозначные английские лексемы *abuse*, *blame*, *nag*, *reproach* и *slander* проявляют лексико-грамматическую полисемию, представленную как в виде собственно лексико-грамматической полисемии (многозначности слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающей наличие как лексической, так и лексико-грамматической производности), так и виде лексико-грамматической вариантности.

Отметим также, что из шести многозначных английских лексем, входящих в подгруппу глаголов, выражающих упрек и оскорбление, только лексема *abuse* не содержит семы речи в своем основном значении и включена в данную подгруппу по семеме Д2. Семантина этой лексемы включает три денотативные семемы. Это денотативная семема Д1 «плохо, жестоко обращаться / плохое жестокое обращение» (*to abuse one's health – пренебрегать здоровьем* (букв. *плохо обращаться со своим здоровьем*) – пример глагольного варианта семемы) и две денотативные семемы Д2: не имеющая семы речи семема «злоупотреблять / злоупотребление» (*to abuse rights – злоупотреблять правами*; *abuse of power – злоупотребление властью*) и речевая семема «оскорблять, ругать / оскорбление, ругательство» (*She abused him roundly for his neglect – Она строго отругала его за нерадивость*; *to exchange abuse – оскорблять друг друга* (букв. *обмениваться оскорблениеми*)).

Лексемы *blame*, *reproach* и *slander* имеют по две денотативные семемы, одна из которых проявляет лексико-грамматическую вариантность, а другая является субстантивной.

Лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и существительного демонстрируют семемы Д1: у лексемы *blame* – «обвинять, порицать / порицание, упрек», у лексемы *reproach* – «упрекать / упрек», у лексемы *slander* – «злословить, поносить / злословие».

Субстантивные семемы рассматриваемых лексем представлены семемами Д2: неречевыми у лексем – *blame* и *reproach* «вины,

³ Под *речевой семемой* понимается значение многозначного слова, содержащее *сему речи*. Под *неречевой* – значение многозначного слова, не содержащее *сему речи*. Под *семой речи* понимается компонент семемы, отражающий акт произнесения.

ответственность», «позор, срам» соответственно и речевой – у лексемы *slander* «юр. устная клевета, устное оскорбление».

Многозначная лексема *offend* демонстрирует собственно лексическую полисемию. Ее семантива включает три денотативные семемы. Это речевая семема Д1 «оскорблять» (*They avoided saying anything that might offend their audience – Они избегали говорить то, что могло бы оскорбить их слушателей*) и две неречевые семемы Д2 «нарушить что-либо, совершил проступок» и «вызывать раздражение, отвращение».

Заметим, что как видно из приведенных выше примеров, многозначные глагольные лексемы подгруппы глаголов, выражающих упрек и оскорбление, в английском языке характеризуются большой степенью развитости полисемии и демонстрируют не только лексическую, но и лексико-грамматическую полисемию. В русском же языке многозначные глагольные лексемы рассматриваемой подгруппы проявляют только лексическую полисемию.

В качестве примера приведем семантины лексем *есть* и *пилють*.

Так, у лексемы *есть* отмечается четыре семемы: три денотативные и одна коннотативная. Денотативные семемы, как уже отмечалось, не являются речевыми. Это семена Д1 «принимать пищу» (*До сих пор мы ели по очереди – ложка за ложкой. /В.Каверин/*), две семены Д2 «разрушать химически» (*Железо вон в воде неделю полежит – и того ржса съест /Ф.Абрамов/*) и «причинять жгучую боль чему-нибудь» (*дым есть глаза*).

Семена К1 «попрекать, бранить (прост.)» является речевой (*С утра до вечера есть домашних*).

Лексема *пилють* включает две семемы: неречевую семему Д1 «резать пилой, а также снимать слой металла напильником» (*Я бы и поколоть дровишек не отказался. Пилють не люблю, а колоть сколько угодно могу.../Г.Семенов/*) и речевую семему К1 «беспрерывно попрекать, придиаться (разг.)» (*Жены охотников либо начинают вздыхать, либо пилють мужей (смотря по характеру), предчувствуя расставание с ними на все выходные, до конца сезона /Г.Троепольский/*).

Интересно отметить также, что из восьми многозначных глаголов русской подгруппы смысла речи присутствует в семеме Д1 только у глагола *придиаться* – «незаслуженно упрекать, делать выговор за мелкую или кажущуюся провинность (разг.)» (*Вечно она придиается к нему из-за пустяков*). Другие семь глаголов относятся к рассматриваемой подгруппе только по семени К1 и употребляются для выражения упреков и оскорблений в разговорной речи. По своему основному значению эти глаголы принадлежат к другим ЛСГ.

Завершая рассмотрение и сопоставление русских и английских глагольных лексем, выражающих упрек и оскорбление, отметим, что, несмотря на приблизительно одинаковые цифровые параметры (индексы полисемантичности и индексы принадлежности к исследуемой лексико-семантической группе), характеризующие данные подгруппы глаголов,

сравниваемые подгруппы, на наш взгляд, имеют больше различий, чем сходства.

Д.В. Овчинников

Тематическая группа «рельеф местности» в русском и немецком языках

В конце XX столетия проблема «Язык и культура» перемещается в центр исследовательского внимания и становится одним из приоритетных направлений в развитии науки о языке. Тезис известного российского лингвиста Г. О. Винокура о том, что «всякий языковед, изучающий язык <...> непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит выбранный им язык» (Винокур 1959, с.211), подтверждает тот факт, что язык является одним из неиссякаемых источников материала для исследования культуры. Об активном и конструктивном свойстве языка и его способности воздействовать на формирование народной культуры, психологии и творчества определённо говорили И. Гердер и В. фон Гумбольдт.

И. Гердер в «Трактате о происхождении языка» (1770) связывал четыре фундаментальных феномена человека: язык, культуру, общество и национальный дух. Язык по своему происхождению связан с культурой и совершенствуется вместе с обществом. Органическая связь языка с культурой и обществом делает его важнейшим компонентом национального духа. Изучение языка – наиболее плодотворный путь к разгадке тайны человека и характера народов (Хроленко 2000, с.21 - 22). Думается, что языковой материал может дать достаточно много для выявления особенностей мировоззрения каждого народа.

Бессспорно, первоочередного изучения требует лексика, называющая наиболее значимые для данной лингвокультурной общности реалии. Представляется, что наименование рельефа местности относится к одной из важных лексических групп в русском и немецком языках. Поэтому целью данного исследования стало выявление её национальной специфики.

Для достижения указанной цели из словарей путём сплошной выборки были выбраны лексические единицы, обозначающие элементы рельефа местности. Выборка составила 70 лексем в русском языке и 75 - в немецком. На основе общности семантики все выявленные лексические единицы обоих языков были распределены на три группы:

1. лексемы, объединённые семантическим компонентом «плоскость»;
2. лексемы, объединённые семантическим компонентом «возвышение»;
3. лексемы, объединённые семантическим компонентом «углубление».

Количественный анализ практического материала русского языка показал, что группа 1 включает 9 единиц: *дол, долина (речная), степь, луг, подножие, поле, приволье, равнина, раздолье*;

группа 2 – 38 единиц: *бархан, бугор, вершина, взгорок, взгорье, возвышенность, вулкан, выпуклость, высокогорье, гора, горка, горный, гряда, дюны, завал, кочка, круча, куча, мель, мыс, навал, нагорье, намыв, нанос, обвал, обрыв, осыпь, откос, плато, плоскогорье, подгорье, предгорье, пригорок, скала, склон, увал, утёс, холм*;

группа 3 – 25 единиц: *бездна, болото, впадина, выбоина, выемка, дно, долина (горная), лог, ложбина, низина, низменность, овраг, пещера, провал, промоина, пропасть, проточина, размыв, расщелина, русло, трясина, уступ, ухаб, ущелье, яма*.

В процентном соотношении это выглядит следующим образом:

1. возвышение – 54,2%
2. углубление – 34,3%
3. плоскость – 11,4%

В немецком языке группа «возвышение» насчитывает 38 единиц: *der Abhang, die Alluvion, die Anhöhe, die Anschwemmung, die Anspülung, die Auflagerung, die Aufschüttung, der Barchan, der Berg, das Bergland, das Gebirge, die Düne, der Erdhaufen, die Erhebung, die Erhöhung, der Felsen, der Furt, die Gebirgigkeit, die Gebirgsbildung, die Halde, der Hang, der Haufen, das Hochgebirge, das Hochland, die Höhe, der Hügel, die Klippe, die Menge, das Plateau, der Schelf, die Schichtung, die Sicheldüne, die Steile, der Steilhang, die Steilwand, die Verschüttung, das Vorgebirge, der Vulkan*;

группа «плоскость» – 5 единиц: *die Ebene, das Feld, das Flachland, das Tal, die Wiese*;

группа «углубление» - 30 единиц: *der Abgrund, die Aushöhlung, die Ausschwemmung, das Auswaschung, der, das Bruch, das Flußbett, der Graben, die Grube, der Grund, die Höhle, die Höhlung, der Hohlweg, die Kluft, der Krater, das Moor, der Morast, die Niederung, die Rinne, das Schlagloch, die Schlucht, die Senkung, die Sohle, der Sumpf, das Sumpfland, das Tiefland, die Tiefe, die Tiefebene, das Unterland, die Vertiefung, die Wiesengrund*.

В процентном соотношении это можно представить следующим образом:

1. «возвышение» - 53,3%
2. «углубление» - 40%
3. «плоскость» - 6,6%

Обращает на себя внимание пропорциональность в количественном соотношении исследуемых групп в сопоставляемых языках. Это проявляется в том, что наиболее полно в них представлена лексика, объединённая семантическим компонентом «возвышенность». Далее по степени убывания следует группа «углубление», и наименее полно представлена группа «плоскость».

Внутри каждой группы в обоих языках были выявлены лексические единицы, объединенные не только общим признаком «рельеф», но и по

другим интегральным семам, что позволило выделить соответствующие подгруппы.

Так, в рамках группы «углубление» выделяются следующие подгруппы:

- незначительное понижение уровня земной поверхности, «низменность» (*der Bruch, der Grund, das Moor, der Morast, die Neiderung, die Niederung, der Sumpf, das Sumpfland, die Tiefebene, das Tiefland, das Unterland, die Wiesengrun; болото, низина, низменность, трясина*);
- «небольшое углубление» (*die Aushöhlung, der Graben, die Grube, das Schlagloch, die Vertiefung; впадина, выбоина, выемка, ложбина, уступ, ухаб, яма*);
- углубление, образованное водой (*die Anschwemmung, die Ausschwemmung, das Auswaschung das Flußbett, der Furt, die Sohle; дно, промоина, проточина, размыв, русло, ущелье*);
- «очень большое углубление» (*der Abgrund, der Hohlweg, die Kluft, die Schlucht, die Senkung, die Tiefe; бездна, долина (горная), кратер, лог, овраг, провал, пропасть, расщелина*);
- «углубление горизонтального характера» (*neiцера, гром; die Höhle, die Höhlung*).

Группа, объединённая семантическим признаком «возвышение», подразделяется на 5 подгрупп:

наземные возвышенности небольшого размера (*die Auflagerung, die Aufschüttung, der Erdhaufen, die Erhebung, die Erhöhung, die Halde, der Haufen, die Höhe, der Hügel, die Menge, die Schichtung, die Verschüttung, das Vorgebirge; бугор, взгорок, взгорье, выпуклость, горка, завал, кочка, куча, навал, обвал, осыпь, подгорье, пригород, холм*);

- крутая возвышенность (*der Abhang, der Berg, der Felsen, der Hang, die Steile, der Steilhang, die Steilwand, der Vulkan; вершина, вулкан, гора, круча, обрыв, откос, скала, склон, утёс*);
- обширное высокое пространство (*die Anhöhe, das Bergland, das Gebirge, die Gebirgigkeit, die Gebirgsbildung, die Hochebene, das Hochgebirge, das Hochgebirge, das Hochland, der Hügel, das Plateau, der Tafelland; возвышенность, высокогорье, гряды, нагорье, плато, плоскогорье, увал*);
- возвышенности, расположенные в воде (*die Alluvion, die Anschwemmung, das Anspülung, die Furt, die Klippe, der Schelf; мель, мыс, намыв, нанос*);
- песчаные возвышенности (*der Barchan, die Düne, die Sicheldüne; дюна, бархан*).

Группа «плоскость» представлена единицами: *die Ebene, das Feld, das Flachland, das Tal, die Wiese; дол, долина (речная), луг, подножие, поле, приволье, равнина, раздолье*.

При сопоставлении лексических единиц анализируемых групп были

выявлены следующие типы межъязыковых соответствий (Стернин 2004, с.25):

- векторные: пр. *пещера – die Höhle, die Höhlung; болото – der Sumpf, das Sumpfland, das Bruch, der Morast, das Moor; расщелина – die Kluft, die Schlucht, впадина – die Vertiefung, die Senkung, низменность – die Niederung, das Tiefland, die Tiefebene, das Unterland; равнина – das Flachland, die Ebene; бархан – die Schichtekldüne, der Barchan;*
- линейные: пр. *яма- die Grube, дно – die Sohle, бездна – der Abgrund, промоина – die Ausschwemmung, пропасть - die Tiefe, кратер – der Krater, выемка – die Aushöhlung, выбоина – das Schlagloch, русло – das Flußbett, размыв – das Auswaschung, поле – das Feld, долина – das Tal, луг – die Wiese, дюны – die Düne;*
- лакуны: лексемы *уступ, ухаб, лог, провал, овраг, ложбина, приволье, дол, раздолье* не имеют соответствий в немецком языке.

Анализ представленного материала показывает, что в лексике, обозначающей рельеф местности, отразилась национальная специфика исследуемых языков. Так, в немецком языке более подробно, чем в русском, представлены наименования болот и видов обширного высокого пространства. Это свидетельствует о релевантности данных элементов рельефа для немецкого языкового сознания.

При сопоставлении номинаций видов возвышенностей в русском и немецком языке обнаруживается различие семантических классификаторов. Например, для русского языкового сознания *гора* – это то, что значительно возвышается над уровнем земли, а для немецкого *Berg* – то, что выделяется на фоне других возвышенностей. Национально-специфичными для русского языка являются лексемы *раздолье* и *приволье*, обозначающие простор, широкое свободное пространство. Выявленные различия определяются природными и социальными условиями жизни русского и немецкого народа.

Литература

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М.: Учпедгиз, 1959.
2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж: «Истоки», 2004.
3. Хроленко А.Т. Лигвокультурология: Пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура». – Курск, 2000.

В.В. Варганова

Социально-психологические причины активизации некоторых лексико-семантических групп в английском и русском языках (на примере тематической группы «наркотики»)

На рубеже XX – XXI веков одной из серьёзнейших социальных проблем является наркомания. Несмотря на отчаянные попытки правительства и

силовых структур различных стран, статистика неутешительна: всё больше людей, особенно молодого возраста сталкиваются с этой болезнью, медицина часто бессильна.

В настоящее время сложилась определённая социальная группа наркоманов и людей, обслуживающих их потребности – наркодилеров – со своим специфическим укладом, правилами поведения и, конечно же, корпоративным языком. Лексические и фразеологические единицы, связанные с тематикой наркоупотребления и наркоторговли, постоянно увеличиваются по количеству. Это видно уже на начальной стадии исследования: словарь Э. Парtridge (Partridge 1979) содержит **двадцать девять** единиц данной лексико-семантической группы. В словаре Г. Вентворта (Wentworth 1960) было обнаружено около **ста** подобных лексем. В то время как в словарях 1996-2000 годов их уже **несколько тысяч**.

Одной из социолингвистических особенностей можно назвать тот факт, что в середине века данные лексемы, в основном, входили в вокабуляр хиппи, людей, употребляющих наркотики, и полицейских. Сейчас они являются составной частью речи школьников, студентов, так называемой «золотой молодёжи», представителей шоу-бизнеса. В настоящее время можно констатировать даже некую «престижность» языка наркоманов в молодёжной среде, которая из-за своей мобильности чутко реагирует на всё новое, не обязательно позитивное. Лексика и фразеология данной тематики расширяет свои границы, входит в общий сленг, повышает свой стилистический статус и широко употребляется.

Актуальность проблематики и постоянный интерес к данной теме пользователей и продавцов наркотиков, поиск новых, более экспрессивных единиц или корпоративных номинаций, понятных только узкому кругу, способствует появлению **всё новых синонимов**. Подобный социолингвистический феномен, устойчиво функционирующий во всей разговорно-сленговой сфере, получил название закона синонимической атракции.

Быстрое распространение наркотиков весьма прискорбно и вызывает сожаление всех порядочных людей. Но факты – вещь упрямая и исследователи, в том числе лингвисты, не имеют права обойти эту проблему.

Тематическая группа «наркотики» практически не освещалась в научной лингвистической литературе. Только в начале XXI века лингвисты посчитали целесообразным включить данную проблематику в свои исследования. Так, в кандидатской диссертации Н.А. Копытиной (Копытина 2006), посвящённой социолектным особенностям французской молодёжной речи, тема «наркотики» рассматривается в рамках лексико-семантической группы «досуг». По нашему мнению, данная лексика по качественным и количественным характеристикам может составить отдельную тематическую группу и анализироваться соответственно. Кроме того, включение тематической группы «наркотики» в лексико-

семантическую группу «досуг» считаем ошибочным: социальное зло нельзя назвать досугом.

Интегральными признаками лексических и фразеологических единиц рассматриваемой тематической группы являются (1) предметно-логическое значение «наркотики, их употребление и распространение» (во многих словарях данная лексика помечена *narcotics* или *Addict use*); (2) второй интегральный признак единиц данной лексико-семантической группы – их стилистический статус: все они относятся к разговорно-сленговой сфере, поэтому часть единиц, которая носит терминологический характер, например, в области медицины, остаётся за рамками нашего анализа.

Тематическая группа «наркотики» имеет ряд характерных признаков, среди которых необходимо отметить следующие. Во-первых, в ней велика роль моносленгизмов. В книжно-литературной речи существует множество обозначений наркотических веществ и наркозависимых людей. Часто это медицинские или химические термины, патентованные названия медицинских препаратов или специальные термины силовых структур. В современной разговорной речи функционируют многочисленные лексические и фразеологические единицы, в предметно-логическое значение которых входит указание на качество, количество, место производства наркотического вещества, характеристика эйфорического состояния или состояния наркотической абstinенции, способ транспортировки и многие другие факторы.

Во-вторых, как мы уже упоминали, причиной синонимической атракции и развития синонимических рядов являются не только общее для всех групп разговорно-сленговой сферы стирание стилистической яркости и относительная бедность тематики, но и секретность, незаконность предмета разговора. Лексические и фразеологические единицы данной лексико-семантической группы по некоторым признакам можно отнести к арго преступного мира: употребление и распространение наркотиков вне закона, язык наркоманов тайный. Как только слово становится широко употребляемым, его заменяют новым, пока ещё не известным непосвящённым. Например, *goof(y)-butt* в значении *марихуана* вышло из употребления. Сейчас основное значение *goof(y)* – *тупой, скучный*, а также «доза наркотика» сохраняется у фразеологического оборота *goof ball*.

Рассматриваемую лексико-семантическую группу можно разделить на тематические подгруппы:

1) Номинация человека, употребляющего наркотики. В этих номинациях широко распространён полусуффикс *-head*, обозначающий «оглушённую голову» вследствие приёма наркотических веществ. Такие конструкции часто строятся по модели: [обозначение наркотика]+[полусуффикс *-head*]=[человек, употребляющий данный вид наркотика], например, *A/acid амфетамин ЛСД, A-head/acid-head - наркоман, употребляющий*

ЛСД, hash-head, pothead, weedhead – наркоман, курильщик марихуаны; *railhead* – человек, злоупотребляющий лекарствами (особенно транквилизаторами, снотворными). *Base head*, как свидетельствует написание – ещё не отдельное слово, а словосочетание, которое в будущем может превратиться в производное слово, в котором *-head* выступит как полусуффикс.

2) Номинация наркотических веществ (часто с указанием на их качество или количество), например, *Ragweed* - дрянная марихуана, *boo* – марихуана, *bomber* – сигарета с марихуаной, *angel dust* – антидепрессант, используемый, как наркотик.

3) Эйфорическое состояние или состояние наркотической abstиненции («ломка»): *blown-out* – состояние после приёма наркотиков, *booted, high, stoned* – в состоянии наркотического опьянения.

4) Обстоятельства, связанные с употреблением наркотиков и наркоторговля: *blast party* – вечеринка, где употребляют наркотики; *bindle* – упаковка наркотиков, Нейтральный глагол *to carry* в языке наркоманов и нарко-диллеров означает *переносить наркотики с целью продажи*.

Как и для других активно-функционирующих тематических групп разговорно-сленговой сферы, для тематической группы «наркотики» характерно наличие широких деривационных рядов и синонимической аттракции. Приведём примеры:

Лексическая единица *dope* (одно из значений – «дурь») употребляется на всём протяжении XX века и популярна до настоящего времени.

1. Существительное: *dope* (сленгизм) 1) допинг; 2) наркотик, наркосодержащее вещество; 3) наркоман; 4) болван, дурак; 5) данные, сведения, информация.

2. Конверсионный глагол: *to dope* (сленгизм) – принимать наркотики.

3. Глагол с послелогом: *to dope up* (сленгизм) – 1) принимать наркотики, колоться; 2) покупать, приобретать наркотики.

4. Суффиксация: *dopenik* (суффикс *-nik* заимствован из русского языка, «спутник» и идиша «nudnik»), *doper* (сленгизм, существительное) – наркоман, наркозависимый человек; *dopey* (сленгизм, прилагательное) 1) глупый, недалёкий, сонный, тихий, блаженный; 2) в состоянии наркотической эйфории, «под кайфом».

5. Словосложение: *dopehead, dopefiend* (сленгизм, существит.) – наркоман.

6. Фразеологические единицы: *dope habit* – наркозависимость, пристрастие к наркотикам, наркомания.

В русском языке лексическая единица «дурь» имеет гораздо менее разветвлённую деривационную структуру, а именно: Существительное «дурь» (1) любое наркотическое средство для курения (2) Гашиш + словосложение *дурмашин* – шприц для инъекций наркотика + устойчивое словосочетание с компонентом «дурь» - «дурь женатая» - гашиш,

смешанный с табаком. Необходимо отметить, что в русском данной лексема не столь популярна – вероятно, по причине стирания экспрессивной окраски. Гораздо чаще употребляются «план», «трава». Достаточно обширный деривационный ряд у существительного «торч» (1) процесс употребления наркотиков; (2) наркотик (под торчем – под воздействием наркотика; ловить/поймать торч – испытывать удовольствие); торчало – наркотик; торчать – (1) испытывать состояние наркотической эйфории, (2) употреблять наркотики; торчило/торчила/торчок – наркоман, наркоманка.

На официальном веб-сайте отдела Белого Дома, который отвечает за борьбу с наркотиками приведены «уличные названия марихуаны»: *airplane, assassin of youth, Astroturf, baby, bammy, bo, bo-bo, bone, boo boo bama, boom, broccoli, butter, canceled stick, catnip, Christmas tree, chunky, climb, cripple, dank, dew, ding, dinkie dow, earth, elephant, feeling, finger, gash, goblet of jam, goody-goody, hash, haircut, Indian boy, jive, joystick, Kate Bush, killer, loaf, log, machinery, mother, muggles, number, ozone, poke, prescription, Queen Ann's lace. Rope, slat and pepper, scissors, stick, strew, tea, tex-mex, thirteen, thumb* (Московцев 2004, с. 131). Наиболее интересными здесь можно назвать примеры редупликации: *bo-bo, boo boo bama, tex-mex*; словосочетания с антропонимами: *Kate Bush*; словосочетания с этнической и исторической коннотацией: *Indian boy* и *Queen Ann's lace*. Все примеры имеют метафорическую связь с буквальными, литературными значениями.

В конце XX века синонимический ряд со значением «принимать наркотики» пополняется такими новыми лексическими и фразеологическими единицами как *to do drugs, to dope, to dose, to drop, to fix, to get high* и многие другие.

Явление многозначности здесь не так развито. Вероятно, это связано с преобладанием моносленгизмов, которые «выражают специфические понятия, для литературной передачи которых лексикографы вынуждены прибегать к описательным приёмам» (Хомяков 1970, с.48). Например, *bum trip* – *приём наркотиков, после которого наркоман плохо себя чувствует* или *African black* – *африканский героин высокого качества*. То есть, понятия, которые лежат в основе лексической или фразеологической единицы уникальны, а потому редко приобретают дополнительные значения.

На словообразовательном уровне наибольшее распространение получили словосложение, аффиксация, конверсия, аббревиация и другие сокращения. Например, *heavies, heavydrugs* – *сильнодействующие наркотики, H* – *героин, MDMA* – *«экстази»* (*метилендиоксид-метамфитамин*).

Часто используются имёна собственные в качестве нарицательных: *Aunt Mary, Mary Jane, Mary Wanna, Mary Warner* – *обозначение марихуаны*.

В данной тематической группе широко представлены фразеологические обороты, например, *heavy hash* – *клеевая анаша, space*

cadet – человек в состоянии наркотического опьянения; *pot party* – вечеринка, где курят марихуану.

Подведём некоторые итоги. Тематическая группа «наркотики» заметно увеличилась в количественном отношении. От нескольких десятков в словарях середины XX века до нескольких тысяч в словарях конца XX – начала XXI веков. Единицы этой группы иногда меняют свой стилистический статус и переходят в другие стилистические слои. Рассматриваемая тематическая группа характеризуется преобладаниемmonoсленгизмов, а также широкими деривационными и синонимическими рядами. В русском языке также отмечается явление синонимической аттракции, что приводит к возникновению широких синонимических рядов. С точки зрения словообразования для русского языка наиболее характерна аффиксация. Другим распространенным способом образования новых единиц здесь является фразеология. Словосложение и различные способы сокращения в русском языке не столь характерны.

Литература

1. Partridge E. Slang To-day and Yesterday (with a short historical sketch; and vocabularies of English, American and Australian slang - London, 1979).
2. Wentworth H. Dictionary of American Slang – Japan: Maruzen Asian Edition, 1960.
3. Копытина Н.Н. Социолектные особенности французской молодёжной речи: Автореф. дис. ... канд. филологических наук: – Белгород, 2006.
4. Московцев Н.Г. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. – СПб.: Питер, 2004.
5. Хомяков В.А. Три лекции о сленге: пособие для студентов английского отделения по спецкурсу «Нелитературная лексика и фразеология в современном английском языке». – Вологда, 1970.

О. В. Смирнова

Специфика развития англоязычной и русской лексики, именующей профессии (на материале XIX – XXI вв.)

В настоящее время все большую актуальность приобретает изучение так называемой «социальной лексики», т.е. лексики, которая отражает состояние конкретных сфер общественной жизни и зависит от ее изменений.

Одной из таких групп лексики является группа существительных, именующих профессии. На примере именований профессии можно проследить как экономические и исторические факторы развития общества, так и лингвистические аспекты динамических изменений лексико-семантической группы (ЛСГ). Так, для экономиста и историка существительные с семантикой профессиональной деятельности могут показать развитие ремесел в определенные периоды развития общества; национальную специфику распространения профессий; динамику

экономического развития нации, влияние внешних и внутренних факторов на экономику страны. Лингвист может последить динамику развития ЛСГ именований профессий в диахроническом аспекте; пополнение ЛСГ за счет заимствований и словообразования; ассимиляцию заимствований, образование жаргонных наименований, сокращений, производных форм; переход нейтральной лексики именований профессий в высокий или сниженный стиль; метафорическое употребление лексики и пр.

В данной статье мы рассмотрим развитие ЛСГ именований профессий в английском и русском языках. В качестве материала был использован корпус примеров из англоязычной и русскоязычной художественной литературы.

Полученные путем выборки из произведений Ч. Диккенса, Ш. Бронте, Т. Гарди, В. Теккерея английские существительные удалось дифференцировать по 13 сферам деятельности: армия, торговля, обслуживание, образование, ремесло, судебная система, официальные должности, религия, искусство, медицина, наука, спорт, прочее. В результате статистического анализа лексических единиц в каждой из представленных групп можно выявить наиболее и наименее частотные единицы. Это позволяет сделать выводы о самых распространенных профессиях в Англии в XIX веке, а также о степени развития той или иной сферы деятельности. Приведем список профессий в порядке убывания:

1. Обслуживание (*servant*- служа, *house maid*- служанка, *house lad*- служа, *clerk*- клерк, *chief clerk* - главный клерк, *porter* – носильщик, *cook* – повар, *housekeeper* – работница по дому, *pastry-cook* - кулинар, *monitor* – наставник, *valet* – слуга, *usher* – церемониймейстер, *coachman* – кучер, *attendant* – слуга, *charwoman* – уборщица).
2. Судебная система (*attorney* – защитник, *lawyer* – адвокат, *law-writer* – переписчик судебных документов, *taise* – чиновник, несущий в официальных случаях жезл и другие знаки судебской власти, *javelin-men* – копейщик, составляющий свиту судьи, *petty bag* – представитель одного из отделений Канцелярского суда, ведавший искаами в пользу адвокатов или судебных чиновников, *receiver in the cause* – один из судебских чиновников, ведающий учетом судебных издержек, *collector of debts* – сборщик долгов, *collector of water-rates* – сборщик платы за воду, *mediator* – примиритель),
3. Ремесло (*instrument-maker* – изготовитель инструментов, *block-maker* – изготовитель строительных блоков, *ship-biscuit baker* – изготовитель галет, *iron-master* – фабрикант железных изделий, *plasterer* – штукатур, *grinder* - точильщик, *шлифовщик*, *undertaker* – гробовщик, *wood sawyer* - пильщик, лесоруб, *bird-catcher* – птицелов, *hunter* – охотник, *shoemaker* – обувщик, *dressmaker* – портниха, *milliner* – модистка).
4. Торговля, деньги (*broker* – брокер, *tradesman* – торговец, *manager* – менеджер, *bank director* – управляющий банком, *accountant* –

бухгалтер, *agent* – агент, *general agent* – главный агент, *dog's collar seller* – продавец ошейников для собак, *financier* – финансист, *keeper of a tobacco shop* – владелец табачного магазина, *linkman* – посредник, *banker* – банкир).

5. Армия (наименования военных должностей).
6. Образование (*teacher* – учитель, *master* – учитель, *наставник*, *professor* – профессор, *tutor* – куратор, *mistress* – учительница, *monitor* – наставник,).
7. Чиновничество и официальные должности (*member of parliament* – член парламента, *vice-president* – вице-президент, *lord-chancellor* – лорд-канцлер, *peer* – пэр, *prince-regent* – принц-регент, *privy-secretary* – личный секретарь, *privy purse* – чиновник, ведающий фондом личных расходов монарха).
8. Медицина (*nurse* – медсестра, *doctor* – доктор, *attendant-on-sick-beds* – санитар, *nursery maid* – санитарка, медсестра, *surgeon* – хирург, *parish surgeon* – приходской врач).
9. Искусство (*actor*, *actress* – актеры, *artist*, *painter* – художник, *miniature-painter* – художник по миниатюрам, *clarionet player* – кларнетист).
10. Религия, духовенство (*sexton* – пономарь, церковный сторож, *pew-opener* – открыватель особого помещения в церкви с несколькими сиденьями для привилегированной публики, *prebendary* – преображенский, штатный священник при церкви).
11. Наука (*inventor* – изобретатель, *engineer* – инженер, *philosopher* – философ).

Данный список показывает, что наиболее востребованными сферами деятельности в Англии в XIX веке были обслуживание, судебная система, ремесло, торговля.

Следует отметить, что внутри английской ЛСГ именований профессий XIX в. можно обнаружить синонимические пары и ряды: *mariner* – *sailor* (моряк), *lawyer* – *attorney* (адвокат), *artist* – *painter* (художник), *nurse* – *nursery-maid* – *attendant-on-sick-beds* (санитар/-ка), (*school)teacher* – (*school) master* – *mistress* (учитель/-ница) – *usher*.

С появлением новых реалий в жизни общества появились и новые профессии.

В XX в. изменяются подгруппы лексем, именующих различные профессии, и их частотность. В порядке убывания их можно представить следующим образом: обслуживание, торговля, официальные должности, ремесло, журналистика, образование и наука, юриспруденция, сельское хозяйство, армия.

Некоторые слова, именующие профессии, перешли в разговорный стиль или сленг и приобрели новое значение: *diver* - 1. водолаз, 2. искатель жемчуга, 3. вор-карманник; *usher* - 1. капельдинер, 2. церемониймейстер, 3. судебный пристав, 4. учитель, 5. (устар.) младший учитель, 6. билетер.

Возможны случаи омонимии, которая является результатом омонимии в

производящих основах: *miner* – 1. шахтер, горнорабочий, 2. военный минер от *mine* - 1.шахта, 2. мина.

Все наименования профессий можно распределить на три группы: устаревшая лексика, ядро группы, которое существовало с давних пор и существует по сей день, и новая лексика, появившаяся в XX в.

XIX в. (устаревш.)	Ядро ЛСГ	XX в.
Coachman, law-writer (переписчик судебных документов), mace (чиновник, несущий в официальных случаях жезл и другие знаки судебской власти), javelin-man (человек, бросающий копье в качестве вызова к бою или на охоте; копейщик, составляющий свиту судьи), chimney sweep, wood sawyer, iron master, pew-opener (открыватель отдельного помещения в церкви с несколькими удобными сидениями), valet (личный слуга мужчины), wagoner (сопровождающий товары при транспортировке), confectioner.	Doctor, teacher, worker, cleaner, gardener, postman, cook, builder	Arranger, administrator, advertiser, coordinator, editor, commentator, hypnotist, greeter, telegraphist, phone operator, geologist, psychiatrist, pharmacist, street architect, tourist guide, driver, programmer, receptionist

Отметим, что все англоязычные профессии зафиксированы словарем и в настоящее время неологизмами не являются. Отметим, что появление неологизмов в сфере именования профессий весьма затруднено, т.к. требует внедрения новой сферы деятельности в жизнь. Это возможно сейчас только при появлении новых технологий.

Анализируя появление новых профессий в начале XX в., следует обратить внимание на социальные реалии этого времени:

- развитие научно-технического прогресса. С изобретением автомобиля появилась профессия *driver* вместо *coachman*. Ряд профессий является «продуктом» технического прогресса: *photographer, plumber, commuter programmer, motorcyclist, biker, producer, pilot*,
- развитие зрелищности в спорте. В XX в. появились профессии *cheerleader, coach, windsurfer, (water) skier*;
- развитие СМИ: *newsmaker, reporter, photographer*.

Следует отметить, что появление новых профессий в XX в. связано с развитием, детализацией и специализацией той или иной сферы деятельности. Так, к обобщенному существительному *doctor* добавляются *dentist, gynecologist, ophthalmologist, psychotherapist* и многие другие; к существительному *operator* добавляются другие, уточняя род деятельности: *radio operator, phone operator, machine operator, business operator, combine operator, light operator (on TV)* .

Материал для выявления русской ЛСГ профессий XIX в. был получен путем выборки из художественных произведений Н.В.Гоголя, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.П.Чехова и других писателей. Анализ русской ЛСГ профессий показал, что в группе имеется ядро лексики,

которое в основном совпадает с англоязычным; это «вечные» профессии: *учитель, лекарь, портной, повар и др.* Устаревшая лексика XIX в. также в основном совпадает по значению с англоязычной: *кучер, трубочист, надзиратель и др.*

XIX в. (устаревшая лексика)	«вечные» профессии (ядро ЛСГ)	XX в.	XXI в. (неологизмы)
Ассесор, альтшауэр, казнафер, капельмейстер, полицмейстер, смотритель, камердинер, трубочист, надзиратель, талер, настоятель, кучер, ямщик, кухарка, тапер	Повар, почтальон, учитель, лекарь (врач), строитель, рабочий	Водитель, рекламист, референт, агент, тренер,	диджей, гритер промоутер рефери, менеджер, брокер, чирлидер, сьюпервайзер, маркетолог, риэлтер, куратор, агент по пиару

Можно проследить динамику развития рассматриваемой ЛСГ. Некоторые профессии XIX в. могут «сменить вывеску» в XX в., т.е. наименования профессий могут измениться при сохранении сути сферы деятельности: *полицмейстер – полицейский – милиционер, почтмейстер, письмоводитель – почтальон, танцмейстер - танцор*. В настоящее время наблюдается тенденция к смене наименований старых профессий: *шофер – водитель, актер – артист*: первые наименования менее частотны, чем вторые.

Отличительной особенностью русской ЛСГ является появление в XX в. большого числа неологизмов – профессий, незафиксированных словарем. Это заимствованная лексика, пришедшая в русский язык вместе с заимствованными реалиями западной жизни. Группа русских неологизмов неоднородна. Среди них можно выделить:

1. новые наименования старых профессий: *менеджер – управляющий, референт - секретарь, офис менеджер – секретарь, рефери – судья, спичрайтер – помощник, секретарь; бармен – буфетчик.*
2. неологизмы, обозначающие новые реалии, аналогии которых не было в прошлом: *диджей, гритер, ньюсмейкер, чирлидер;*
3. неологизмы, образованные путем поморфемного калькирования: *надзиратель – сьюпервайзер.* В данном случае необходимо говорить о разной деятельности представителей этих профессий.

Наличие неологизмов в области профессий в русском языке и отсутствие их в английском вполне закономерно. Некогда новые западные и американские технологии в производственных областях сегодня ушли для западных стран в прошлое. Появившиеся несколько лет назад наименования профессий образованы из морфемных средств родного языка и хорошо понятны носителям языка, они не вызывают затруднений ни в понимании, ни в произношении, ни в орфографии.

В русский язык многие наименования профессий пришли в последние годы вместе с новыми реалиями. Русские неологизмы в области профессий

сейчас находятся в стадии освоения. Процесс этот требует времени, т.к. заимствованная лексика 1. малопонятна носителям русского языка (*промоутер*, *спичрайтер*), 2. не всегда легко произносима, поскольку содержит «на стыке» сочетания звуков, чуждые русскому языку (*рИЭлтер*, *промОУтер*, *диДЖей*, *стиЧРайтер*), трудно произносимые комбинации и чередования смычных, альвеолярных или небных звуков (*сЪюнеРвайЗеP*, *стиЧРайTeP*, *НьюсМейкер*, *ПРоМоуTeP*, *ЧиРлиДеP*, *гРиTeP*), 3. содержит нетипичные окончания (*рефери*), что затрудняет грамматическое освоение слова, 4. имеет непривычную орфографию, вызывающую ошибки в документации, 5. представляет трудность в образовании производных слов.

Отметим, что наименования профессий являются весьма демонстративным материалом для сопоставительного анализа вокабуляра языков, а также для диахронического исследования, т.к. показывает динамику развития языка и общества.

Анализ лексики, именующей профессии, показал, что эта лексика образует временные пласти, которые правомернее было бы делить в соответствии с этапами экономического развития государства и научно-технического прогресса, а не по календарю. Так, наименования профессий начиная с XIX века, четко указывают на «дотехническую» эпоху, эпоху технического прогресса и эпоху высоких технологий.

ЛСГ наименований профессий представляет собой весьма своеобразный пласт лексики каждого языка, поскольку данная лексика появилась еще в древние времена и, будучи социально зависимой, отражает этапы развития народа. На ее примере можно проследить развитие языка и общества на протяжении тысячелетий. Никакая другая лексика не содержит маркеры социального развития за столь длительный период. В этом заключается уникальность группы слов, именующих профессии.

Раздел 4. Сопоставительные исследования концептосфер

А.С. Трущинская
**Национальная специфика концепта *сын*
в русской и английской концептосферах**

Установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур. Необходимо сопоставление этих концептов по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта. (Попова, Стернин 2006, с. 103). Мы провели такое исследование на примере концепта *сын* в русской и английской концептосферах.

Для выявления когнитивных признаков исследуемого концепта были проанализированы фразеологизмы, в которые входит лексема, номинирующая концепт, современные художественные тексты, паремии.

Всего было проанализировано 46 художественных текстов русских писателей, 6 художественных текстов английских писателей и 4 – американских писателей 1970–2005 гг. Общее количество проанализированных словоупотреблений на русском языке составляет около 1000000, на английском языке – около 1000000.

Всего выявлено 53 когнитивных признаков концепта *сын*. Наибольшее число признаков выявлено в художественной объективации – 36, наименьшее характерно для фразеологической объективации – 5. Паремиологическая объективация представлена 21 когнитивными признаками. Обнаружено 5 признаков, которые встречаются как в паремиологической, так и в художественной объективации: *о сыне нужно заботиться, сын должен заботиться о родителях, родители любят сына, хороший сын – предмет гордости, за благополучие сына переживают родители*; 1 общий когнитивный признак присутствует в художественной, фразеологической и паремиологической объективации: *сын – наследник*; 1 общий признак обнаружен в художественной и фразеологической объективации: *сын может уйти из дома*; 1 общий признак присутствует во фразеологической и паремиологической объективации: *мать балует сына*.

Содержание английского концепта составляют 36 когнитивных признаков. Наибольшее число признаков выявлено в художественной объективации – 30, наименьшее характерно для паремиологической объективации – 4. Фразеологическая объективация представлена 5 когнитивными признаками. Обнаружено 3 признака, которые встречаются как в художественной объективации, так и во фразеологической объективации: *сын может уйти из дома, сын может родиться вне брака, родители любят сына*.

Выявленные когнитивные признаки концепта распределяются по основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю.

Макроструктура концепта *сын*:

Образный компонент представлен 6 образными признаками (14,3 %). Образный компонент имеет следующую структуру.

Визуальный образ – 4 образных признака.

- Образ небесных светил, драгоценных металлов: *у всякого свой сын по локоть в золоте, по пояс в серебре, во лбу ясный месяц, на затылке часты звезды*.
- Сын внешне похож на отца: *Но оно живо - его объятие! Оно ходит по земле в образе его сына и孙ка, еще больше похожего на деда, чем сын!* (Д. Рубина).
- Сын небольшой ростом: *Сам Алик лежал на широкой тахте, такой маленький и такой молодой, как будто сын самого себя.* (Л. Улицкая).
- Сын красивый: *сын да дочь - красные детки*.

Когнитивный метафорический образ – 2 образных признака.

- Образ небесных светил: *сын да дочь – ясно солнце, светел месяц.*

- Сын имеет такие же способности, как и отец: *Данилов находился далеко, но он был вольный сын эфира и принимал любую звуковую и душевную волну. (В. Орлов)*

Информационное содержание представлено 2 когнитивными признаками (4,8 %).

- Сын моложе своих родителей: *в сыновья годится кому.*

- Сын – близкий человек, близкий родственник: – *Что!.. Как вы... смеете?! Петя?! Петр Авдеевич мой старый друг! Он... он большие, чем внук, брат и сын, вместе взятые, он!.. (Д. Рубина)*

Интерпретационное поле (80,9%) выглядит следующим образом.

Утилитарная зона – 15 когнитивных признаков (35,7%): *родители счастливы тогда, когда счастлив их сын; мать балует сына; родители любят сына; иметь сына – счастье; сын – главное в жизни, сын – смысл жизни; хороший сын – предмет гордости; на сына возлагают надежды; за благополучие сына переживаю родители; мать может заботиться о семейном положении сына; отец несет ответственность за поступки сына; отец интересуется всем, что происходит с сыном; сын может стать обузой; родители могут подчинить сына; сына защищают в момент опасности; от сына родители материально не зависят.*

Энциклопедическая зона – 13 когнитивных признаков (30,9%): *сын – наследник; сын может уйти из дома; репутация отца влияет на репутацию сына; сын должен заботиться о родителях; сын материально зависит от родителей; сын несет ответственность за отца; сын – типичный предмет разговора; сын – защитник; сын может чувствовать вину перед родителями; сын должен жить рядом с родителями; сын должен любить родителей; сын пользуется привилегиями отца; на сына может влиять окружающая обстановка.*

Регулятивная зона – 5 когнитивных признаков (11,9%): *о сыне нужно заботиться; за воспитание сына ответственны родители; не нужно приносить себя в жертву сыну; сыну нужно помочь сделать карьеру; родители должны осознавать свою ответственность перед сыном.*

Оценочная зона – 1 когнитивный признак (2,4%): *сын должен быть хорошим человеком.*

Паремиологическая зона представлена 58 когнитивными признаками.

Паремии могут быть представлены в виде поля.

Ядро – *сын должен заботиться о родителях 10; сын похож характером на родителей 7.*

Ближняя периферия – *сын может быть предметом гордости 6; родители должны наказывать сына; сын может не прислушиваться к мнению родителей 5; о сыне нужно заботиться; родители любят сына 4.*

Дальняя периферия – *сын добивается больше, чем его родители 2.*

Крайняя периферия – сын должен прислушиваться к советам родителей; считается, что сын будет счастлив, если похож на отца; отец может быть более нравственным человеком, чем сын; сын – наследник; родители благословляют сына; родительское благословение помогает сыну; человека нужно оценивать, принимая во внимание его собственные качества, а не авторитет отца; сын рад всему, что родители передают ему в наследство; за сына может быть стыдно; мать балует сына; родители переживают за благополучие детей; мать переживает за сына больше всех; родители переживают только за своего сына; дети могут не заботиться о родителях 1.

Категориальная структура концепта выглядит следующим образом:

1. Взаимоотношения – 42,8 %. Характеризуются отношения между сыном и родителями.
2. Взаимные обязанности – 19 %. В когнитивных признаках данного классификатора содержится указание на обязанности, которые должны выполнять сын и родители.
3. Внешность – 7,1 %. Характеризует внешность сына.
4. Зависимость – 7,1%. Фиксирует наличие зависимости сына от родителей и отсутствие зависимости родителей от сына.
5. Особенности характера – 4,8 %. Называются черты характера, свойственные сыну.
6. Сходство – 4,8 %. Фиксируется сходство сына с другими явлениями жизни в сознании носителей языка.
7. Предмет разговора – 2,4%. Указывает на то, разговор о сыне собеседника типичен для общения.
8. Возраст – 2,4 %. Указывает на возраст сына.
9. Наследуемые качества – 2,4 %. Фиксирует черты, которые сын наследует от родителей.
10. Положение в семье – 2,4 %. Указывает на семейный статус.
11. Преимущество – 2,4 %. Определяет, какое преимущество быть сыном.
12. Степень родства – 2,4 %. Характеризуется степень родства.

Таким образом, наиболее яркими являются когнитивные классификаторы *взаимоотношения; взаимные обязанности*.

Полевая модель концепта *сын* в русской концептосфере по результатам исследования имеет следующий вид:

Ядро – 5,1 %.

О сыне нужно заботиться 13; сын – наследник 6.

Ближняя периферия – 15,4 %.

Родители счастливы тогда, когда счастлив их сын; за воспитание сына ответственны родители; репутация отца влияет на репутацию сына; сын может уйти из дома 4; родители любят сына; мать балует сына 3.

Дальняя периферия – 23 %.

Сын – близкий человек, близкий родственник; сын должен заботиться о родителях; сын несет ответственность за отца; сын – типичный

предмет разговора; сын материально зависит от родителей; хороший сын – предмет гордости; иметь сына – счастье; сын – главное в жизни, сын – смысл жизни; родители должны осознавать свою ответственность перед сыном 2.

Крайняя периферия – 56,5 %.

сын небольшой ростом; сын внешне похож на отца; сын имеет такие же способности как и отец; сын моложе своих родителей; не нужно приносить себя в жертву сыну; сыну нужно помочь сделать карьеру; сын – защитник; сын может чувствовать вину перед родителями; сын должен жить рядом с родителями; сын должен любить родителей; сын пользуется привилегиями отца; сын должен быть хорошим человеком; на сына может влиять окружающая обстановка; на сына возлагают надежды; за благополучие сына переживают родители; мать может заботиться о семейном положении сына; отец несет ответственность за поступки сына; отец интересуется всем, что происходит с сыном; сын может стать обузой; родители могут подчинить сына; сына защищают в момент опасности; от сына родители материально не зависят 1.

Описание и моделирование концепта *сын* позволяют сделать следующие выводы.

Образный компонент составляет 14,3% содержания концепта. Все признаки образного компонента входят в крайнюю периферию концепта. Из этого следует, что образная составляющая заметна в структуре концепта, но не является определяющей в его структуре. Представленные в содержании концепта образы формируются не всеми пятью органами чувств. Представлены только визуальные образы. Яркость перцептивного образа (9,5%) заметно превышает яркость когнитивного образа (4,8%). Перцептивный образ является доминирующим.

Информационное содержание исследуемого концепта составляет 4,8% его содержания. Признаки входят в крайнюю периферию концепта.

Интерпретационное поле концепта составляет 80,9% содержания концепта. Оно доминирует в концепте. Наиболее заметными является утилитарная зона (35,7%) и энциклопедическая зона (30,9%). Менее заметны регулятивная зона (11,9%) и оценочная зона (2,4%).

В паремиологической зоне доминируют когнитивные признаки *сын должен заботиться о родителях* (18,9% всех паремиологических признаков), *сын похож характером на родителей* (13,2%).

Ядро концепта составляют 2 когнитивных признака. Признак *о сыне нужно заботиться* входит в регулятивную зону, признак *сын – наследник* входит в энциклопедическую зону.

Периферия концепта обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней и дальней периферии.

Макроструктура концепта *son*:

Образный компонент концепта *son* представлен одним образным признаком.

Звуковой образ – 1 когнитивный признак (3,1%).

- Сыновья могут быть шумными: “Um... I have twin boys,” she explained to Marbury. “They’re four.” And that should definitely have been all the explanation needed. (L. Howard)

Информационное содержание представлено одним когнитивным признаком (3,1%).

- Сын может родиться вне брака: *In less than two hours, many miles down the road from where Mildred and Augustus Townsend had lived, Counsel on his horse would come upon Elias and Louis, the bastard son of William Robbins and future husband to Caldonia Townsend (Edward P. Jones); A son of shame.*

Интерпретационное поле выглядит следующим образом (93,8).

Утилитарная зона – 12 когнитивных признаков (37,5%): забота о сыне требует много сил; родители могут подчинить сына; родители любят сына; родители счастливы тогда, когда счастлив их сын; сын может стать предметом гордости родителей; родители переживают за благополучие сына; сын – самое главное в жизни родителей; родители беспокоятся о семейном положении сына; сына отец может сурово наказывать; сыну родители не могут причинить вред; сыну желают хорошую жизнь; мать тонко чувствует сына.

Энциклопедическая зона – 12 когнитивных признаков (37,5%): сын – наследник; сын может уйти из дома; сын поддается влиянию окружающих; сын может не нести ответственности за свои поступки; сын должен подчиняться матери; сын должен быть благодарным; сын пользуется привилегиями отца; у сына мало жизненного опыта, сын ничего не понимает в жизни; сын нуждается в материально обеспечении; сын не должны знать все о жизни взрослых; сыну нужна мать; сын – типичный предмет разговора.

Регулятивная зона – 5 когнитивных признаков (15,7%): родители должны быть ответственны за воспитание сына; о сыне нужно заботиться; родители должны осознавать свою ответственность перед сыном; от сына нельзя отказываться, несмотря ни на что; перед сыном нужно вести себя достойно.

Оценочная зона – 1 когнитивный признак (3,1%): сын должен быть хорошим человеком.

Паремиологическая зона представлена 4 когнитивными признаками: сын может быть недостойным человеком; сын похож на своих родителей, наследует их черты характера и поведение 3; детям нельзя повторствовать, детей нужно сурово наказывать 2; сын может не наследовать привычки отца 1.

Категориальная структура концепта выглядит следующим образом:

1. Взаимоотношения – 40,6 %. Характеризуются отношения между сыном и родителями.

2. Взаимные обязанности – 25,1 %. В когнитивных признаках данного классификатора содержится указание на обязанности, которые должны выполнять сын и родители.

3. Особенности характера – 15,7%. Называются черты характера, свойственные сыну.

4. Зависимость – 3,1%. Фиксирует наличие зависимости сына от родителей.

5. Предмет разговора – 3,1%. Указывает на то, разговор о сыне собеседника типичен для общения.

6. Положение в семье – 3,1%. Указывает на семейный статус.

7. Необходимость – 3,1%. Указывает на то, что нужно сыну.

8. Преимущество – 3,1%. Характеризует, какое преимущество быть сыном.

9. Происхождение – 3,1%. Характеризует семью, в которой родился сын.

Таким образом, наиболее яркими являются когнитивные классификаторы *взаимоотношения; взаимные обязанности*.

Полевая модель концепта *son* в английской концептосфере по результатам исследования имеет следующий вид:

Ядро – 6,3 %.

Сын – наследник 10; родители должны быть ответственны за воспитание сына 7.

Ближняя периферия – 9,4 %.

О сыне нужно заботиться; забота о сыне требует много сил 4; сын может родиться вне брака 3.

Дальняя периферия – 31,3%.

Сыновья могут быть шумными; сын может уйти из дома; родители должны осознавать свою ответственность перед сыном; от сына нельзя отказываться, несмотря ни на что; родители счастливы тогда, когда счастлив их сын; сын может стать предметом гордости родителей; родители любят сына; родители могут подчинить сына; сын поддается влиянию окружающих; перед сыном нужно вести себя достойно 2.

Крайняя периферия – 53 %.

Мать тонко чувствует сына; сын может не нести ответственности за свои поступки; сын должен быть хорошим человеком; сын должен подчиняться матери; сын должен быть благодарным; сын пользуется привилегиями отца; родители переживают за благополучие сына; сын – самое главное в жизни родителей; родители беспокоятся о семейном положении сына; сына отец может сурово наказывать; сыну родители не могут причинить вред; сыну желают хорошую жизнь; у сына мало жизненного опыта, сын ничего не понимает в жизни; сын нуждается в материально обеспечении; сын не должны знать все о жизни взрослых; сыну нужна мать; сын – типичный предмет разговора 1.

Описание и моделирование концепта *son* позволяют сделать следующие выводы.

Образный компонент составляет 3,1% содержания концепта. Признак образного компонента входит в крайнюю периферию концепта. Можно сделать вывод, что образная составляющая незаметна в структуре концепта и не является определяющей в его структуре. Образный компонент представлен звуковым образом. Когнитивный образ отсутствует.

Информационное содержание исследуемого концепта составляет 3,1% его содержания. Признак входит в крайнюю периферию концепта.

Интерпретационное поле концепта очень объемно, составляет 93,8% содержания концепта. Оно доминирует в концепте. Наиболее заметными являются утилитарная зона (37,5%) и энциклопедическая зона (37,5%). Менее заметны регулятивная зона (15,7%) и оценочная зона (3,1%).

Паремиологическая зона практически незаметна, она представлена 4 когнитивными признаками.

Ядро концепта составляют 2 когнитивных признака. Признак *сын – наследник* входит в энциклопедическую зону, признак *родители должны быть ответственны за воспитание сына* входит в регулятивную зону.

Периферия концепта обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней и дальней периферии.

Сопоставление концептов дает следующие результаты:

Образный компонент концептов *сын* и *son* не является определяющим в структуре концептов, однако образная составляющая русского концепта в отличие от английского, заметна в его структуре. Как русские, так и английские признаки образного компонента входят в крайнюю периферию концепта. Представленные в содержании концепта образы формируются не всеми пятью органами чувств. Образный компонент русского концепта представлен визуальным образом, образный компонент английского концепта – звуковым образом. В составе образного компонента русского концепта доминирует перцептивный образ. В составе образного компонента английского концепта когнитивный образ не представлен.

Как русские, так и английские признаки информационного содержания входят в крайнюю периферию.

Интерпретационное поле концептов *сын* и *son* объемно. Наиболее заметными являются утилитарная зона и энциклопедическая зона. Менее заметны регулятивная зона и оценочная зона.

Паремиологическая зона русского концепта представлена 53 паремиям, паремиологическая зона английского концепта – 9.

Ядерные признаки концептов совпадают частично. Ядро русского концепта составляют признаки *о сыне нужно заботиться* (уровень яркости 33,3%), *сын – наследник*. Признак *сын – наследник* также является ядерным признаком английского концепта. Однако уровень яркости признаков различный. Уровень яркости русского признака – 15,3%, английского признака – 31,3%. Признак *родители должны быть ответственны за воспитание сына* (21,8%) также относится к ядру английского концепта.

Периферия концепта обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней и дальней периферии.

Содержание русского концепта образуют 53 когнитивных признака, а содержание английского концепта – 36 признаков. В целом из 89 признаков 19,1% когнитивных признаков совпадают, а 80,9% различаются.

Таким образом, концепты *сын* и *son* не полностью совпадают по своему содержанию. Концепт *сын* следует признать национально-специфическим.

Литература

1. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка.– Воронеж, 2006.

Сычева В.В.

Национальная специфика репрезентации концепта «далекий» в семантическом пространстве русского и английского языков

По признаку «далекий» по зрительному каналу воспринимаются, а затем концептуализируются объекты мира, находящиеся на определенном расстоянии от наблюдателя. Исследование концепта признака, перцептивного, в том числе (а именно к такому типу относится признак «далекий»), – проблема сложная, так как последний не существует в мире отдельно от субстанции. Тем не менее, об отдельности признака возможно говорить и потому изучать его, исходя их того, что в сознании человека имеется мыслительный образ того или иного признака объекта мира *a priori* (Wierzbicka 1996). «Каждая же операция приложения признака актуализирует, передает, сообщает квант его смыслового содержания. Изучение максимального количества случаев опредмечивания сопряжения признака с объектом может представить реальную на данный период развития языка картину содержательной, структурной, и в том числе, ценностной сторон концепта признака» (Лаенко 2005, с. 50-51). Перцептивный признак дан нам в наших ощущениях от восприятия его источника. Онтология связи целого (объекта-источника) и его части (признака) не может не быть отображеной в языке как знаковой системе. В разных языках такая связь выражается по-разному.

В русском и английском языках несамостоятельность признака, его жесткая принадлежность к объекту в случаях востребованности находит репрезентацию в особом типе номинаций – именных атрибутивных фразеосочетаниях. Под фразеосочетаниями (ФС) мы понимаем любой вид сочетания лексем – от «свободного» до идиомы (Копыленко, Попова, 1989).

Семантическая структура прилагательных, характеризующих большое расстояние исследуется нами посредством анализа их лексической сочетаемости. В результате выявляются предметные и непредметные зоны

приложения каждого типа перцептивного признака, маркируемые именами существительными, с которыми означенные атрибутивные лексемы сочетаются. Инспирируемое определенными компонентами семантической конфигурации именной лексемы варьирование сем в семантическом содержании отмеченных прилагательных позволяет проследить развитие семантики последних и сделать выводы по поводу их номинативного потенциала (Лаенко 2005, с. 51).

Для целей объективного выявления содержательных характеристик анализируемых русских и английских прилагательных использовались методы компонентного, семенного и концептуального анализов.

В данной статье предлагаются результаты рассмотрения семантических особенностей ЛЕ *далекий* и *far* сообразно тех типов объектов, которые попадают в фокус внимания носителей русского и английского языков при концептуализации большого расстояния.

Итак, синонимический ряд русских прилагательных с общим семантическим компонентом «находящийся или происходящий на большом расстоянии от какого-либо места» составляют следующие лексические единицы: *далекий*, *дальний*, *отдаленный*, *удаленный*. Представляется, что ядром синонимического ряда является прилагательное *далекий* как наиболее общая по дистанционной семантике лексема.

Далекий реализует семему Д1 «такой, который находится или происходит на большом расстоянии от какого-либо места» при характеристике

природных объектов (*земля, берег, граница, остров, лес*)

Впереди направо, в сизой дали, забелели далекие горы. Тройка въехала в подгорное село. (Л. Толстой)

расстояний (*путь, дорога, путешествие*)

И правительства не могут дозволить жить на луне, потому что на ней по причине далекого расстояния и недосыгаемости ее можно укрываться от повинностей очень легко. (Чехов)

географических реалий, населенных пунктов

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом!...

Что ищет он в стране далекой?

Что кинул он в краю родном?... (Лермонтов)

звуковых реалий (гром, шум, звуки чего-либо, голоса, выстрелы, взрыв, грохот, гул, стрельба)

Так речь его оторвалась

От бледных уст и пронеслась

Невнятно, как далекий гром (Лермонтов))

Завывание бури, леденящее дыхание расколыхавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя, в котором по временам чудится что-то похожее на вопли, на далекие пушечные выстрелы, на колокольный звон, раздирающий визг и скрежет прибрежных голышей, ... (Тургенев)

световых реалий

Были страшны и луна, и тюрьма, и гвозди на заборе, и далекий пламень в костопальном заводе (Чехов)

Семема Д2 «такой, который находится или происходит на большом расстоянии от какого-либо места» реализуется способом метонимического переноса (место, где находится человек/люди → человек/люди) при описании

людей (друг, подруга)

Поддерживали колониальный режим только некоторые индийские племена, да что лишь потому, что ненавидели восставших креолов больше, чем далеких испанцев (Л.Гумилев) (далекие испанцы живут в далекой Испании)

невидимых объектов/сущностей (Бога)

Его обрадовала мысль о том, как легче было поверить в существующую церковь, ... и от нее уже принять верования в Бога, в творение, в падения, в искупление, чем начинать с Бога, далекого, таинственного Бога, творения и т.д. (Л.Толстой)

Семема Д2 «отдаленный большим промежутком времени» реализуется при характеристике

будущих временных отрезков

... Не вы - так я, не я - так кто-нибудь третий. Погодите, когда в далеком будущем закончат свое существование тюрьмы и сумасшедшие дома, то не будет ни решеток на окнах, ни халатов. (Чехов)

прошедших событий

Соня к тому времени почти совсем исчезла из моей памяти, и на Вадьку Батона я смотрел равнодушно. Все это было далеким, перемученным действом. (Трифонов)

Любопытен тот факт, что семема Д2 «отдаленный **большим** промежутком времени» ориентирована как на события, которые произойдут в будущем, так и на те события, которые происходили в прошлом, в то время как семема Д2 «отдаленный **небольшим** промежутком времени» антонимичной лексемы *близкий* реализуется только при описании будущих событий (см. Лаенко, Сычева 2006)

Далекий также развивает ряд метафорических семем в ситуациях концептуализации непрототипических объектов по признаку «далекий». Так, *далекий* развивает семему К1 «чуждый, имеющий мало общего с чем-либо». В этом случае данная лексическая единица указывает на отсутствие душевной теплоты, чуткости, дружелюбия. Значение реализуется при сочетании с существительными, обозначающими

людей

*Знай, я **больше** не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым. (Н.Гумилев)*

отношения между людьми

В тот же вечер явился другой гость - Куно Иванович. Этот визит изумил вовсе. Секретарь Гандука никогда не приходил сюда, отношения были далекие. (Трифонов)

родственные отношения

Он спрашивает: «А почему вы, Павел Евграфович, так упорно занимаетесь субъектом Мигулина? Вы не родственник его? Какой-нибудь далекий? Со стороны жены, возможно?» (Трифонов)

эмоциональные проявления

- Книги им даются и духовного содержания, и журналы старые. У нас библиотека соответствующих книг. Только редко они читают..., - с далеким подобием улыбки сказал генерал. (Толстой)

*Семема К1 «не думающий чего-либо, не намеревающийся чего-либо сделать» реализуется при сочетании с существительными, обозначающими **людей***

Раньше она относилась к Маре терпимо, даже добродушно. Та оказалась жизнерадостной полудурой, далекой от фокусов и интриг, которыми занимался муж. (Трифонов)

ментальных категорий

Ее серое отечное лицо, чуть запрокинутое на Зинку, выражало не только недоумение, но и тяжелую работу мыслей, далеких и от этого бетонного крыльца, и от Зинки, и от ее вопроса. (Можаев)

концепций

Мусульмане, этнически чужды арабам, становились шиитами.... или исповедниками учений, внешне правоверных, а по сути оригинальных и далеких от первоначального мироощущения сподвижников Мухаммеда и первых халифов. (Л.Гумилев)

Отметим, в частности, что данная семема реализуется при атрибутивном использовании ЛЕ **далекий** и в свою очередь управляет предложным дополнением **от чего**, обозначающим второй объект ситуации метафорической концептуализации отмеченных сущностей.

Семема К1 «умный, сообразительный» (только в отрицательной форме, с отрицательной частицей **не**) реализуется при сочетании с существительными, обозначающими

людей

И так как перед этим Красина, милая и добрая женщина, но не слишком далекая, рассказала об одной крестьянке из горного села на юге Болгарии, которая обладает даром пророчества (Трифонов)

В английском языке существует ряд прилагательных с дистанционной семантикой, обозначающих нахождение предмета на большом расстоянии от какого-либо места: *far, faraway, distant, remote*. По нашим наблюдениям, наиболее общей по значению лексемой является прилагательное *far*, хотя по данным словарей (Longman, BBC English, Collins Cobuild) в современном английском языке *far* маркируется как устаревшее или литературное. Возможно, в ядре поля также входит ЛЕ

distant, имеющая то же значение, что и *far*, но семантический анализ данной ЛЕ и выявление концептуальных признаков мыслительного образа *distant* - задача будущих исследований. Тем не менее, отмечен ряд ситуаций англоязычного дискурса, в которых востребованность формы *far* налицо именно благодаря тому семантическому содержанию, которое она хранит. Сфера функционирования данной лексемы следующие.

Семема Д1 прилагательного *far* «находящийся или происходящий на большом расстоянии от какого-либо места» реализуется при сочетании с существительными, обозначающими

расстояния

A second before she slept she caught sight of a windsurfer falling in the far distance. (Sara Search)

географические реалии, населенные пункты

... the prodigal son, but you also have the second part of that which is almost a separate story of, the son who had not gone into the far country (Sara Search)

здания, строения

It appeared that these were mainly concerned with strengthening the outer landward defenses, in especial the far guardhouse building, the approach from the harbour area, and the excavation of an extra moat or ditch, work due to start any day now (Sara Search)

звуковые реалии

Muted thumps muttered of far explosions (Sara Search).

Обращает на себя внимание тот факт, что данная семема мало востребована в английском языке на сегодняшний день. Более активно функционирует в речи семема Д1 «more distant», «находящийся или происходитщий на более удаленном расстоянии от какого-либо места». Исходя из такого положения дел, представляется возможным трактовать семему Д1 «находящийся или происходитщий на большом расстоянии от какого-либо места» диахронически маркированной, семему же Д1 «more distant», «находящийся или происходитщий на более удаленном расстоянии от какого-либо места» - синхронически маркированной.

Семема Д1 «находящийся или происходитщий на более удаленном расстоянии от какого-либо места» актуализируется при характеристике:

предметов материального мира, при условии наличия еще одного подобного предмета где-то рядом (side, end, corner, bank, door, aisle, hedge, wall)

As I got closer to the raised platform at the far end of the church, it was as if the sound was pushing me forward (Sara Search).

Семема Д2 «расположенный на самом большом расстоянии от центра» реализуется при сочетании с существительными

south, west, north, east

The underground realm was connected by tunnels stretching from the far north to the south beyond the Old World itself (Sara Search).

Семема К1 «имеющий мало общего с чем-либо» реализуется в рамках устойчивого выражения **a far cry**, обозначающего напоминание о чем-

либо, отголосок, и, как правило, с негативным оттенком.

It's a far cry from the last time they were at Heathrow; that was in July when returned to Russia after a three-month holiday in Worcestershire (Sara Search)

Отметим такж семему К1 «имеющий радикальные политические взгляды», зафиксированную в словаре Longman Dictionary of English Language and Culture. При этом заметим, что наш материал не демонстрирует ее востребованности в англоязычном дискурсе.

Итак, семемный анализ лексем *далекий* и *far* показывает, что лексемы эквивалентны по семеме Д1«такой, который находится или происходит на большом расстоянии от какого-либо места». Это дает нам право предположить, что концептуальная информация, содержащаяся в ядре концепта «далекий» в национальном сознании русских и англичан, аналогична. Изучаемые нами прилагательные почти эквивалентны по семеме К1-1 «имеющий мало общего с чем-либо», однако в английской лингвокультуре данное значение реализуется в рамках устойчивого выражения *a far cry*.

Спецификой прилагательного *far* является наличие в его семантике национально-специфических семем Д1 «находящийся на более отдаленном расстоянии от какого-либо места» и К1 «имеющий радикальные политические взгляды».

Национально-специфическим для русского языка является наличие в семантике русского прилагательного *далекий* семем К1 «умный, сообразительный» (только в отрицательной форме, с частицей *не*) и Д2 «отдаленный большим промежутком времени».

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии – Воронеж, 1989.
2. Лаенко, Л.В. Перцептивный признак как объект номинации. – Воронеж, 2005.
3. Сычева В.В., Лаенко Л.В. Национальная специфика презентации концепта «близкий» в семантическом пространстве русского и английского языков. / Сопоставительные исследования 2006. – Воронеж, 2006. -, с. 94-99.
4. Wierzbicka, A. Semantics. Primes and universals. – OUP, 1996.

И.С. Глушкова

Музыкальные характеристики пространственных объектов в русском и немецком языках

На сегодняшний день в области сопоставительной лингвистики особый интерес представляют лингво-когнитивные исследования. Многие современные когнитивные исследования посвящены изучению языковой категоризации пространства, проявляющей социально и культурно

обусловленную специфику (Гилярова 2001, Степанов 1985, Топорова 1999).

Мы рассмотрим некоторые общие и специфические черты языковой представленности элементов пространственного кода на материале русских и немецких искусствоведческих текстов. В своем исследовании мы обратились к эпохе расцвета абстрактной живописи первой четверти XX века, представленной движениями «Die Bruecke» и «Der blaue Reiter» во главе с В. Кандинским, Р. Клее, Иттен, Ф. Марк и, конечно, к творчеству К. Малевича, известнейшего русского абстракциониста и творца «черного квадрата».

Искусствовед Г. Шубина, исследуя возможные аналогии между музыкой и живописью, исходит из того, что общим первичным элементом для них является пространство, компонентами общей структуры становятся ритм, мелодия, размер (Композиционная форма в искусстве, с. 11-15). Ю.С. Степанов справедливо утверждает, что ритм передает динамику или статику образа. (Степанов 1985, с.81). Очевидно, что пространственные категории являются общими для обоих видов искусств, выполняющими в них равноценную формообразующую функцию.

На материале русских и немецких искусствоведческих текстов мы выделили ряд языковых метафор, описывающих пространственные объекты **линия, точка и замкнутые формы** (основные элементы абстрактной живописи) в семантической группе «музыкальные характеристики пространственных объектов»:

Линия – die Linie (в эту группу входят также объекты, схематизированные по типу линии)

В метафорах в русской и немецкой группах мы выделяем общий семантический признак – **созвучие нескольких линий** в следующих образных сравнениях: **стройный ансамбль вертикалей и горизонталей** (признак – гармоничное звучание нескольких линий); **Streifen singen stark** (признак – пение полос), **das Diminuendo von Linien** (признак - темп звучания линий);

признак – **ритм, организующий звучание линий: концентрированно-лаконичный ритм линий, ритмическое движение линии и пятен, пульсирующие линии** (признак – ритм пульса), **ритм - таинственный режиссер, управляющий линией** (признак – ритм выполняет функцию управления), **der Balkenrhythmus** (признак - ритм балок), **die Linien bilden Rhytmen** (признак ритм нескольких линий), **der Rhuetmus der Schraegstreifen** (признак - ритм полос), **Linien als Stimmen** (признак – звучание голоса), **das Allegretto der kahlen Aeste** (признак – темп звучания линий).

Точка – der Punkt (в эту группу входят объекты, схематизированные по типу точки)

Общими семантическими признаками в русском и немецком материале являются:

- 1) **точка как звучащий объект** в следующих метафорических

выражениях - *внутреннее звучание точки* (признак – звучание внутри объекта), *звукание всех звуков точки* (признак – структурность звучания), *двузвучие точки* (признак – структурность звучание), *полноценный звук точки* (признак – гармоничное звучание), *освобожденный звук точки* (признак – неограниченное звучание), *точки повторяют в хоре: «слушай!»* (признак – пение в хоре); *Flecken singen stark* (признак – мощное звучание), *der Punkt klingt wie Schweigen* (признак – звучание тишины);

2) звукание, вызывающее различные эмоциональные реакции:

скопление точек поднимает бурю звуков (признак – волнение, вызванное лексемой «буря»), *die Sonne schmilzt ganz Moskau zu einem Fleck zusammen, der wie eine tolle Tuba das ganze Innere, die ganze Seele in Vibration versetzt* (признак – сильное эмоциональное воздействие объекта на душу человека, выражающее ностальгию Кандинского по Родине (Bongni 2000, с11).

Актуализация национально – окрашенного компонента также отмечается в выражении: *durch die Verteilung der Punkte das Musikalische von Russland ausdruecken.* (Haldemann 2001, с. 68) Через восприятие точек и линий В. Кандинский отражает что-то «свое», свойственное только России.

Мы выделяем также специфичные для каждой группы признаки, например, на материале русских текстов актуализируется признак одновременное звучание точки и плоскости в выражениях: *звукание точки и плоскости сталкиваются* (признак - дисгармоничное созвучие, вызванное сталкиванием), *звукания точки и плоскости перекрывают друг друга* (признак – смешанное звучание), *отражаются* (признак – эхообразное звучание, объясняемое физическими законами отражения);

признак – звукание музыкальных инструментов актуализируется в следующих образных сравнениях: *точка подобна коротким ударам литавр* (признак – звучание литавр), *точка подобна двум треугольникам в музыке* (признак – созвучие двух музыкальных инструментов – треугольников).

Форма – die Form (в эту группу входят все объекты, имеющие замкнутую конфигурацию)

Общими семантическими признаками для метафоричных выражений в русской и немецкой группах является признак звукание пространственного объекта: форма притупляет свое звучание (признак – способность объекта управлять звучанием), *форма усиливает свое звучание* (признак – способность объекта усиливать звучание), *звукание формы, формы взаимодействуют подобно многозвучным аккордовым пластам* (в основе сравнения форм с аккордами лежит признак – созвучие нескольких объектов), *формы вносят уплотненную и абстрактно-звукящую ноту* (признак – звучание определенного тембра), *двойное звучание в одной форме* (признак – совмещение нескольких звуков), *рождение двойного звука в одной форме* (признак – генезис звучания);

die Bogenform klingt im Umfeld echoartig ab (признак – эхоподобное звучание), *Klingen einer Form* (признак – звучание), *die Form ist eine Bezeichnung eines Lautes* (признак – обладание конкретным звучанием), *der Form-Klang* (признак – звучание представляет собой сущность формы), *der Kreis ist leise* (признак – тихое звучание), *der Kreis ist laut* (признак – громкое звучание), *Formen sind mehrstimmig behandeln* (признак – многоголосное звучание объекта);

признак – воздействие звучащих объектов на реципиента: *der Kreis wirkt bescheiden bei einstimmigen Melodien, aber behauptend bei voller Akkordik* (отмечается оппозиция признаков – скромно – решительно (Bongni 2000, с77); *Form wirkt wie schwereloser Klang im Raum* (признак – ощущение гармонии звучания объекта); *der Dissonanz der Formen* (признак - дисгармоничное звучание).

На материале русских текстов мы выделяем такие семантические признаки формы, как звукание, организованное ритмом, в следующих метафорических выражениях:

ритмическая организация форм (признак – звучание, организованное ритмом), *пробуждаемые музыкой ритм форм* (признак – возникновение ритма), *фуга пятен* (признак – быстрый темп мелодии), *ритм плоскостей, ритм окружностей пульсирует* (признак – быстрый темп звучания, основанный на пульсации);

признак – звукание музыкальных инструментов актуализируется в выражении: *квадрат становится камертоном*.

В рассмотренных примерах пространственные объекты описываются в терминах музыкальной сферы. Основу метафор составляет слуховое восприятие отдельно взятого звука или звучания, понимаемого нами как совокупность звуков. Линия, точка, формы могут представлять собой звучащие объекты и вызывать разнообразные эмоции: негативные - *холодное звучание линии, eine Vertikale erzeugt einen fast dramatischen Klang* или позитивные - *эластичное полнозвучие кривой*. Наряду с наличием богатых оттенков звучания, мы выделяем необходимые факторы звучания, а именно, ритм и темп (*das Allegretto, das Diminuendo*), тембр при сравнении звучания пространственных элементов сравнивается со звучанием музыкальных инструментов (*камертон, музикальный треугольник, литавры*).

Примечательно, что авторы искусствоведческих текстов выделяют при характеристике пространственных образов национально – окрашенный компонент (*durch Linienfuehrung das Musikalische von Russland ausdruecken* (Haldemann 2001, с.68).

Литература

- Гилярова К.А. Базовые категории формы физических объектов в языках мира // Труды международного семинара – Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и её приложениям. – Аксаково, 2001.-Т.1. – С.52-61

2. Композиционная форма в искусстве – <http://members.tripod.com/~shubina/gallery>.
3. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства).- М.:Наука», 1985.
4. Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. - Воронеж, 1999.
5. Bongni, M. Wasiliy Kandinskys Synthese der Kuenste. Eine Analyse von Bildern einer Ausstellung – Zuerich, 2000.
6. Haldemann, M. Kandinskys Abstraktion. Die Entstehung und Transformation seines Bildkonzepts – Muenchen: Fink, 2001.

Р.Д. Сетаров

Национальная специфика славянской фитонимической номинации (в сопоставлении с германскими, романскими и тюркскими языками)

В языкоznании, начиная с В. Гумбольдта, существует идея общего, типичного в языках, положение о том, что наряду с исключительным своеобразием различных языков существуют какие-то общие типологические линии их развития, общие особенности в их структуре. Однако сходство в языках может быть результатом разных причин: общности происхождения этих языков, заимствования или калькирования, случайного совпадения и, наконец, результатом независимого развития по сходным законам, то есть результатом самостоятельной реализации в разных языках одинаковых языковых тенденций.

Оценка человеком животных и растений проявляется не только в их номинации, но и в переносном употреблении этих названий. Интересно в этом отношении явление фитоморфизма, т.е. использование названий растений для обозначения других объектов и среди них - характеристик человека. Возможность такого переноса объясняется, с одной стороны, сложившимися представлениями у человека о растении или животном, а с другой стороны – особенностью мышления древнего человека, склонного к антропоморфизму. Фитоморфизм тесно связан с другим, противоположным явлением, антропоморфизмом — перенесением присущих человеку психических свойств на явления природы или животных.

Образы, т.е. представления, которые вызывают растения и животные у разных народов, могут совпадать. Например, черепаха символизирует медлительность, заяц — быстроту, торопливость, трусость, роза — красоту и колючесть (наличие шипов), лиса ассоциируется с хитростью, лестью, обманом, волк — с жадностью, злобой; береза, сосна — со стройностью. Однако между системой ассоциаций, которая связана у народа с представлением о данном растении, и фитоморфизмом, метафорическим употреблением названия растения, нет полного тождества.

Например, интересные семантические ассоциации у разных народов вызывает фитоним *ягода*. В русском языке *ягодка* (обычно в обращении) — ласковое название женщины. В польском языке *jagoda* “ягода” в поэзии означает щеку. А в сербском и хорватском *bóba* “ягода” имеет три переносных значения: 1. прыщ, 2. ракья икра (*bóbe* – мн. число), 3. гребень индюка.

В русском языке *яблочко* (уменьш.) — центральная часть мишени в виде небольшого черного круга, *яблочко* — название популярного среди революционных солдат и матросов песни и танца на мотив этой песни. В сербском и хорватском *jábuca* имеет следующие значения: 1. яблоко, 2. яблоня, 3. набалдашник (на палке и т.п.), 4. передняя лука (на седле), 5. держава (символ власти монарха), а также новые значения: 1. свадебный подарок жениха, 2. обручение. *Jábučica* (яблочко) — 1. адамово яблоко, кадык, 2. шишечка, набалдашник, а также новое значение: скула (чаще мн. ч.).

Сходны переносные значения слова *яблоко* в польском языке: 1. *jabłko adamowe* — адамово яблоко, 2. *jabłko niezgody* — яблоко раздора, 3. *jabłka* — пятна на шерсти лошади, и тут обнаруживаются несколько новых значений слова: *jabłko* — 1) держава (эмблема власти монарха), 2) коленная чашечка.

Переносные значения слова *яблоко* в таджикском языке совершенно не совпадают с переносными значениями в приведенных выше языках: таджикское *себ* — яблоко, *себак* — яблочко, кусок теста, раскатанный на одну лепешку, *себча* — яблочко, сорт халвы в виде шариков. В итальянском языке *méla* “яблоко” имеет несколько переносных значений: 1) головка, шляпка, 2) шеки, 3) грудь (женская), 4) ягодицы.

Интересно переносное значение фитонимов *семя* и *зерно*: в русском – зародыш, начало, источник чего-либо. То же в украинском *зерно* — семя (источник чего-либо); казахское *дэн* — “зерно, начало, зародыш”; чешское *semeno* — “семя”, турецкое *tohum* — “семя”, немецкое *der Same* — “семя”, литовское *sèkla* — “зерно, семя”, *paseti sèkla* (букв. “посеять зерно”) — “заронить зерно”, немецкое *das Korn* — “зерно”.

В таджикском языке появляется новое значение: *тухм* — “семя, зерно, яйцо”, а в сербском *зрно* — “зерно, пуля, снаряд”; в кумыкском *урлукъ* — “семя, род, племя, родственники, сородичи”.

В итальянском языке одно из переносных значений слова *séme* “семя” — масть (в картах).

Фитоним *груша* в русском языке имеет переносные значения “боксерская груша”, “резиновая груша пульверизатора”. А в немецком *die Birne* “груша” имеет переносное значение “электрическая лампочка”.

Ботанический термин *стебель* — надземная часть травянистого растения, несущая на себе листья, цветки и плоды. В переносном значении *стебель* — “название различных частей предметов или устройств, имеющих вид стержня, трубки” — *стебель нера*, *стебель затвора винтовки*, *рукоятка ложки*.

В таджикском *сока* — стебель растений, в переносном значении — “ножка” (табуретки), “пята (архитект.) арки или свода”, *тана* — “ствол” (дерева), стебель”.

В якутском *умнас* — “стебель, ствол”, в переносном значении — “черенок, длинная ручка, рукоятка, чубук (трубки)”.

Подземная часть растения — *корень*, употребляется в русском языке в переносном значении как “начало, источник, основа чего-либо” (корень зла, корень ошибок, корень слова), “основание, место соединения органа с телом” (корень языка.). *В корне* — “совсем, совершенно”, *на корню* — “в самом начале, не дав развиться”.

В русском, польском, немецком, казахском, литовском, таджикском, турецком, украинском, сербском, хорватском, чешском находим по 12 значений этого термина. Например, в англ. root of all evil “корень зла” (где root — “корень”); в нем. die Wurzel des Übels “корень зла” (die Wurzel — “корень”); в казахском *кемшіліктін түп тамыры* “корень зла” (где *тамыр* — “корень”); в турецком *kötülügün kökü* “корень зла”, ikinci kuvvetten kök “квадратный корень” (матем.) (где kök — “корень”); в укр. *корінець* “корешок растения, тетради, книги”; сербское *кёрон речи* “корень слова” (где *кёрон* — “корень”); кумыкское *сёзнюю тамурунда* “в корне слова” (где *тамур* — “корень”); чешское *kořen rovnice* “корень уравнения”, *kořen slova* “корень слова” (где *kořen* — “корень”); киргизское *квадраттык тамыр* “квадратный корень”(где *тамыр* — “корень”). В кумыкском языке проявляется новое значение слова *корень*, отсутствующее в других сравниваемых языках: *тамур* (“корень”) имеет значение “сосуд” (медиц.).

Русское *крапивник* (от *крапива*) — поле, заросшее крапивой; польское *pokrzywnik* (от *pokrzywa* — “крапива”) — “найденный в крапиве, внебрачный ребенок”, аналогичное значение в чешском языке *koprívnik* (от *kopriva* — “крапива”).

Почка цветка, нераспустившийся цветок или *бутон* — в русском языке, *der Bouton* в немецком языке имеют переносное значение “бриллиантовая серьга, серьга в форме бутона”; устаревшее название бутона в немецком языке *der Pickel* имеет переносное значение “прыщик”.

Фитоним *малина* употребляется в русском языке в значении чего-то сказочного, очень приятного. С таким же значением поговорка *не жизнь, а малина*. У этого термина в русском языке есть другое переносное значение, употребляемое в воровской среде: *малина* — воровская квартира, воровской притон.

Не удалось обнаружить в других языках переносное значение фитонима, обозначающего степное и пустынное травянистое или полукустарниковое растение, после созревания отрывающееся от корня и перекатываемое ветром - *перекати-поле*. Этот фитоним в русском языке имеет переносное значение “человек, склонный к частой смене местожительства, работы, обычно одинокий”.

Травянистое растение рода земляники и сладкие, душистые его ягоды называются *клубника*. Только в русском языке встретилось переносное

значение *клубничка* — отдельная ягода клубники, а также “что-то нескромное, скабрезное”.

Огородное растение *огурец*, в русском языке уменьш. *огурчик* — о ком-либо здоровом, крепком, свежем на вид.

Только в немецком языке встретилось переносное значение огородного растения *салат* das Salat “мешанина, каша” (Filmsalat — “запутанная пленка”, Wellensalat — “две радиостанции на одной волне”). Da haben wir den Salat! “Вот тебе на! Вот тебе раз!” (букв. “у нас тут салат!”). Mach nur keinen Salat! “Не поднимай шум!” (букв. “не делай салат!”).

В русском языке *цвет* (то же, что цветок) — “лучшая часть чего-либо: цвет интеллигенции, цвет молодежи, цвет дворянства”. Такое же переносное значение фитонима *цветок* находим в таджикском (гул). Другое переносное значение фитонима *цветок* в таджикском языке — “оспа, сыпь”, оно отсутствует в русском и других языках. В немецком языке *цветок* die Blume имеет также необычные переносные значения: 1. пена (на пиве), 2. хвост (охотнич.).

Фитоним *банан* в русском языке имеет во множественном числе переносное значение “брюки свободного покроя, присобранные у пояса и суженные книзу, напоминающие по форме плод банана”. Другое переносное значение этого фитонима в русском языке — неудовлетворительная оценка в школе (разг.).

Южное вечнозеленое плодовое цитрусовое дерево и его плод под названием *лимон* имеет в русском языке переносное значение “миллион рублей” (сленг).

Только в русском языке встретилось название ядовитого гриба *мухомор* в значении “дряхлый старик”. Схожее переносное значение имеет фитоним *сморчок* (гриб с короткой ножкой и шляпкой, поверхность которой покрыта извилистыми складками, морщинами) — “маленький, невзрачный или старый, морщинистый человек”.

В переносном смысле отдельно и во фразеологизмах встречается название плода фигового дерева инжира — *фига*. Фига — то же, что кукиш. Такие же значения в украинском (*фига*), немецком (die Feige), литовском и других языках. Но в польском figa “фига” имеет два переносных значения: 1. кукиш, 2. короткие дамские трусы (figi — мн.число).

Образ *дуба* в немецком языке — это символ силы и могущества — послужил основой для ряда сравнений: er stand fest wie eine Eiche (букв. “он стоял прочно, как дуб”); er war stark wie eine Eiche (букв. “он был сильный, как дуб”, где Eiche — “дуб”). О крепком, здоровом человеке в польском языке мы находим сравнение chłop jak dąb (букв. “парень, как дуб”). В русском языке выражение для характеристики тупого, бестолкового человека — *дубовая голова*. В турецком meşe odunu — “дубовая голова, башка” (букв. “дуб тупой”); чешское jako když mluvíš do dubu — “говорить со стенкой, как об стенку горох” (букв. “говорить как с дубом”). *Дать* (давать) *дуба* в русском языке имеет значение “умирать”; в

украинском *дуба дати* имеет то же значение “окочуриться, протянуть ноги”; dać dęba (в польск.) имеет значение “удрать, дать тягу” (букв. “дать дуба”).

Только в русском языке встретилось выражение *ободрать* (*обобрать, обчистить, облупить*), как липку в значении “все дочиста у кого-либо отнимать, отбирать, т.е. грабить”. Кору у липы обдирали, и она шла на изготовление лаптей, корзин.

Русское выражение *словно белены объелся* “обезумел, одурел, пришел в состояние раздражения, негодования, буйства” объясняется одурманивающими свойствами ядовитого травянистого растения *белена*.

Только в русском языке встретилось выражение *как горькая редька, хуже (пуще) горькой редьки* “надоесть в высшей степени, осточертеть”. *Горькая редька* – говорят о невыносимом, надоедливом человеке.

Фитоним *спаржа* не имеет переносных значений в русском языке, в Германии — это один из любимых овощей (в пищу употребляются длинные белые побеги), в немецком языке есть фразеологизм *den Spargel quer essen können* (букв. “суметь съесть спаржу поперек, в длину”) со значениями: 1. иметь очень большой рот, 2. быть хвастуном.

Название распространенного огородного растения *петрушка* (нем. die Petersilie) встречается во фразеологизмах немецкого языка: *einem die Petersilie verhageln* (разг. “насолить кому-либо, испортить удовольствие, отравить радость кому-либо”, букв. “побить кому-либо градом петрушку”). *Petersilie pflücken* “оставаться без партнера на танцах” (букв. “рвать петрушку”). *Petersilie auf allen Suppen sein* разг. “повсюду успевать, быть повсюду первым” (букв. “быть петрушкой во всех супах”).

В чешском языке крепкого, здорового человека сравнивают со свеклой *zdravý jako řípa* (где *řípa* — “свекла”, букв. “здоровый, как свекла”); в польском *baba jak rzepa* (букв. “баба, как репа”, где *rzepa* — “репа”) в значении “ядреная баба”.

Для обозначения сумятицы, неразберихи, беспорядка немцы используют названия двух огородных растений: *durcheinander, wie Kraut und Rüben* “вперемежку, как *трава* и *репа*”.

Сходны в различных языках переносные значения и устойчивые выражения с фитонимом *роза*, обозначающим декоративный кустарник с крупными ароматными цветами разнообразной окраски и стеблями, покрытыми шипами. “Его путь усыпан розами”, — скажут о человеке, успешно достигшем определенного положения в обществе или в какой-то сфере жизни. И, наоборот, о человеке, с трудом пробивающемся, преодолевшем на своем пути множество препятствий, скажут: “его путь не был усеян розами”. В нем. *j-d ist nicht auf Rosen gebettet*, букв. “кто-то почивает не на розах”; польск. *droga usłana rożami* “путь, усеянный розами”; чешск. *nemá na růžích ustlano* “живется ему несладко, его путь не усыпан розами”. У прекрасного цветка на стебле имеются шипы, о которых в переносном смысле говорится в пословицах многих народов. Например, нем. *keine Rosen ohne Dornen* “нет розы без шипов”; то же в

чешск. *není růže bez trnů* “нет розы без шипов”; в польск. *nie ma róży bez kolców* “нет розы без шипов”; турец. *gül dikensiz olmaz* “цветок (роза) шипы имеет”, *her şeyi gülistan görmek* “видеть все в розовом свете”. Своеобразны выражения с фитонимом *роза* в таджикском: *асали бе занбур*, *гули бе хор намешавад* “не бывает меда без пчел и розы без шипов”, т.е. нельзя ничего хорошего достичь, не преодолев трудностей (где *гул* – “роза”), *аз сад гулаш як гулаш хам нашукуфтааст* “он еще молод, у него все еще впереди” (букв. “из ста его роз ни одна еще не распустилась”), *гул гулуро мешукуфонад* “цветок, глядя на другой цветок, тоже распускается”, *гул хор дораду асал – ору* “розу стерегут шипы, а мед пчелы”, *хар гуле бӯе дорад, хар гулоро як бӯе* “у каждого цветка свой аромат”, *гул буридан* “совершить необыкновенный, из ряда вон выходящий поступок, выкинуть штуку, номер” (букв. “вырезать цветы”).

Ботанический термин *цветок* – часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающий пестик с тычинками. Можно встретить во многих языках как одиночное употребление этой лексемы, так и во фразеологических оборотах. В русском языке *тепличный цветок* (*тепличное растение*) — человек, оберегаемый от столкновений с жизнью, действительностью, хрупкий и изнеженный. *Срывать цветы удовольствия* означает “эгоистически, беспечно пользоваться удовольствиями жизни, не думая о своем семейном или общественном долге”, выражение взято из комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”, слова Хлестакова: “Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия”.

Немецкое *in voller Blüte* – “в полном цвету”, *in der Blüte der Jahre (der Jugend)* – “во цвете лет (молодости)”; польское *w kwiecie wieku (sił)* – в цвете (расцвете) лет (сил), другое польское выражение *ładny kwiatek* (букв. “хороший, красивый цветочек”) имеет два значения: 1. “вот так штука!”, “хорош сюрприз！”, 2. “ну и фрукт！”, “хорош гусь！”. Чешское *v květu let, sil* – “во цвете лет, сил”, *divka jako květ* – “девушка как маков цвет” (букв. “девушка как цветок”). Сербское *to je још цвѣће* – “это еще цветочки”, *у цвѣту младости* – “во цвете лет”. Не встретилось в других языках немецкое выражение *durch die Blume sprechen* — “говорить намеками” (букв. “через цветок говорить”).

Приведенные наблюдения позволяют сделать следующие общие выводы.

В разных странах могут быть известны одни и те же растения, породы деревьев, сельскохозяйственные культуры, однако переносные значения в лексемах, называющих эти явления в разных языках, могут быть весьма различными.

Национальное своеобразие развивающихся в разных языках переносных значений - отражение того, что связь между языком и мышлением не является прямолинейной и однозначной, что мышление, образуя с языком единство, имеет свои внутренние, относительно самостоятельные законы развития и своеобразно влияет на процессы концептуализации одних и тех же явлений разными народами.

Национальная концептосфера народа формируется лишь частично под влиянием отражения объективной действительность – направления концептуализации одних и тех же натурфактов, как показывает исследование, оказываются в значительной степени различными.

Дополнительным аргументом в пользу относительной самостоятельности развития национальной концептосферы и ее слабой зависимости от национального языка является тот факт, что родство языков не оказывает решающего влияния на направления концептуализации – в родственных языках отраженная в значениях концептуализация растений может различаться ничуть не меньше, чем в неродственных.

Раздел 5. Сопоставительные исследования дискурса

О.В. Лутовинова

Виртуальный и реальный дискурс

Принимая во внимание бурное развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI века и их широкое использование для различных видов человеческой деятельности, в том числе и коммуникации, в дискурсивном подходе к изучению языка, оформившемся к данному моменту в самостоятельную лингвистическую дисциплину, стало возможным говорить о выделении еще одного направления исследования – виртуального дискурса. Новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей друг с другом, при этом новая коммуникативная среда накладывает большой отпечаток на все стороны общения и формирует новый его тип. Рассматривая дискурс как центральную единицу речевой деятельности, основными характеристиками которой выступают обусловленность экстралингвистическими формами, событийный аспект, целенаправленное социальное действие (Арутюнова 1990), то есть как текст, погруженный в ситуацию реального общения, мы можем говорить о том, что текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, представляет собой виртуальный дискурс.

Говоря о виртуальном дискурсе, необходимо отметить, что при его определении нужно принимать во внимание не просто текст в ситуации общения, отличающегося от непосредственного контакта специфическим электронным каналом связи, но и учитывать характеристики, заложенные в понятие виртуальной реальности.

Понятие виртуальной реальности на данном этапе развития науки используется для исследования и описания целого ряда явлений различных типов: физических, технических, психологических, эзотерических, эстетических и т.п. (Ковалевская 1998; Розин 2000; Орехов 2002; Иванов

2004; Коробицын 2005; Грязнова 2006). В нашем исследовании, вслед за В.М.Розиным (Розин 2000) под виртуальной реальностью мы понимаем вид символической реальности, которая создается на основе компьютерной и некомпьютерной техники, а так же реализует принцип обратной связи, то есть коммуникативную виртуальную реальность, основной целью существования и функционирования которой, как отмечает А.Е.Иванов (Иванов 2004) будет являться передача или взаимообмен информацией между людьми, то есть коммуникация. Рассматривая дефиниции понятия «виртуальный», мы также выделяем, что «виртуальный» - это (от лат. *virtualis*) – «пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявиться, случиться; возможный, способный проявляться на некоторое время при определенных условиях» (Ожегов, Шведова 1997), «имеющий свойства некоторой вещи, но не являющийся в действительности этой вещью» (Collins COBUILD 1994). Однако, исходя из вышеуказанного, не следует считать, что виртуальное является несуществующим. Виртуальное не есть несуществующее, просто мы не можем приписать ему объективное существование. Виртуальное содержание – то содержание, где отсутствует четкое разделение объективного и субъективного плана в понимании, где эти различные содержания перетекают друг в друга, становясь неразличимыми, неотличимыми. Кроме того, виртуальность, в отличие от других психических производных, типа воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает ее не как порождение своего собственного ума, а как реальность.

Таким образом, с одной стороны, виртуальный дискурс будет пониматься уже, чем дискурс компьютерный, или электронный. Говоря о дискурсе компьютерном, мы предполагаем, во-первых, общение не только между людьми посредством Интернета, но и общение человека с компьютером. «При использовании компьютера как канала передачи реализуются его следующие функции: 1) решение прикладных задач – расчетов, 2) набор любых текстов и их хранение в компьютерной памяти, 3) возможность кодировать нетекстовую информацию (выход на медиа-, звуковые, графические и видеофайлы)» (Галичкина 2001, с. 7). Некоторые исследователи вообще возводят данный факт в ранг коренного отличия компьютерной коммуникации от всех предшествующих исторических типов социальной коммуникации. Так, с точки зрения А.В. Соколова, главное отличие наступающей компьютерной фазы состоит не в опосредованности экраном (оно есть уже на уровне кинематографа), а в факте общения человека непосредственно с машиной. Таким образом, именно диалог "человек-ЭВМ" определяется в качестве главного отличия электронной коммуникации от устной или документальной (цит. по Михайлов, Михайлов 2004, с. 34 – 52). Во-вторых, компьютерный дискурс, помимо общения в Интернете, включает в себя так же общение в локальных сетях, что подразумевает наличие и непосредственных контактов коммуникантов, чего не может быть при общении виртуальном,

где партнер коммуникации во многом домысливается, дорисовывается нашим собственным сознанием. С другой стороны, виртуальный дискурс будет трактоваться шире, чем электронный, поскольку для общения в виртуальной реальности может использоваться не только Интернет, но и другие средства связи, способные создать эту реальность, например, мобильный телефон с системой СМС-сообщений.

Говоря о выделении виртуального дискурса, мы противопоставляем его дискурсу реальному, и делаем это, как уже было отмечено, не только на основе изменившегося канала связи. Мы противопоставляем реальность и виртуальность как таковые, как предметно-ситуативные фоны реального и виртуального видов дискурса. При таком противопоставлении будет уместным говорить о дилеммах их основных характеристик: «материальное – идеальное», «фактуальное – потенциальное», «локальное – глобальное», «безусловное – условное», «актуальное – фикциональное», «идентифицированное – анонимное», «рациональное – эмоциональное», «иерархичное – мозаичное» (Лутовинова 2006а).

Рассматривая противопоставление материального и идеального, мы рассматриваем реальность как нечто действительно существующее, осозаемое, то есть то, что можно увидеть, услышать, потрогать. Виртуальность же предстает как совокупность информации, мыслей и образов. Виртуальный мир – это возможный, искусственно созданный мир, в котором отсутствует телесность, вещественность. По мнению А.Е. Иванова, «единственным критерием, способным содействовать выявлению границ реальности, является система жизнеобеспечения, связанная с конечностью человеческого существования» (Иванов 2004, с. 13). С позиции органов чувств, человек может попасть в виртуальный мир, в котором он находится, переживает, радуется, стремится к чему-то, испытывая победы и поражения и т.п. Но находиться в этом мире он может только до определенного момента, «пока сигналы внешнего мира и система жизнеобеспечения не выведут его за пределы виртуального мира» (там же). То есть, обладая не только сознанием, которое может не различать мир виртуальный и мир реальный, но и телом, человек обязательно должен какое-то время находиться в мире материальном.

Отсюда вытекает и второе противопоставление. Реальность – это факт, это то, что есть «здесь и сейчас», виртуальность же потенциальна, и все ее компоненты существуют потенциально, как возможные для реализации «где-то и когда-то».

Из потенциальности виртуального общения вытекает и его глобальность. Реальное – это нечто локальное, находящееся в определенном месте, имеющее непосредственное окружение, поскольку чисто физически человек не может находиться более чем в одном месте. Виртуальное же глобально. Разумеется, что в определенный момент общения пользователь сети находится в контакте с очень ограниченным кругом, но потенциально имеет выход на любого и каждого. Данная возможность является одной из ценностей виртуального дискурса. Не

выходя из дома, экономя время на дорогу, мы можем легко и просто найти большое количество людей, которые хотят общаться, именно в тот момент, когда этого хотим мы. Путешествовать по просторам сети можно бесконечно, переходя с сайта на сайт. Количество сайтов огромно, их тематика очень разнообразна, а желающих пообщаться о чем угодно, на разнообразные темы можно найти в любое время дня и ночи. Около 70% опрошенных нами при пилотажном эксперименте молодых людей (Лутовинова 2006б, с. 204), признавших в качестве ценности скорость завязывания знакомств, подтверждая правоту своих слов, приводили ситуацию знакомства с понравившейся девушкой на улице в сравнении со знакомством в каком-либо чате. Во втором случае успех предпринимаемой попытки бывает намного выше, поскольку человек, пришедший в сеть, изначально настроен на знакомство, на поддержание контакта, заинтересован в общении.

Кроме того, реальность актуальна, она как бы дана нам извне, «навязана», она есть вокруг нас, она объективна. Виртуальность же фикциональна, то есть является в определенной степени порождением нашего же собственного сознания. Как мы уже отмечали, это отнюдь не означает, что виртуальное не есть несуществующее, просто мы не можем присвоить ему объективное существование. У виртуальности отсутствует четкое разделение объективного и субъективного плана в понимании, в ней эти различные содержания перетекают друг в друга, становясь неразличимыми, неотличимыми. Каждый пользователь сети может создать столько образов, сколько захочет, попробовать себя в различных ролях, попытаться воплотить то, что не может сделать в силу тех или иных обстоятельств в процессе реального взаимодействия. Некоторые исследователи рассматривают данный феномен как мифологичность виртуального мира, то есть попытку человека реализовать свою давнюю мечту о преодолении времени и пространства, что раньше было возможно только в вымыщенном мире, например, фантазиях, мифах и т.п. (Рукомойникова 2004, с. 15).

Исходя из этого, мы можем говорить, что реальность безусловна, а виртуальность, наоборот, является условной. Реальность протекает независимо от наших желаний что-либо изменить, виртуальность же моделируема при конкретно заданных параметрах и условиях, в ней существует определенная возможность управления событиями.

Реальность также связана с понятием идентификации. Находясь в непосредственном контакте друг с другом, коммуниканты имеют определенный набор знаний друг о друге. Виртуальное же анонимно. Анонимность общения в виртуальной среде в качестве ценности для себя отмечают более 50% респондентов (Лутовинова 2006б, с. 204). По их мнению, отсутствие внешнего образа дает возможность избежать таких неблагоприятных факторов, ведущих к сбою коммуникации, как неприятие собеседника по внешнему виду. Так же здесь отмечается возможность быть абсолютно искренним, не испытывая никакого внешнего давления и

не опасаясь того, что завтра о твоих откровениях станет известно всему рабочему коллективу, многочисленной родне или соседкам-старушкам на лавочке у подъезда. Однако в виртуальном общении никто не может быть полностью уверен в партнере по коммуникации, поскольку его образ и идентификация проводятся на основе той информации, которую он сам предоставляет. Возможность обмана или розыгрыша часто является основой для сетевого творчества:

[...]Проведя три недели без сна
И ни в чем ей уже не перечат,
Я ее уломал, и она
Согласилась на первую встречу.
Долго ждал. Жизнь прокручивал вспять.
Думал встретить ее комплиментом.
А она оказалась опять
Бородатым очкастым студентом /А. Смирнов/

Одной из целей виртуального дискурса является саморепрезентация виртуальной личности, в силу чего все, что сообщается пользователем о себе, в той или иной степени будет приукрашено. Представляя себя, никто не хочет выглядеть хуже, чем он есть на самом деле, каждый стремится предстать в выгодном свете, завоевать внимание других. Данный аспект также находит отражение в творчестве пользователей сети, например в анекдотах на сетевую тематику: *Ходят две подружки по магазинам модной одежды. Зашли в один и просят продавца помочь подобрать прикид. Он: Какой у вас размер? Одна из подруг: Рост 170, вес 60, 90-60-90, размер груди 3, волосы... Вторая: Анька, очнись, ты не в ICQ!!!* В связи с этим исследователи интернет-коммуникации говорят о карнавальном стиле виртуальной коммуникации (Нестеров, Нестерова 1999; Рукомойникова 2004, с. 19), основой которого становится юмористическая тональность общения.

Коммуниканты знают друг друга по никам, или сетевым псевдонимам, которые сами придумывают, и та информация, которая сообщается ими о себе, как мы уже отметили, довольно условна, поскольку никогда нельзя быть на все сто процентов уверенными, истинна она или нет. Воспринимая реальность как факт, как известность, как определенную данность и безусловность, мы начинаем относиться к ней очень рационально, большей частью обдумывая и планируя. Напротив, мир виртуального с данной позиции очень эмоционален. Все, что воображается нами, моделируется и перемоделируется, порождается и домысливается нашим сознанием, все это переживается, прочувствуется, затрагивает эмоциональную сферу.

И, наконец, с точки зрения структуры, мы можем рассматривать реальное как иерархичное, в то время как виртуальное предстает мозаичным (термин А.Моля). В виртуальной среде отсутствуют упорядоченный центр и периферия, и информационное пространство образует некоторую хаотичную структуру, элементы которой заданы не

иерархично, а «рассеянно». Очень наглядным данное противопоставление становится при попытке моделирования институциональности в виртуальном дискурсе, которая претерпевает коренные изменения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.
2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
3. Грязнова Е.В. Виртуально-информационная реальность в системе «Человек – Универсум» – Нижний Новгород, 2006.
4. Иванов А.Е. Философские и психологические аспекты виртуальной и социальной реальности и их взаимосвязь: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – М., 2004.
5. Ковалевская Е.В. Виртуальная реальность: философско-методологический анализ: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – М, 1998.
6. Михайлов В.А., Михайлов С.В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества //Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб., 2004. – С. 34 – 52.
7. Коробицын С.А. Феномен виртуальности обыденного сознания: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – М, 2005.
8. Лутовинова О.В. Определение и характеристики виртуального дискурса // Язык. Культура. Коммуникация: материалы международной научной конференции, г. Волгоград, 18 – 20 апреля 2006 г.:в 3 ч. Ч.3. – Волгоград, 2006а. – С. 134 – 139.
9. Лутовинова О.В. Проблема ценностей в виртуальном дискурсе // Концептосфера и языковая картина мира– Кемерово, 2006б. – С. 201 – 205.
10. Нестеров В., Нестерова Е. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов. – 1999. // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov>
11. Орехов С.И. Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ: Автореф. дис. ...д-ра филос. наук. – Омск, 2002.
12. Розин В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание.– СПб., 2000. – С. 56 – 74.
13. Рукомойникова В.П. «Виртуальный» фольклор: за и против.– Йошкар-Ола, 2004.
14. Ожегов С.Ю., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4 изд., дополненное. – М., 1997.
15. Collins COBUILD Essential Dictionary.– London and Glasgow, 1994.

Т.Г. Ренц

Верbalное и неверbalное в любовном дискурсе в русском и английском языках

Предметом нашего рассмотрения является любовный дискурс, понимаемый как сложное коммуникативное явление, ограниченное

рамками особых интимно-личностные отношения⁴ и категориальной эмоциональной ситуацией⁵ в ее конкретных проявлениях. Термин *любовный дискурс* позаимствован нами из работы французского структуралиста и семиотика Ролана Барта (Barthes, Roland) (1915–1980), который впервые использовал его в своей книге «Фрагменты речи влюбленного» (*«Fragments d'un discourse amoureux»*). В ней литературное «я» Р. Барта соотносится с его реально-жизненным «я», то есть автор представил в книге реальные вербальные фрагменты (акты высказывания) влюбленного субъекта, устранив нарративность, чтобы избежать создания очередной «истории любви» (Барт 1999, с. 6-9). Подчеркнем, что в любовном дискурсе Р. Барт исследует разнообразные фигуры любви, метафоры, лексику и грамматику любовной речи, любовных писем, раздумий и признаний, заменяя «описание любовного дискурса … его симуляцией» (Барт 1999, с. 81). Иными словами, ученый показывает *естественный, идеальный* любовный дискурс (курсив – Р.Т.). Мы оставляем за собой право осуществить анализ естественной коммуникации на примере художественной литературы и считаем вполне правомерным анализ дискурса человека, репрезентируемого дискурсом персонажа, поскольку, согласно философскому феноменологическому анализу, художественный мир строится на основе реального мира и всегда достижим из него. Вслед за Ильиновой Е.Ю мы считаем, что «речевое поведение персонажей в эпизодах художественного текста строится по аналогии с речементальными потенциями дискурсивной деятельности человека, что делает узнаваемым и интерпретируемым любое содержание коммуникации в художественном произведении» (Ильинова 2006, с.106). Исследуемый нами дискурс представлен не только собственно высказываниями влюбленных, но, что особенно важно, авторскими дескрипциями, которые раскрывают суть любовных отношений партнеров по коммуникации, способствуют более глубокому пониманию их взаимоотношений, поведенческих и речевых характеристик. В рамках данной статьи мы подвергли анализу один из жанров любовного дискурса – эмотивный жанр признания в любви в русской и англоязычных лингвокультурах, представленный в виде конкретной категориальной эмоциональной ситуации (о жанрах см. Бахтин 1979, Дементьев 2000, Шмелева 1997, и др.). Языковая презентация эмоциональной ситуации, как совершенно справедливо указывают языковеды, может осуществляться тремя способами: посредством номинации, экспрессии и дескрипции эмоций, что позволяет выделить лексику, обозначающую эмоции, лексику,

⁴ интимный от фр. *Intime* - интимный, близкий; в настоящей работе используется в значении «глубоко личный».

⁵ О категориальной ситуации см. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л., 1984. О категориальной эмоциональной ситуации см. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты. - С-Пб., 2001.

выражающую эмоции, и лексику, описывающую эмоции (Покровская 1998, Шаховский 1987).

Заметим, что наряду с описанием вербалики эмоций субъектов любовных отношений, нельзя оставить без внимания невербальное поведение влюбленных, поскольку последнее сопровождает «речь и рассматривается в речевом воздействии исключительно в их [невербальных факторов] соотношении с речью» (Стернин 2001, с. 89). В рамках любовного дискурса целесообразно говорить об одинаковой важности вербальных и невербальных средств выражения, так как любящие люди обычно понимают друг друга «с полуслова» или вообще без слов.

Анализ любовного дискурса свидетельствует о том, что эмоции и чувства в любви очень разнообразны. Они отражают живописную гамму ярких тонов и самых нежных оттенков. Проследим, как вербализуются эмоции в жанре признания в любви на примере произведения F.H. Arnold “Not My Will.” Сцена происходит на вершине холма, у подножия которого плещется озеро. Объяснение в любви на холме, на наш взгляд, символично, так как автор, возможно, хотел отразить те высокие чувства, которые обуревали героев романа: Eleanor and Chad loitered behind the others, and, hand in hand, climbed the hill overlooking the lake. They were quiet for a moment; then to relieve the silence Eleanor said, “This is the highest spot in the state.” Далее происходит обмен ничего не значащими фразами, а затем звучит реплика героя, которая подготавливает читателей к кульминационному событию данной ситуации – признанию в любви: Chad’s voice was quiet. “This seems like heaven right here to me – just you and I together alone on the hilltop!” Объединение в речи местоимений *you and I* является показателем серьезных намерений Чада, началом его признания, желанием в будущем быть вместе с Элеанор. Произнесенное тихим голосом, это высказывание создает определенное напряжение, которое впоследствии все больше возрастает, свидетельствуя об эмоциональности высказывания.

<...> Chad laid a reproving finger on her lips. “It’s more than I deserve, young lady.” Then his tone changed, and he reached out for her hand as he said, “Eleanor, I know this is – well – precipitate. But since I first saw you on Friday, I haven’t been able to think of anything else except how sweet you are. I love you, Eleanor Stewart.”

Eleanor drew a quavering breath but said nothing. <...>

Still no answer. Chad waited anxiously, then said in a husky tone, “Forgive me. I’ve made you angry. Oh, I didn’t mean to, but I couldn’t help it, you are so sweet, and - oh, please don’t!” For Eleanor was crying. <...>

Eleanor’s sobs continued, so in desperation Chad gathered her close in his arms and whispered, “Please, tell me. What is it, dear?”

In a broken voice Eleanor replied, “You’re so *dear* – and – it’s been – so long – since – anybody – really cared – for me – I – just couldn’t – stand it!”

Chad held her close as he laughed happily.

Сравнивая поведение двух коммуникантов в жанре любовного признания, отметим, что эмоции переполняют Элеанор: откровение Чада прозвучало неожиданно для нее и вызвало слезы радости. В дескрипции этой ситуации автор не только эксплицитно демонстрирует чувства геройни *for Eleanor was crying*, но также использует и графические средства актуализации реплики героини – тире – для передачи ее эмоционального состояния. Вербальное поведение Чада менее эмоционально в начале разговора, о чем свидетельствуют также и паралингвистические средства коммуникации, такие как тон и громкость голоса. Ср.: *Chad's voice was quiet ... Then his tone changed ... then said in a husky tone ... he laughed happily*. Здесь следует подчеркнуть важность невербальной коммуникации: представляя собой сферу авербальных сигналов, “несловесная” коммуникация является наиважнейшим каналом передачи информации личностно-эмоционального содержания.

Из реплик Чада можно понять, что для него нелегко дается объяснение в любви, и ему очень важно знать, как отреагирует Элеанор на его признание. Ее ответная реплика, произнесенная сквозь слезы *You're so dear – and – it's been – so long – since – anybody – really cared – for me – I – just couldn't – stand it*, делает его счастливым - *he laughed happily*: из уст любимой девушки прозвучало важное для него слово *dear*, а в мыслях промелькнуло *She was lonesome and hungry for love and he was vey dear!*

К сказанному добавим, что в данной категориальной эмоциональной ситуации экспрессия конкретных эмоций особенно наглядно проявляется у Элеанор: она постепенно возрастает от сдержанной, нейтральной до бурной реакции героини.

Проследим теперь вербализацию эмоций в любовном дискурсе, представленном в русской лингвокультуре. Приведем пример из повести «Дубровский» А.С. Пушкина о тайной встрече Мары Кириловны и Владимира: <...> - Благодарю вас, - сказал он ей тихим и печальным голосом, - что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кирилловна отвечала заготовленною фразой:

- Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

- Обстоятельства требуют ... я должен вас оставить, - сказал он, наконец, вы скоро, может быть, услышите. <...>

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию. <...>

Известно, что эмоции не только зарождаются и реализуются в спровоцированных партнерами по общению эмоциональных ситуациях, но и сами формируют такие ситуации. Самовыражение коммуникантов, их поведение создают конкретную эмоциональную ситуацию. Это в полной мере можно наблюдать в дискурсе Дубровского: <...> Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В

ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. ... Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час ... Но прежде я должен вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рожден был для иного назначения, что душа его умела вас любить <...>

«Монолог» Владимира вызвал особые эмоции у Мары Кириловны: его откровенное признание глубоко взволновало и испугало ее, вызвало определенную вербальную и поведенческую реакцию. Анализ показывает, что переживания Дубровского и Маши передаются также и паралингвистическими, и экстралингвистическими компонентами невербальной коммуникации. Как и в англоязычном тексте, авторские дескрипции дают полную картину особенностей речи и поведения коммуникантов. Ср.: Благодарю вас, - *сказал он ей тихим и печальным голосом...* Если когда-нибудь, - *сказал он ей нежным и трогательным голосом...* Марья Кирилловна *плакала молча...* Вы меня губите! – *закричал* Дубровский... Обещаюсь, - *прошептала* бедная красавица. Приведенные примеры свидетельствуют также о том, что любовные эмоции субъективны, а по своей силе и качественным характеристикам индивидуально дифференцированы.

Кроме уже описанных невербальных средств (просодических и экстралингвистических), обратим внимание и на другие невербальные компоненты коммуникации, например, такесику. Началу любовного признания Чада предшествует невербальный язык, проявляющийся в первом соприкосновении героев: *Eleanor and Chad loitered behind the others, and, hand in hand, climbed the hill overlooking the lake.* В дальнейшем, такесика выражается посредством прикосновений иного рода *Chad laid a reproving finger on her lips, Chad gathered her close in his arms, Chad held her close.*

Такесика прослеживается и в общении Маши и Дубровского. Эмоциональное коммуникативное поведение Владимира напоминает поведение Чада, поскольку их интенции одинаковы – привлечь внимание любимой женщины, передать свои чувства, возможно, вызвать на откровенный разговор. Ср.: *Он схватил ее руку и прижал к пылающим устам...* Дубровский воротился и снова взял ее за руку.... Легко убедиться, что любовная нежность может проявляться не только в словах, но и в легком прикосновении, улыбке, объятии, доброжелательности и ласковости взгляда и т.п. В ней заключена инстинктивная мягкость отношений, все «надстроичное» богатство прекрасного чувства любви.

Анализ иллюстративного материала жанра любовного признания свидетельствуют об изменении пространственно-временной организации рассматриваемой эмоциональной ситуации. Мы можем наблюдать, что в процессе общения Маша и Владимир, Элеанор и Чад неосознанно регулируют свое пространство, уменьшая дистанцию до минимума. Допустив в свою интимную зону партнера по коммуникации, оба, таким

образом, признают близость другого, выражают желание контактировать с ним/с ней. В связи с этим можно предположить, что временные характеристики любовного дискурса проявляются, в том числе, в длительности прикосновений, что объясняется желанием одного партнёра задержать другого в своём личном пространстве как можно дольше. К сказанному добавим, что нахождение в «общей зоне» способствует установлению взаимности, интимности в межличностных отношениях.

Известно, что отсутствие верbalной коммуникации в эмоциональной ситуации общения значимо само по себе. Как считает И. В. Морозов, «тишиной – размеренной и непредсказуемой, дозированной и случайной, краткой и долгой, желанной и нестерпимой человек может порой сказать больше, чем самыми изысканными артикуляциями» (Морозов 2001, с. 161). Ситуация общения Владимира и Марьи Кириловны показывает, что в первом случае ее молчание – это ожидание: *Марья Кирилловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию*, а во втором - страдание от предстоящей разлуки: *Марья Кирилловна плакала молча*.

В общении другой влюбленной пары молчание Элеанор вызывает своеобразную реакцию Чада, который трактует ее молчание по-своему, приняв его за отказ. В действительности же, Элеанор приятно удивлена услышанным, эмоционально потрясена, и потому не находит слов, чтобы сразу же отреагировать на реплику Чада. Таким образом, анализ показывает, что вербальные и невербальные характеристики любовного дискурса в двух национальных лингвокультурах идентичны.

Обобщая изложенный материал, следует подчеркнуть, что любовный дискурс в художественном произведении – это динамическое, разворачивающееся во времени вербальное и невербальное общение, включающее дескрипции, способствующие более глубокому пониманию межличностного общения, при котором оба индивида неосознанно проявляют свои эмоции. Анализ приведенных примеров показал, что языковые средства, описывающие эмоциональное состояние человека, его отношение к партнеру по коммуникации и его эмоциональное поведение в категориальной эмоциональной ситуации в жанре признания в любви в русском и английском языках одинаковы, очевидно, в силу универсальности рассматриваемого феномена. Дальнейшее сопоставительное исследование любовного дискурса покажет, носит ли данный вывод общий или частный характер.

Литература

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М., 1999.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 237-289.
3. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов, 2000.
4. Ильинова Е.Ю. Дискурсивное уподобление в смысловом пространстве художественного текста. // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. – Волгоград, 2006. – С. 105-115.

5. Морозов И. В. Основы культурологии. Архетипы культуры – Мн., 2001.
6. Покровская Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
7. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе. – Воронеж, 1987.
9. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88-98.

Ю.Ю. Распопова

Особенности организации дискурсивного события «запрос информации» в немецкой и русской лингвокультурах

Развитие коммуникативно-деятельностного и когнитивно-дискурсивного подходов к анализу языковой деятельности в лингвистике характеризуется повышением интереса к естественной коммуникации, включением в спектр лингвистического анализа многих явлений и феноменов, прежде остававшимися за рамками изучения. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение таких категорий, как «дискурсивное взаимодействие», «дискурс», «дискурсивное событие», «речевой акт». Дискурсивное взаимодействие культурно специфично, каждая культура имеет свой собственный дискурсивный стиль, под которым Л.В. Цурикова понимает «реализацию определенных языковых и интерактивных стратегий, регулярно используемых участниками общения в коммуникативном взаимодействии» (Цурикова 2002, с.135).

Настоящая работа посвящена изучению дискурсивного события «запрос информации» в немецкой и русской лингвокультурах. Нашей целью является исследование организации дискурсивного события «запрос информации» и описание средств реализации речевых актов, которые изучаются как неотъемлемые компоненты рассматриваемого дискурсивного события. Дискурсивное событие «запрос информации» представляет несомненный интерес для изучения потому, что оно, бесспорно, является одним из самых распространенных в дискурсивном континууме событием. Однако его структура и языковые средства выражения в немецкой лингвокультуре остаются до сих пор без должного внимания лингвистов. Так, без ответа остаются вопросы, касающиеся интеракциональной структуры дискурсивного события в различных обстановках общения, места речевого акта «вопрос» в данной структуре. Отсутствуют конкретные сведения о наборе языковых средств, посредством которых реализуются речевые акты, входящие в исследуемое дискурсивное событие. Желание заполнить имеющуюся информационную лакуну и обуславливает интерес к исследованию дискурсивного события «запрос информации».

Вычленение вопросительных ситуаций из дискурсивного континуума опирается на следующие критерии: «кульминативность, сценарность, исчисляемость событийных ролей участников общения, смена темы», выделенные Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1999, с. 519) и опробированные Н.В. Байрак (Байрак 2006, с. 41). Под вопросительной ситуацией в работе понимается некоторая последовательность речевых и неречевых действий, осуществляемая в определенных условиях и направленная на привлечение внимания коммуниканта, чтобы получить от последнего сведения, необходимые первому по той или иной причине для реализации его деятельности в данных социокультурных и пространственно-временных условиях.

Изучение вычлененных из эмпирического материала – немецких и русских художественных фильмов - вопросительных ситуаций позволило обратить внимание на такие параметры, значимые для характеристики любого дискурсивного события, как обстановка общения, отношения между коммуникантами, социально-психологическая дистанция, статусные отношения, гендерная принадлежность и возрастные отличия. Учет названных параметров обусловлен тем, что ученые, и в частности Е.И. Беляева (Беляева 1992, с. 67), установили, что от названных параметров зависит выбор языковых средств, необходимых коммуникантам при запросе информации. Зависимость средств реализации рассматриваемого дискурсивного события от перечисленных параметров можно проиллюстрировать следующими примерами:

Русская языковая культура

ДС «запрос информации» 1
обстановка общения: **нейтральная**
отношения между коммуникантами:
официальные
Коммуникант 1: РА «**обращение**»
Девушка!
РА «**приветствие**» *Здравствуйте!*
РА «**вопрос**» *Не подскажете, дом
79-ый, где находится?*
Коммуникант 2: РА «**ответ**»
За этим зданием, кажется...
Коммуникант 1: РА «**благодарность**»
Спасибо.

ДС «запрос информации» 2
обстановка общения: **интимная**
отношения между коммуникантами:
дружеские
Коммуникант 1: РА «**обращение**»
Кать
РА «**вопрос**» *Ручку мою, красную,
не видела?*
Коммуникант 2: РА «**ответ**» *Нет*

Немецкая языковая культура

ДС «запрос информации» 1
обстановка общения: **нейтральная**
отношения между коммуникантами:
официальные
Коммуникант 1: РА «**обращение**»
Entschuldigung!
Коммуникант 2: РА «**реактивный**»
Was ist?

ДС «запрос информации» 2
обстановка общения: **интимная**
отношения между коммуникантами:
дружеские
Коммуникант 1: РА «**приветствие**»
РА «**вопрос**»
*Wo ist denn jetzt
dein Momo?*

Коммуникант 1: РА «**вопрос**» *Ich weiß, es ist jetzt eine dumme Frage, aber es kommt nicht oft vor, dass die Kunden hier im Schlafanzug ankommen.*

Коммуникант 2: РА «**ответ**»
Und danach ohne Schuhe

Коммуникант 2: РА «**ответ**»
Da drin.

Приведенные примеры демонстрируют, что в различных дискурсивных условиях информация запрашивается различными прагматическими и языковыми средствами – речевые акты «приветствие» и «благодарность», например, выполняющие в первом приведенном примере из русской языковой культуры поддерживающую функцию и обеспечивающие достижение коммуникативной цели спрашивающего коммуниканта, совершенно излишни во второй, где коммуниканты, находясь в дружеских отношениях, обходятся ограниченным количеством вспомогательных средств - речевым актом «обращение», избегая проявление излишней вежливости и экономя тем самым свои усилия.

Таким образом, учитывая то, что запрос информации осуществляется через некоторую последовательность речевых действий, целесообразно интерпретировать эту последовательность как дискурсивное событие, поскольку, как подчеркивает Л.В. Цурикова, дискурсивное событие представляет собой «совокупность прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» (Цурикова 2002, с. 117). В связи с этим дискурсивное событие «запрос информации» трактуется в данной работе как совокупность прагматически когерентных речевых актов, направленных на заполнение информационной лакуны в знаниях говорящего.

Для дискурсивного события анализируемого типа титульным, как его трактует Н.В. Байрак, является речевой акт «вопрос». Под титульным речевым актом исследовательница понимает «точку осуществления дискурсивного события» (Байрак 2006, с. 40). «В рамках титульного речевого акта» - утверждает Н.В. Байрак - «реализуется центральная коммуникативная интенция, осуществлению которой в той или иной степени способствуют все вербальные и невербальные действия, входящие в данное событие» (там же). Речевой акт «вопрос» понимается как неотъемлемый компонент любого дискурсивного события «запрос информации» и вычленяется с помощью критериев, разработанных Л.В. Цуриковой:

1. «Отсутствие у говорящего необходимой информации – информационная лакуна в знаниях говорящего.

2. Апелляция к адресату как источнику заполнения этой лакуны – своеобразное побуждение к верbalному действию, направленное на устранение информационной лакуны в знаниях говорящего.

3. Психологическая необходимость для говорящего неизвестной ему информации, составляющая основной мотив осуществления речевого акта вопроса.

4. Прагматические пресуппозиции говорящего относительно адресата:

- адресат знает необходимую информацию;
- адресат в состоянии сообщить необходимую информацию;
- адресат в силу презумпции выполнения принципа кооперации намерен сообщить говорящему необходимую информацию;
- для говорящего не очевидно, что адресат сообщит необходимую информацию, не будучи спрошен» (Цурикова 2001, с. 23).

В ходе практического исследования установлено, что в дискурсивном событии «запрос информации» в обеих лингвокультурах присутствуют поддерживающие, дополнительные речевые и неречевые действия, которые, по мнению Н.В. Байрак, «позволяют говорящему реализовать свое коммуникативное намерение максимально безопасно для его собственного «социального лица» и «социального лица» его коммуникативного партнера» (Байрак 2006, с. 29). Они используются для скорейшего достижения коммуникативной цели – заполнения информационной лакуны в знаниях говорящего, и могут как предшествовать речевому акту «вопрос», так и следовать за ним:

Русская языковая культура

ДС «запрос информации»

Коммуникант 1: РА «приветствие»

Здравствуйте!

РА «извинения» *Извините!*

РА «вопрос» *Не подскажете, который час?*

Коммуникант 2: РА «ответ» *Пол пятого.*

Коммуникант 1: РА «благодарности»

Спасибо.

Немецкая языковая культура

ДС «запрос информации»

Коммуникант 1: РА «обращение»

Entschuldigen Sie bitte

РА «вопрос» *Können Sie mir bitte sagen, wie komme ich zur StraBe Unter den Linden?*

Коммуникант 2: РА «ответ» *Immer geradeaus, dann links.*

Коммуникант 1: РА «благодарности»
Vielen Dank

Речевой акт «вопрос» в приведенных примерах является титульным, а речевые акты «приветствие», «извинение», «благодарность», «обращение» - поддерживающими, наличие которых в структуре изучаемого дискурсивного события подтверждается не только проанализированным материалом, но и личным коммуникативным опытом. Отграничить речевые акты друг от друга стало возможным благодаря критериям, соответствующим условиям успешности их осуществления. Эти критерии предложены Дж. Серлем и существенно дополнены Е.В. Падучевой и Л.В. Цуриковой. Обобщенно Е.В. Падучева изображает их в приводимой ниже таблице (Падучева 2004, с. 25). (В скобки заключены условия, выделенные Е.В. Падучевой, но отсутствующие у Дж. Серля).

Таблица № 1

Условия успешности речевых актов
(по Е.В. Падучевой)

Речевой акт	Условия успешности		
	Предварительные и существенные условия	Условия искренности	Назначение
Акты утверждения (сообщение, констатация, настоятельное утверждение)	1. Г имеет основания считать р истинной 2. Для Г не очевидно, что С знает, что р (и не нуждается в напоминании).	Г считает, что р.	1.Данный акт рассматривается как сообщение о действительном положении вещей (2.Утверждение вводится в общее поле зрения Г и С.)
Акт обязательства (обещания)	1.Г в состоянии совершить Д. (2.Г считает Д полезным для С.) (3. Г и С считают, что Д не относится к числу событий, которые очевидным образом произойдут сами собой.)	Г собирается совершить Д	Данный акт рассматривается как обязательство со стороны Г совершил Д.
Акты побуждения (просьба, приказ и пр.)	1. Г считает, что С в состоянии совершить Д. 2.Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий, сам по себе совершил Д. (3. Состояние, которое является результатом Д, не имеет места.)	Г хочет, чтобы С совершил Д.	Данный акт рассматривается как попытка Г добиться того, чтобы С совершил Д.
Акт вопроса	1. Г не знает ответа. 2.Ни для Г, ни для С не очевидно, что С сам сообщит нужную информацию, не будучи спрошен. (3. Г считает, что С знает ответ.)	Г хочет иметь информацию.	Данный акт рассматривается как попытка Г получить информацию от С.

Условные обозначения: Г – говорящий, С – слушающий, Д – действие, р. – пропозиция

На данном этапе исследования не представляется возможным высказаться более определенно относительно количественного и качественного состава речевых актов и принципов их организации в

дискурсивном событии изучаемого типа. Основным результатом исследования на данном этапе стали модели реализации запроса информации, выделенные по указанным выше критериям из еще довольно ограниченного объема эмпирического материала. Условия, в которых реализовывалось дискурсивное событие «запрос информации», имели место в трех типах обстановки общения – нейтральной, непринужденной и официальной при общении коммуникантов, находящихся в дружеских и официальных отношениях. Прагматические средства реализации дискурсивного события «запрос информации», осуществляемого в нейтральной обстановке при дружеских отношениях коммуникантов, представлены ниже в таблице № 2.

Таблица № 2

1. 1) вопрос 2) ответ	1. 1) вопрос 2) ответ
2. 1а, б) вопрос 2а, б) ответ 3а) выражение радости 3б) сообщение о намерении	1в) приветствие 2в) вопрос 3в) ответ
3. 1а) вопрос 2а) ответ 3а) переспрос 4а) ответ	1б) приветствие 2б) вопрос 3б) вопрос 4б) ответ
4. 1а, б) вопрос 2а) побуждение к действию 3а, б) вопрос 4а) угроза 5а) ответ	2б) ответ 4б) ответ 5б) выражение несогласия
5. 1а) обращение 2а) вопрос 3а) ответ 4а) просьба 5а) согласие 6а) побуждение к действию	1б) приветствие 2б) предложение 3б) вопрос 4б) ответ 5б) вопрос 6б) ответ
6. 1а) вопрос 2а) ответ 3а) вопрос 4а) переспрос 5а) ответ 6а) вопрос 7а) ответ	1. 1) вопрос 2) ответ

Как следует из таблицы № 2, структура дискурсивного события имеет довольно вариативную организацию и может реализовываться как двумя шагами, то есть речевым актом «вопрос» и речевым актом «ответ», так и с использованием вспомогательных речевых актов (комплимент, приветствие, просьба, извинение и т.д.), способствующих скорейшему достижению коммуникативной цели говорящего – заполнению информационной лакуны в его знаниях.

Как показало проведенное исследование, без поддерживающих речевых актов информация в немецкой и русской языковых культурах может запрашиваться при дружеских отношениях между коммуникантами в различных обстановках общения. По всей видимости, в данной ситуации такие речевые акты оказываются коммуникативно избыточными:

Русская языковая культура	Немецкая языковая культура
ДС «запрос информации»	ДС «запрос информации»
Коммуникант 1: РА «вопрос» <i>Ты папе звонила?</i>	Коммуникант 1: РА «вопрос» <i>Hättest du es auch gemacht?</i>
Коммуникант 2: РА «ответ» <i>Кому же еще.</i>	Коммуникант 2: РА «ответ» <i>Ja, ja sicher.</i>

В качестве поддерживающих речевых актов носители обеих изучаемых языковых культур использовали **обращение** при дружеских (- *Слушай, Клинкин! А у тебя мечта какая-нибудь есть вообще?; Peet! Peet! Wo bist du?*) и при официальных отношениях (- *Молодой человек! Дом 83-ий не подскажете где?; Herr Fusi, was haben Sie denn?*), но данный речевой акт в немецких и русских вопросительных ситуациях реализовывался по-разному. Например, запрашивая информацию, немцы не использовали обращений, выраженных императивными конструкциями типа *Слыши!; Слушай!*, что было отмечено в русской лингвокультуре. Они также не употребляли устойчивых форм обращения типа *Девушка!; Молодой человек!*, которые имели место в русской лингвокультуре при официальных отношениях, предпочитая в данной ситуации обращаться к незнакомому коммуниканту посредством конвенциональной формы вежливости при привлечении внимания: *Entschuldigung!*, что в аналогичных случаях встречается и в русской языковой культуре: *Извините!*

Поддерживающим речевым актом в обеих языковых культурах выступал также речевой акт **«приветствие»**, способы реализации которого также различные. В немецкой лингвокультуре не имело места употребление имени собственного со следующей за ним формой приветствия, что характерно для русской лингвокультуры при дружеских отношениях: *Кать, привет!*. Приветствуя друг друга при дружеских и официальных отношениях, представители немецкой лингвокультуры сначала употребляли форму приветствия, а потом – имя собственное: *Hello, Peet!; Hi, Stefan!; Guten Morgen, Lilianna!* В русской культуре это находит отражение при общении коммуникантов, находящихся в официальных

отношениях: *Здравствуйте, Николай Петрович!*. Задавая вопрос, немцы чаще всего приветствовали друзей, а русские – незнакомых коммуникантов:

Русская языковая культура
ДС «запрос информации»
Коммуникант 1: РА «приветствие»
<i>Здравствуйте!</i>
РА «вопрос» <i>Это там не школа, случайно не знаете?</i>
Коммуникант 2: РА «ответ»
<i>Да, да, школа..</i>

Немецкая языковая культура
ДС «запрос информации»
Коммуникант 1: РА «приветствие»
<i>Guten Morgen, Liliana!</i>
Коммуникант 2: РА «приветствие» <i>Hello, Beppo!</i>
Коммуникант 1: РА «вопрос» <i>Was machst du schon so früh hier? ... ist doch Sonntag...</i>

Результаты проведенного исследования обобщены в таблице № 2 и показывают, что спектр поддерживающих речевых актов очень разнообразен. Поскольку титульным в структуре дискурсивного события «запрос информации» является речевой акт «вопрос», остановимся подробнее на языковых средствах его реализации в русской и немецкой языковых культурах.

Таблица № 3
Языковые средства реализации речевого акта «вопрос»

Немецкая языковая культура	Русская языковая культура
Дружеские отношения	
1. прямые средства реализации (90%)	1. прямые средства реализации (90%)
1а) <i>вопросительное предложение без вопросительного слова (50%)</i>	1а) <i>вопросительное предложение без вопросительного слова (45%)</i>
- Hast du es dir überlegt? - Ist Stefan schon gegangen? - Hättest du es auch gemacht? - Hast du Jon oder Stefan gesehen? - Fährst du nicht mit? - Ist Stefan nicht da? - Man kennt dich hier? - Willst du sie kaufen? - Magst du eigentlich Tiere?	- А родители дома? - Ты папе звонила? - Ты там не спишь? - А у тебя мальчик вообще есть? - А у тебя цель какая-нибудь в жизни есть?
1б) <i>вопросительные предложения с вопросительным словом (40%)</i>	1б) <i>вопросительные предложения с вопросительным словом (45%)</i>
- Wo bist du? - Was machst du schon so früh hier? - Was ist passiert? - Wo willst du schlafen? - Was wollen die denn? - Was ist in der Tüte? - Wo ist denn jetzt dein Momo?	- А что это? - А ты как сюда попал? - Тебе какой? - Куда мы идем то? - А что мы теперь делать будем?
2. косвенные средства реализации (10%)	2. косвенные средства реализации (10%)
2а) <i>императивные конструкции (10 %)</i>	2а) <i>императивные конструкции (7 %)</i>
- Sag mal, läuft die Kanne?	

<p>- Sag mal, wie siehst du denn aus? -Sag mal, was ist in der Tüte? 26) _____</p>	<p>- Скажи мне, куда это ты собираешься так поздно? - Ответь мне, это был ты? 26) <i>повествовательные предложения с вопросительной семантикой</i> (3%) - Свет, я вот у тебя хотел спросить...</p>
Официальные отношения	
<p>1. прямые средства реализации (95%) 1a) <i>вопросительное предложение без вопросительного слова</i> (40%) - Fühlen Sie sich nicht wohl? - Erschreckt das Sie, was Sie da sehen? - Nur hinbringen?</p>	<p>1. прямые средства реализации (50%) 1a) <i>вопросительное предложение без вопросительного слова</i> (35%) - Семь рублей? - Рынок закрыт, не заметили? - Вы не в 51-ую сдавали?</p>
<p>1б) <i>вопросительные предложения с вопросительным словом</i> (55%) - Was ist da drin? - Was kostet dieses Auto? - Was haben Sie denn? - Was ist denn los?</p>	<p>1б) <i>вопросительные предложения с вопросительным словом</i> (25%) - Сколько стоит? - Вам какой – с картошкой, или с капустой?</p>
<p>2. косвенные средства реализации (5%) 2а) <i>повествовательные предложения с вопросительной семантикой</i> - Ich weiß, es ist jetzt eine dumme Frage, aber weiß du, es kommt nicht oft vor, dass die Kunden hier im Schlafanzug ankommen.</p>	<p>2. косвенные средства реализации (40%) 2а) _____ 2б) <i>императивные конструкции</i> - Не подскажете, что это за домик там такой маленький? - Не подскажете, автовокзал сейчас? - Дом, 83-ий, не подскажете, где?</p>

Из сопоставления очевидно, что доминирующими средством выражения вопросительности в обеих лингвокультурах явились «прямые» средства, то есть вопросительные предложения :*Läuft die Karre?; Was machst du hier?; Wo ist jetzt dein Moto?; Где ты помаду взяла?; Сколько стоит?.* Иногда информация запрашивалась и «косвенными» средствами, такими как повелительными предложениями, выраженными императивом: *Sag mal, wo warst du gestern?; Ответь мне, это был ты? ; Скажи мне, куда это ты собираешься так поздно?,* а также повествовательными предложениями с вопросительной семантикой, выражающими желание говорящего получить необходимую информацию: *Ich weiß, es ist jetzt eine dumme Frage, aber...; Свет, я вот у тебя хотел спросить....*

В некоторых ситуациях в обеих лингвокультурах информационная лакуна заполнялась лишь неверbalными средствами, которые, таким образом, выполняли функцию речевых действий - например, отрицательный и утвердительный кивки головой в обеих лингвокультурах.

Но зачастую невербалные средства не замещали, а дополняли вербальные сообщения - задавая вопрос, коммуниканты использовали

указательные жесты, направленные на предмет, о котором запрашивается информация. Характерно, что в немецкой лингвокультуре, в отличие от русской, при запросе информации отсутствовала тактильная коммуникация.

Из сказанного следует, что в процессе реализации дискурсивного события «запрос информации» представители немецкой и русской лингвокультур часто используют различные вербальные и невербальные средства, что, безусловно, необходимо учитывать при обучении осуществлению дискурсивного взаимодействия на немецком языке. Тем не менее, проблема ограничения изучаемого дискурсивного события из дискурсивного континуума и его реализации требует, бесспорно, дальнейшей разработки.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.– М., 1999.
2. Байрак Н.В. Особенности организации дискурса в ситуации приглашения в британской лингвокультуре: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения. Англ. Язык. – Воронеж, 1992.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью.. - М., 2004.
5. Серль Дж. Что такое речевой акт. // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. - № 17. – С. 151 – 169.
6. Цурикова Л.В. Коммуникативный диапазон вопросительных предложений в дискурсе (на материале английского и русского языков. – Воронеж, 2001.
7. Цурикова Л.В. Адекватность дискурса: анализ стратегий дискурсивного поведения на родном и иностранном языке. // Вестник ВГУ «Серия лингвистика и межкультурная коммуникация» – Воронеж 2002.

Раздел 6. Сопоставительные исследования коммуникативного поведения

М. А. Стрельникова

Выявление специфики российского и американского общения (на материале телевьювера)

Анализ языка в условиях конкретных коммуникативных актов является одной из основных черт, свойственных различным направлениям коммуникативной лингвистики. Под *коммуникативной лингвистикой* понимается современное лингвистическое направление, ставящее во главу

исследования коммуникативный (а не системный или номинативный) аспект языка.

В настоящее время коммуникативная лингвистика представлена несколькими направлениями, различающимися как по теоретическим предпосылкам, так и по исследовательским методам, а также по исследуемому материалу. К коммуникативной лингвистике могут быть отнесены такие лингвистические направления, как прагмалингвистика, теория речевых актов, процессуальная семантика, коммуникативный синтаксис, лингвистика текста, различные направления паралингвистики, теория межкультурной коммуникации, теория коммуникативного поведения, теория *речевых жанров*.

Большинство исследователей в понимании речевого жанра в настоящее время приближаются к концепции речевых жанров М.М. Бахтина, который указывает, что человеческая речь в типичных ситуациях отливаются в готовые формы (образцы) речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык» (Бахтин 1979, с. 252).

Выявление этих образцов, шаблонов – одна из важнейших задач лингвистики, и телевью является важным материалом для комплексного решения этой задачи.

М.М. Бахтин предлагал различать первичные (свойственные естественному языку) и вторичные жанры речи, понимая под последними те жанры, которые вырабатывает литература, публицистика, наука (ср.: жанры художественной литературы – роман, новелла, повесть ...; науки – лекция, доклад, выступление в дискуссии и т.п.).

Важность понятия «жанры речи» для построения общей теории общения необычайно велика. Понятие «жанры речи» применялось при рассмотрении разновидностей литературной русской разговорной речи. На первоначальном этапе изучения жанры речи выделялись на основе таких простейших и вместе с тем основных признаков, как число партнеров в акте коммуникации (два / более двух); мена ролей говорящий/ слушающий – отсутствие такой мены. Соответственно выделялись жанры: диалог (два партнера коммуникации, мена ролей обычна), полилог (более двух партнеров коммуникации, мена ролей обычна), рассказ (число партнеров коммуникации два и более, мена ролей отсутствует). Существуют также описания некоторых наиболее клишированных жанров речи, к числу которых относятся типические для городской устной речи, привязанные к высокочастотным ситуациям так называемых городских стереотипов (в магазине, у газетного киоска, телефонные стереотипы и т.п.), а также формулы речевого этикета.

Современная действительность порождает большое количество разнообразных коммуникативных ситуаций. Одной из самых ярких форм «публичной коммуникации» в наши дни является «публичный диалог». Интервью как один из самых распространенных типов устного публичного диалога дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной публичной речи.

Существует большое количество классификаций публичных интервью в зависимости от: формы публикации в СМИ (газетное, журнальное, радио- и телеинтервью); количество участников интервью (диалог, полилог); характера организации интервью (опрос, анкета, пресс-конференция); типа материала (информационный, личностный); тематики беседы (политика, проишествия).

Научные разработки многих российских лингвистов, учебники по тележурналистике содержат подробные описания разных типов интервью, их целей и задач.

Исследование телеинтервью как речевого жанра позволило разработать обобщенную модель описания коммуникативного поведения журналистов и гостей студии - участников телеинтервью в различных коммуникативных культурах (в данном случае – российской и американской);

Для описания телевизионного интервью релевантными оказались два основных аспекта: организационно-структурный и коммуникативно-языковой. Организационно-структурный аспект отражает структурные особенности интервью как жанра. Коммуникативно-языковой аспект отражает коммуникативную и языковую специфику жанра интервью.

Ситуативная дифференциация интервью была проведена по линии: политическое, деловое и творческое интервью.

На основе предварительного анализа эмпирического материала - видеозаписи телевизионных программ российского и американского телевидения, содержащих интервью, была составлена теоретическая модель описания телеинтервью. Для анализа были отобраны тридцать телеинтервью, которые были обозначены как политические, деловые и творческие.

В структурированном виде предлагаемая модель описания телеинтервью имеет следующий вид:

1. Организационно-структурный аспект:

факторы: вид диалога; тип интервью; тематическое развертывание; цель интервью; тип монологического речевого действия; повод приглашения гостя; текстоформирующие факторы; структурно-композиционная организация; характеристика участников интервью.

2. Коммуникативно-языковой аспект:

факторы: характер коммуникации; частеречный состав реплик; стилистические характеристики реплик; синтаксический состав речи; использование экспрессивных средств; текстовые явления; лингвокультурологические особенности.

На основании данной модели осуществлено описание российских и американских телеинтервью.

В результате исследования выявлено, что российское и американское телеинтервью имеют как сходные черты, присущие интервью как речевому жанру в целом, так и ряд различий, указывающих на национальную специфику речевого жанра интервью в различных коммуникативных культурах.

Национальные особенности жанра интервью являются отражением основных особенностей российской и американской коммуникативных культур в целом.

Наиболее яркими *факторами, обуславливающими национальные различия жанра телевидения в российской и американской коммуникативных культурах*, являются: степень полематичности, продолжительность (объем), степень структурированности, объем обсуждаемой личностной информации, уровень конфликтосодержащей информации, степень национальной ориентированности интервью, степень прямолинейности трактовки информации, степень доминирования участников общения, условия мены ролей коммуникантов.

Наиболее яркими *национальными особенностями российского телевидения* являются: высокая речевая активность журналиста; преобладающая полематичность телевидения; пространность телевидения по количеству словоупотреблений и по времени; умеренная структурированность; выраженная склонность коммуникантов к доминированию в общении; наличие большого количества личностной информации об интервьюируемом; склонность коммуникантов к озвучиванию «конфликтосодержащей» информации в ходе интервью; «узконациональная» направленность большинства телевидения.

Наиболее яркими *национальными особенностями американского телевидения* являются: преобладающая монотематичность интервью; сравнительно небольшой объем телевидения по количеству словоупотреблений и по времени; высокая структурированность телевидения; отсутствие у коммуникантов стремления к доминированию в общении; незначительный объем личностной информации об интервьюируемом; стремление коммуникантов к «сглаживанию острых углов» в общении; открытость интервью для международной информации; стремление журналистов и гостей студии к «прямолинейности» трактовки передаваемой информации.

Телевидение для российского журналиста – это: а) способ самопрезентации, б) способ получения интересующей его и телезрителей информации, в) возможность высказать собственную точку зрения на проблему.

Телевидение для американского тележурналиста – это: а) способ сообщения актуальной информации, ненавязчиво акцентируемой журналистом, б) стратегия уклонения от самопрезентации в пользу презентации информации или гостя студии, в) прием демонстрации демократического общения, «общения на равных», выражаемого в редком употреблении конфликтосодержащих реплик.

Телевидение для российского гостя студии – это: а) возможность «озвучить» свою собственную точку зрения относительно обсуждаемой проблемы, б) попытка убедить слушающих (журналиста и телезрителей) в своей правоте, в) возможность самопрезентации.

Для американского гостя студии участие в телеинтервью – это:
а) способ осветить значимую для общества информацию, б) озвучить свою точку зрения по высказанной проблеме, в) поддержать доброжелательную манеру в общении.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров. // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

Е.А. Плетнева

Функциональное наполнение формул извинения в английском и русском языках

Как известно, в любом языке существует большое количество многозначных речевых формул. Например, английское «Cheers» может быть тостом за столом, приветствием, благодарностью и даже прощанием.

Среди множества конвенциональных формул, которые широко исследуются на сегодняшний день, внимание исследователей привлекают и формулы извинения в разных языках. Некоторые ученые (Coulmas 1981, Edmonson 1981, Ратмайр 2003) связывают употребление формул извинения с выражением собственно речевого акта извинения, однако в то же время они отмечают, что извинения не совпадают в разных языковых культурах, поскольку, с одной стороны, ситуации извинения не идентичны в разных социокультурных сообществах, а с другой – формулы извинения в них не всегда служат для выражения самого извинения. Извинительные формулы, существующие в английском и русском языках давно известны, а их списки можно увидеть не только во многих научных работах, но и в различных учебных пособиях по иностранным языкам. Некоторые из этих языковых форм имеют в своей семантике соответствующий т.н. «извинительный» компонент, в семантике других языковых форм это значение может отсутствовать (например: «I took four bottles on Friday, but it was my birthday, you know, I was having a party and it was late so I borrowed some. I bought something to replace it»⁶. В то же время, многие языковые формы с извинительной семантикой могут употребляться для выражения других коммуникативных смыслов, при этом выражаемые ими смыслы в разных языках могут разительно отличаться (например: «A: Hallo! Daydreaming? – B: Sorry? – A: Thought you were in a trance... You look tired».

В данной статье мы рассмотрим функциональный диапазон следующих английских и русских формул, имеющих т.н. семантику извинения: «Sorry / I am so / very sorry», «Excuse me», «Pardon / I beg your pardon», «Apologize / Apologies»; «Прости(те) / Прошу прощения» и т.п., «Извини(те)/ Приношу (свои) извинения» и т.п. В фокусе рассмотрения будут находиться закономерности их употребления в двух языковых культурах

⁶ Приводимые в статье примеры почертнуты из художественной литературы, газет, словарей и художественных фильмов.

для выяснения существующих в них соответствий и несоответствий.

Очевидно, что диапазон употребления этих формул в рассматриваемых языках различен. Однако с помощью семантического анализа и описания языковых значений данных формул установить это довольно сложно именно из-за их семантической близости. Наиболее продуктивным для выявления диапазона употребления этих формул нам представляется прагма-лингвистический анализ, в рамках которого:

– языковые формы (формулы) служат инструментом для осуществления определенного коммуникативного действия (речевого акта), а процесс коммуникации описывается в терминах речевых действий, осуществляемых участниками общения в отношении друг друга,

– семантика языковых форм перестает играть решающую роль, а коммуникативное значение, выражаемое этими формулами, является конвенциональным.

При этом те речевые акты, которые реализуются в английском языке формулами извинения, в русском языке формулами не выражается, а реализуются другими языковыми средствами. Рассмотрим те типы речевых актов, которые реализуются формулами извинения в английском языке в сравнении с возможными речевыми актами, реализуемыми данными формулами в русском языке.

1. «Sorry»

1) Извинение:

Прежде всего, формула извинения «Sorry» используется для верbalного выражения социального действия извинения. В большинстве социокультурных сообществ необходимость в извинении появляется тогда, когда происходит нарушение неких конвенциональных норм, вне зависимости от того, был ли уже нанесен «ущерб» или нет. В этом контексте в русском языке используются формулы «Прости(те)», «Извини(те)», «Прошу прощения» и «Приношу (свои) извинения».

Ситуация извинения и в английском, и в русском языке может иметь два контекста реализации: т.н. «искреннее» извинение (где говорящий оценивает причиненный ущерб как серьезный, берет на себя вину за причинение данного ущерба и «искренне» пытается загладить свою вину, причем выражение искренности часто маркируется различными интенсификаторами и дополнительными речевыми актами, например, объяснения) и формальное / «ритуальное» извинение (где нормы социального взаимодействия требуют осуществления данного действия, не зависимо от важности причиненного ущерба, степени вины самого говорящего и его роли в данной ситуации). Например:

а) Искреннее извинение (*I'm so/very/sincerely sorry*) – “*When you threw my dream house that I built for you, you just stopped being my friend. – I'm so sorry, Matty.*” В подобной ситуации в русском языке наиболее частотным вариантом является следующая фраза: «Извини(те) / Прости(те) меня, (пожалуйста)», где возможный элемент «пожалуйста» будет лишь усиливать искренность говорящего.

б) Формальное / ритуальное извинение – "*I'm sorry. The tickets are sold out*". В ситуации формального извинения русским эквивалентом «Sorry» будут четыре фразы: «Извини(те)» и «Прости(те)», «Прошу прощения» и «Приношу (свои) извинения», поскольку в русском языке не существует единственной возможной и закрепленной за данным вариантом извинения формулы.

При этом можно заметить, что языковая семантика данных формул различается: в то время как английская формула «Sorry» реализует компонент сожаления (*I'm sorry*), а в фокусе находятся говорящий и его раскаяние, в семантике русских формул реализуется директивный компонент и побуждение адресата совершить действие прощения (Прости(те) меня).

Наряду с этим самым очевидным и хорошо изученным и описанным контекстом (ситуации извинения), существуют и иные контексты, где используется формула «Sorry» для реализации других коммуникативных смыслов.

2) Сожаление / Сочувствие:

Формула «Sorry» используется для реализации речевого акта Сожаления/Сочувствия в ситуации, когда ущерб, причиненный адресату, никак не связан с самим говорящим, который не несет никакой ответственности за произошедшее, однако разделяет чувства адресата и выражает свою солидарность с ним. Данный речевой акт в английском языке также реализуется в двух видах:

а) искреннее сожаление / сочувствие – "*I'm sorry to cause a problem, son. – No, no, that's not true!*"

б) формальное сожаление / сочувствие – "*I'm sorry, ma'am.. He's dead.*"

Важным моментом в рассмотрении данного речевого акта является то, что в английском и русском языке он понимается и выражается по-разному. В английской языковой культуре данное речевое действие проявляется, когда, например, говорящий выражает свое сожаление по поводу произошедшего негативного события для его собеседника и свое искреннее «*со-чувствие*». В русской же языковой культуре в диапазон значений формул извинения не входит функция выражения сожаления/сочувствия, а сожаление выражается, как правило, иным способом, а не посредством формул извинения. В то время как в английском языке фраза «*I'm (so) sorry*» используется «автономно» и служит для выражения собственно акта сожаления, в русском языке для выражения сожаления обычно используются другие языковые средства, а конструкции, содержащие в себе лексему «жаль» (как то: «Мне очень жаль, но ...», «К сожалению, ...», «Жаль, но ...») обычно употребляются в качестве вводных при введении негативной информации. (Ср.: «Вы слышали, соседку на «скорой» увезли? – Кошмар какой!»; «Уважаемые покупатели, к сожалению, наш магазин закрывается. Ждем вас за покупками завтра»). Таким образом, можно отметить, что в ситуации сожаления и сочувствия в

русском и английском языках не совпадает ни само речевое действие, ни языковая форма его реализации.

3) Соболезнование:

Соболезнование в английской языковой культуре является очень жестким ритуалом и проявляется в строго регламентированной ситуации: в случае смерти человека для выражения соболезнований его родственникам в межличностной коммуникации. В этом контексте данная формула фактически не имеет прямого эквивалента в русском языке и является строго ритуализированным актом выражения соболезнования. Например: “*My mom’s dead! – Oh, Mike, I’m so sorry.*” Еще одной формулой для выражения соболезнования в английском языке является формула «**Condolences**», которая в основном используется в письменной коммуникации. Например: «*We would like to take this opportunity to convey our heartfelt **condolences** to the families of the victims*».

В русском языке акт соболезнования выражается только в официальной обстановке при помощи формулы «**Прими(те) мои соболезнования**», а также в официальной переписке, в то время, как в общении с близкими людьми используются иные высказывания, целью которых является оказание моральной поддержки собеседнику (например, «*Какая потеря*», «*Какое горе*», «*Держись*»).

4) Просьба повторить сказанное:

Формула «Sorry» также используется в качестве **просьбы повторить сказанное**. Это директивный речевой акт, реализующийся в совершенно регламентированной ситуации, когда один из собеседников не услышал или не рассышал то, что сказал другой. Например: “*All right, Clever, outside. – I’m sorry? Outside? Should I bring my dueling pistols or my sword?*” В данном примере формула «Sorry» не несет в себе никаких извинительных смыслов, а является средством выражения побудительного значения. Другой английской формулой для выражения данного коммуникативного смысла является формула «Pardon» (см. ниже).

В русском языке аналогичную функцию выполняют другие формулы. Например, переспросы («*Что-что?*», «*Что ты сказал?*»). Извинения употребляются в них по своему «прямому» назначению, так как, используя их, человек извиняется за то, что не услышал сказанного. Повторить же сказанное он просит отдельно («*Простите, вы не могли бы повторить?*» / «*Простите, что вы сказали?*»). (Например: «*У вас часы есть? – Что, простите? – Который час не подскажете?*»).

2. «Excuse me»

Данная формула также имеет довольно широкий диапазон употребления в английском языке, будучи использована для реализации различных речевых актов. Языковая форма «Excuse me» используется в тех случаях, когда говорящий хочет привлечь внимание собеседника и одновременно совершить еще одно действие. Эти дополнительные речевые действия могут быть такими:

1) Просьба уступить дорогу – в ситуации, когда говорящий побуждает стоящего у него на пути человека посторониться и дать ему дорогу:

She was holding a videotape. I accompanied her into the living room, where she inserted the tape into the VCR. <...> It was then I realized that Kellie was really a medflight paramedic, and not merely a nurse on a ward. <...> 'Excuse me, excuse me,' she said on tape as they darted around people in the way.

В русском языке в этой ситуации говорящим используется просьба о разрешении: «Позвольте/разрешите/можно пройти?» – наиболее привычный вопрос для уха русскоязычного человека, который в некоторых случаях может быть предварен извинением за причиненное неудобство (например: «Извините, пройти можно?»). В данной ситуации в русском языке, в отличие от английской речевой культуры, извинение выступает в качестве отдельного речевого акта, предваряющего вопрос-побуждение, а не в качестве косвенного побуждения. Кроме того, в русской языковой культуре, как правило, не ожидается вербальной реакции на просьбу освободить дорогу; обычно тот, кому адресовано побуждение освободить дорогу, молча отступает в сторону, давая говорящему пройти. В английской языковой культуре, напротив, вербальная реакция ожидается. В качестве такой реакции используется ритуальный РА извинения, причем часто извиняются оба коммуниканта. Например: "*Excuse me. – Sorry. – Sorry.*" В данной ситуации видно, что формула «Excuse me» используется в качестве побуждения, а две реактивные формулы «Sorry» являются средствами осуществления речевых актов извинения, первая из которых будет означать «Простите, что помешал вам пройти», а вторая, со стороны говорящего, инициировавшего данный обмен репликами, может быть развернута в высказывание «Простите, что побеспокоил тем, что мне необходимо пройти».

2) Установление коммуникативного контакта – данная формула используется при обращении, чаще всего, к незнакомому человеку в общественных местах (улица, магазин, различные учреждения). Например:

I opened my window just enough to hear what the man wanted. He was young, clean cut, folding a map and struggling with it. "Excuse me." He smiled helplessly. "Can you tell me how to get back on Sixty-four East from here?"

В русском языке для совершения аналогичного коммуникативного действия, как правило, используются обращения, включающие номинации вроде «Девушка», «Молодой человек», «Мужчина», хотя наряду с ними могут использоваться и формулы извинения («*Извини(me)*», «*Прости(me)*», «*Прошу прощения*»). (Например: «*Девушка, на следующей не выходите?*»; «*Прошу прощения, а тетради у вас есть?*»)

3) Перебивание собеседника в разговоре – данное речевое действие осуществляется в ситуации, когда говорящий перебивает своего собеседника, прерывая поток речи и пытаясь вступить в разговор и

выразить свою точку зрения. Например: “*Excuse me, but I can't agree here.*” Данный РА в русском языке реализуется формулой «*Простите/Прошу прощения, но ...*».

4) Прерывание общения – в ситуации, когда человек прерывает свое общение с собеседником для осуществления другого вида деятельности (ответить на телефонный звонок, выйти на минуту, быстро переговорить с кем-то еще и т.п.). Например:

'Bridge, what are you doing here?' 'What does it look like?' I snapped.
'Excuse me, I'm in a hurry.' I burst into the cubicle.

В подобной ситуации в русском языке возможно употребление всех имеющихся формул извинения, например: «*Извини(me)*», «*Прости(me)*», «*Прошу прощения*», поскольку в русской языковой культуре не существует строго регламентированного способа для осуществления данного речевого действия.

3. «Pardon?» / «I beg your pardon?»

Данная конвенциальная формула, произносимая с восходящей интонацией (отмеченной на письме знаком вопроса) в английском языке используется для выражения единственного коммуникативного действия – просьбы повторить сказанное. Например: “*Well Potter ... I expect you know why you are here? – Ye-no! – I beg your pardon? – No.*” Несмотря на свою языковую семантику, включающую компонент значения извинения, данная форма, так же как и формула «*Sorry*», рассмотренная выше в аналогичной ситуации, не выражает значения извинения, а является средством реализации побудительного РА просьбы повторить сказанное.

В то время как в английском языке эта формула строго специализирована для реализации одного РА (переспрос), в русском языке переспрос, как уже указывалось выше, выражается посредством вопросов побуждения («Не могли бы вы повторить?»), при этом извинение также может использоваться, но это будет уже отдельный речевой акт.

4. «I apologize» / «Apologies»

Перформативный глагол «*Apologize*» с семантической точки зрения наиболее ярко и полно выражает значение извинения. Формулы, включающие в себя данную лексему («*I apologize*», «*Apologies*»), используются для осуществления РА извинения: формального – в официальной ситуации общения, когда собеседники могут быть незнакомы друг другу, и «искреннего» – в нейтральной обстановке межличностной коммуникации. Кроме того, данная формула всегда используется при выражении публичных извинений официальными лицами и институтами от лица официального органа или организации. Например: “*I apologize. The line wasn't easy during our talk to X. Our apologies.*”; “*Apologies once again to X. A piece in yesterday's diary contained an offensive and sexist reference to her gender.*”

В русском языке для этой цели также используются специальные языковые средства – обычно это существительное «извинения», употребляемое в составе определенных синтаксических конструкций,

например: «Редакция приносит свои извинения», «Мы приносим свои извинения».

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, количество формул извинения в английском и русском языках различается – в английском таких формул и их вариантов больше. Диапазон употребления этих формул в двух языках также различен. Так, в русском языке формулы извинения используются преимущественно для выражения извинения и разных его вариантов (искреннего, формального), единственное исключение – речевой акт контактоустановления. И даже если речь идет о другом речевом акте, то речевой акт извинения осуществляет лишь поддерживающую роль (при переспросе или при побуждении).

В английском же языке сферы действия рассмотренных формул извинения достаточно жестко разделены, т.е. там, где используется одна формула, практически не используется другая (за исключением «Sorry» и «Pardon»), причем разделение этих сфер действия происходит по разным основаниям (так, например, это может быть совершение различных речевых действий).

Несовпадение диапазонов употребления рассмотренных формул в двух языковых культурах наглядно показывает, что для адекватного их использования изучающим язык и культуру в процессе коммуникации необходимо опираться не на их семантическое значение, а на особенности их речеактного использования.

Литература

1. Ратмайр, Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. — М., 2003.
2. Coulmas, F. Poison to your soul: Thanks and apologies contrastively viewed.// Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech, edited by F. Coulmas. - The Hague & New York, 1981.
3. Edmonson, Willis J. On saying you're sorry. // Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech, edited by F. Coulmas. - The Hague & New York, 1981.

С.Е. Тупикова

Этикетный жанр «комплимент» в русском и английском языках

*(Работа выполнена при поддержке совета
по грантам Президента РФ. Грант МК-2318.2006.6)*

В настоящее время речевой этикет как важнейший компонент этикетного поведения человека занимает одно из центральных мест в лингвистических исследованиях. Сложность и многогранность

проблематики речевого этикета, с одной стороны, а также стремление к более адекватному отражению этого явления, с другой, привело к бурному развитию в исследований этого вопроса.

Об этом свидетельствует огромное количество работ, рассматривающих различные аспекты теории речевого этикета. Эти вопросы попали в поле зрения лингвистов с 60-х гг. XX в., точнее, в 1967 г., когда В.Г. Костомаров впервые ввел термин “речевой этикет” (Костомаров 1967). После этого началось собственно научное изучение системы речевого этикета, нашедшее свое продолжение и развитие в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов. Определенно наблюдается расширение рамок прагматических исследований: явления речевого этикета изучаются не только в плане классификации этикетных формул, но и в деятельностном аспекте (Сусов 1988, Федосюк 1997).

Речевой этикет представляет собой систему «устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 413). Это означает, что речевой этикет не просто составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания и т.д. (Копыленко 1971; Титц, 1977; Ле Ван Нян, Листрова 1979; Формановская, 1982), но и связан с семиотическим и социальным понятием этикета вообще, а следовательно, осуществляет регулирующую роль в выборе того или иного регистра общения, что проявляется в конкретных речевых актах (Арутюнова 1981; Демьянков 1981; Колесов 1988; Пиирайнен 1996). Именно поэтому человеческое общество выработало особую систему ритуалов и формул, которые позволяют установить контакт и поддерживать доброжелательную тональность верbalьного общения.

Комплексный анализ языка позволяет глубже проникнуть в характер и причины изменений речевого этикета внутри каждого социума, каждого языка, обусловленных изменениями в обществе, общественном и личном сознании коммуникантов, а также в самом языке.

Речевой этикетный жанр *комплимент* в русской и английской коммуникативных культурах развивался по-разному, менялся под воздействием явлений как лингвистического, так и экстравербального свойства. Нами была предпринята попытка выявить прагмалингвистические характеристики этого речевого жанра данных коммуникативных культур.

Комплимент – это восхваление каких-то качеств, которые действительно есть (или адресат считает, что они есть), но они восхвалены слегка в преувеличенном виде. Отправной точкой для анализа форм выражения комплимента служит диалогическая речь. В обществе уже давно

существует устоявшийся ритуал комплимента. Комплимент, сказанный тактично и в уместной ситуации, поднимает настроение, улучшает межличностные отношения.

Комплимент настраивает на положительное отношение к оппоненту. Комплимент всегда приятен, уместно употреблять его в начале разговора, при встрече, знакомстве или во время беседы и даже при расставании. Выбор подходящего комплимента происходит с учетом: обстановки общения, разницы социального положения и возраста коммуникантов, степени родства, близости собеседников.

Комплимент может употребляться как сам по себе, так и в составе других речевых жанров, например, речевого жанра просьбы, приветствия, знакомства, благодарности и т.п. Иногда этикетный речевой жанр *комплимент* можно отграничить от речевого жанра *похвала* только за счет привлечения довольно широкого контекста.

Анализ речевого жанра комплимента в русском и английском языках показал, что существуют различные типы комплиментов, и они употребляются в соответствующих коммуникативных культурах с разной частотностью, которая зависит также и от исторического периода.

Следует отметить некоторые универсальные явления, характерные в этой связи для русского и английского языков. Так, во второй половине XX в. резко повышается количество комплиментов профессиональным качествам и умениям людей, в то время как количество комплиментов внешности в целом и отдельным внешним атрибутам, хотя и сравнительно медленно, но уменьшается. Нам представляется, что это связано с известной сменой приоритетов в обществе. Вместе с тем процент комплиментов внешним качествам и проявлениям личности все же остается весьма высоким, что объясняется, на наш взгляд, самим характером данного речевого жанра как чисто этикетного.

При сопоставлении частотности употребления различных типов комплимента в русском и английском языке выявлено, что в русской коммуникативной культуре преобладают комплименты внешнему виду человека в целом, в то время как в английской коммуникативной культуре первое место занимают комплименты внутренним, моральным качествам человека, что иногда приводит к затруднениям при попытке разграничить упомянутые речевые жанры.

- *Лена, до чего ты хороша!..* (Булгаков).

“*Your are the best creature I have ever met*” (Forbes).

Вместе с тем в английской литературе XIX в. также наблюдается некоторое преобладание комплиментов внешнему виду, например:

“*You are extraordinarily attractive to women. And your greatest charm is that you don't realize it*” (Collins).

Универсальным для обоих языков является сохранение и широкое использование жанра комплимента как яркого проявления речевого этикета на протяжении последних двух столетий. В обоих языках наблюдается определенное возрастание удельного веса комплиментов

внутренним, особенно профессиональным, качествам личности при некотором снижении количества комплиментов внешности.

Стоит также отметить тот факт, что если комплимент, относящийся к внешности собеседника, чаще адресован женщине, то комплимент, характеризующий нравственные и профессиональные качества, чаще адресован мужчинам. Возможно, это связано с тем, что в обоих обществах существует стереотип, что для женщины важнее внешние данные, чем профессиональные, а для мужчины – наоборот.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата// Изв. АН СССР, сер. Лия, 1981. – Т. 40. – Вып. 4. – С. 356-367.
2. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения // Изв. АН СССР, сер. Лия, 1981. – Т. 40. – Вып. 4.
3. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л., 1988.
4. Копыленко М.М. Наблюдения над этикетом обращения//Международный симпозиум “Страноведение и преподавание русского языка как иностранного”. – М., 1971.
5. Костомаров В.Г. Русский речевой этикет//Русский язык за рубежом. – 1967. - №1.
6. Ле Ван Нян, Листрова Ю.Т. Некоторые этикетные формулы в русском языке и преподавание их вьетнамцам //Сопоставительно-семантические исследования русского языка. – Воронеж, 1979. – С. 129-134.
7. Пиирайнен И.Т. Вежливость как категория языка // Вопросы языкоznания. – 1996. - № 6. – С. 100-105.
8. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система //Языковое общение: процессы и единицы. - Калинин, 1988. - С. 7-13.
9. Титц Г. Этикетные формулы обращения в современном русском языке: Автореф. дисс... канд. филол.наук. – Воронеж, 1977.
10. Федосюк М.Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи. //Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 60-73.
11. Формановская Н.И. Вы сказали: “Здравствуйте!” (Речевой этикет в нашем общении). – М.: Знание, 1982.

Раздел 7. Сопоставительная лингвокультурология

О.Н.Чарыкова, О.И.Мусаева
**Деривационный критерий
в лингвокультурологическом исследовании**

Как известно, лексические единицы национального языка обладают разной степенью аксиологичности в сознании его носителей. Одни лексемы характеризуются частотностью употребления, другие используются в коммуникации чрезвычайно редко. Степень

востребованности языковой единицы в речевом общении обуславливается степенью значимости репрезентируемого ею концепта в концептосфере данной лингвокультурной общности.

Следует также отметить, что в коммуникативном акте одна и та же ментальная сущность может быть представлена как предмет мысли или как качество, признак, действие, приписываемое предмету мысли. Соответственно, концепт будет, как правило, объективирован в первом случае посредством существительного, во втором – посредством прилагательного или глагола. Именно фактор коммуникативной интенции говорящего определяет, в какой грамматической ипостаси будет выступать актуализируемый им в данном речевом акте концепт. Это обуславливает существование морфологических дериватов исходной лексической единицы.

Кроме того, согласно закону Шпербера, лексика, наиболее активно употребляемая носителями языка, чаще приобретает переносные значения, образуя метафоры, то есть подвергается семантической деривации.

На основе всего выше сказанного представляется вполне правомерным использование деривационного критерия для выявления степени аксиологичности лексической единицы в языковом сознании этноса.

Рассмотрим это на примере лексических единиц, объединённых семантическим компонентом «растение» в русском и испанском языках. Объектом исследования явились лексемы, получившие в сопоставляемых языках метафорическое значение.

Как показывает анализ, самой многочисленной в русском языке является группа с интегральной семой «**компонент растения**», включающая вместе с производными лексемами **98 единиц** (37 из которых объединены также семантическим компонентом «**плод**»): бальзам, бревно, ветвь, ветка, разветвить, разветвиться, разветление, разветвленный, дубина, заноза, занозистый, зерно, колода, кора, коряwyй, корень, корениться, коренной, кореш, корешок, выкорчевать, выкосить, кряж, кряжистый, луковица, луковка, маковка, отросток, охвостье, пень, поросьль, расщепить, развилина, роза, розетка, розовый, семя, сиреневый, скорлупа, смола, соломка, стебель, ствол, терние, труха, хворост, цвет, маxровый, цветсти, цветистый, цветущий, цветник, отцвести, процвести, процветание, процветать, пустоцвет, расцвет, расцвести, шелуха, шип; вишневый, груша, изюминка, каштановый, клубничка, кофейный, лимонный, малина, малиновый, миндальна, миндальный, морковный, огурчик, оливковый, перец, плод, толстокожий, бесплодный, небесплодный, плодовитый, плодить, плодиться, расплодить, расплодиться, репей, рябина, рябиновый, свекольный, фига, фисташковый, фрукт, чечевица, чечевичка, шишка, яблочко, ягодка, ячмень.

Анализ показал, что с позиции морфологического словообразования наиболее востребованными в русской картине мира оказались такие компоненты растений, как *цвет* (*цветок*) (9 производных лексем с данным

корнем), *плод* (7 производных лексем), *ветвь* (5 производных лексем), *корень* (4 производных лексемы), *роза* (2 производные лексемы).

В плане семантической деривации из общего числа анализируемых единиц 15 являются многозначными. Наибольшее количество семем приобрела лексема *розетка* (8 значений), затем по степени убывания следуют: *ствол* (6), *цветистый* (5), *корякий* (5), *разветвление* (4 значения), *ветвь* (3), *зерно* (3), *цвести* (3), *цветущий* (3), *процветать* (3), *расцвести* (3), *корень* (3), *корениться* (2 значения), *луковица* (2), *луковка* (2), *роза* (2), *семя* (2), *стебель* (2), *отцвести* (2).

В подгруппе «плоды» наиболее значимой в аспекте морфологической деривации является лексема «плод» (семь производных лексем с данным корнем). Остальные единицы не имеют дериватов. В аспекте семантической деривации полисемия обнаружена только у трёх лексем: *шишка* – 3 значения, *бесплодный* – 2 значения, *перец* – 2 значения.

В испанском языке также наиболее многочисленной является группа **«наименования компонентов растения»**, включающая 36 единиц, 11 из которых имеют общий семантический компонент «плод»: *corteza* (кожура), *flor* (цвет, цветок), *florear* (украшать цветами), *floreo* (украшение), *florecer* (цвести), *florecente* (цветущий), *florentísmo* (очень цветущий), *florero* (цветочница), *floridez* (обилие цветов), *florido* (цветущий), *florilegio* (собрание трудов), *florón* (украшение); *lila* (сирень, сиреневый), *raíz* (корень), *rama* (ветвь), *ramal* (ответвление), *ramificación* (разветвление), *ramificarse* (разветвляться), *ramilla* (веточка), *ramillete* (букетик), *ramo* (ветка), *rosa* (роза), *roseta* (розетка), *semilla* (семя), *semillero* (рассадник), *tronco* (ствол), *tronchar* (свалить); *aceitunado* (оливковый), *aguacate* (авокадо), *ajo* (чеснок), *almendra* (миндаль), *badea* (бахчевой плод с плохой внутренностью), *bellota* (желудь), *breva* (фига), *fruto* (плод), *naranja* (апельсин), *naranjas* (апельсины).

Критерий морфологической деривации даёт основания утверждать, что наиболее востребованными в испанской картине мира оказались такие компоненты растений, как *flor* (цветок - 10 производных лексем) и *rama* (ветка - 6 производных лексем).

В аспекте семантической деривации больше всего значений имеют лексемы *flor* (цветок - 13 значений), *tronco* (ствол - 10), *rosa* (роза - 8), *roseta* (розетка) имеет 6 значений, *rama* (ветвь - 6), *florecer*, *florear* (цвести; украшать цветами – по 5 значений), *ramal* (ответвление - 3), *ramillete* (3), *corteza* (кора - 2), *florido* (цветущий - 2), *raíz* (корень - 2), *tronchar* (свалить - 2 значения).

В подгруппе «плоды» наибольшим количеством значений обладают лексемы: *almendra* (миндаль - 7 значений), *breva* (плод смоковницы - 5), *bellota* (желудь - 4), *fruto* (плод - 2), *badea* (бахчевой плод - 2).

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что лексемы, составляющие в сравниваемых языках группу «наименования компонентов растения», достаточно часто подвергаются морфологической и семантической деривации. Это обусловлено спецификой

репрезентируемых ими концептов. Концепты «часть растения» формируются в практической деятельности человека, связанной с такими важными жизненными потребностями, как питание, защита от отрицательного влияния внешней среды (постройка жилища, обогревание жилища, кормление животных), а поэтому занимают важное место в концептосфере человечества. Многие из данных концептов являются универсальными, общечеловеческими. Соответственно, лексемы, называющие данные ментальные сущности, широко употребляются в языке и активно образуют морфологические и семантические дериваты. Поэтому метафоры, возникшие на основе данной лексики, тоже могут иметь универсальный (межъязыковой) характер.

Группа лексических единиц, объединенных семантическим компонентом **«фаза биологического существования растений»**, является следующей по численности и в русском, и в испанском языках. В русском языке вместе с производными лексемами она включает **32 наименования** (зеленый, зрелость, зрелый, зреТЬ, незрелый, перезрелый, перезреТЬ, созреТЬ, неувядаемый, неувядаЮщий, отпочковаться, поспеть, привить, привиться, расТИ, росток, прирастИ, взрастИТЬ, расТИТЬ, срастИСЬ, разВИТЬся, распустИТЬся, сеять, отсеять, отсеяться, рассеять, рассеянный, усеять, сорвать, сохнуть, уродиться, чахлый, чахнуть).

Наиболее полно в плане морфологической деривации представлен глагол зреТЬ (шесть производных лексем), а также глаголы *растИ* и *сеять*, имеющие по пять производных лексем.

В плане семантической деривации из анализируемых лексических единиц 6 являются многозначными. Наибольшее количество семем у лексемы *сорвать* (11 значений), далее по степени убывания следуют: *распуститься* (5), *зрелый* (4), *незрелый* (4), *созреТЬ* (4); *растИТЬ* (2).

В испанском языке группа **«фаза развития растений»** насчитывает вместе с производными **19 единиц**: *agraz* (незрелый виноград), *agrazar* (быть кислым), *brotar* (прорастать, распускаться), *brote* (росток), *estéril* (бесплодный), *fecundo* (плодородный, плодовитый, плодотворный), *fértil* (плодородный), *germinar* (прорастать, зародиться), *germen* (проросток, зародыш), *lozanear* (иметь свежий вид), *lozanía* (свежесть), *lozano* (свежий, сочный), *maduramente* (зрело), *madurar* (зреТЬ), *madurativo*, *madurez* (зрелость), *maduro* (зрелый), *precoz* (скороспелый, преждевременный), *prematuro* (недозрелый, преждевременный).

Наиболее релевантной в плане морфологической деривации для испанского языкового сознания является лексема *madurar* (зреТЬ), имеющая 4 производные единицы. 2 производные имеет лексема *lozanía* (свежесть, сочность), по одной производной - глагол *brotar* (прорастИ, распустИТЬся) и существительное *agraz* (незрелый виноград). Остальные единицы не имеют дериваторов. Самое большое количество семем у лексем *maduro* (зрелый – 5 значений), далее по убыванию: лексема *brotar* (прорастИ, распустИТЬся - 4), *maduro* (зрелый - 4), *precoz* (скороспелый,

преждевременный - 3), *fecundo* (плодородный, плодовитый, плодотворный - 2).

Деривационная активность указанных единиц обусловлена тем, что в языке отражено стремление человека соотнести себя с окружающим миром, поэтому лексемы, называющие фазы существования растения, широко используются и метафорически переосмыляются для названия периодов жизни человека, а также для номинации других явлений окружающей действительности.

Наиболее важны и для русского, и для испанского языка лексема *зрелый* (*maduro*), имеющая наибольшее количество семантических и морфологических дериватов, а также лексическая единица *росток* (*germen*).

Следующей по степени убывания в обоих языках является группа «**название растения**» (в русском языке **32 наименования**): *анис, васильковый, горошек, дерево, деревянный, одеревенелый, одеревенеть, дуб, дубовый, дурман, ёлочка, куст, липа, липовый, лопух, мимоза, мухомор, плевел, плесень, пшеничный, салатный, табачный, тина, травянистый, трюфель, хмель, шафранный; дичок, перекати-поле, поганка, скороспелка, сморчок.*

В плане семантической деривации полисемия выявляется у лексем *дурман* и *скороспелка*, которые имеют по два значения. Морфологические дериваты имеют лишь три лексические единицы: *дерево* (три производных лексемы), *дуб* и *липа* (по одной производной).

В испанском языке группа «**наименование целого растения**» включает **8 единиц**: *acíbar* (алоэ), *agrazón* (дикий виноград), *árbol* (дерево), *bravío* (дичок), *cizaña* (плевел), *cizañar* (сеять вражду), *lapa* (репейник), *naranjo* (апельсиновое дерево).

Только одна лексическая единица имеет производную: *cizaña* (плевел). Многозначной является лексема *árbol* (дерево), имеющая 6 значений. Лексема *cizaña* (плевел) имеет 2 значения. Другие лексические единицы не имеют ни морфологических, ни семантических дериватов.

В рамках исследуемого материала выявляются также лексические единицы, объединенные семантическим компонентом «**группа растений**». В русском языке данное тематическое объединение включает **11 наименований** (производных нет): *букет, венчик, мутовка, сноп*, а также существительные, в семантическую структуру которых входит дополнительная сема «**место произрастания**»: *дебри, житница, лес, оазис, сад, рассадник, цветник*.

В данной группе лексических единиц 4 производных значения имеет лексема *сад*, по два производных значения имеют слова *сноп* и *дебри*. Ни одна лексическая единица не имеет морфологических дериватов.

В испанском языке количество метафоризуемых лексем, объединённых семантическим компонентом «**группа растений**», тоже невелико: **3 лексемы**, в том числе два существительных, в семантическую структуру которых входит дополнительная сема «**место произрастания**»

(производных нет): *buqué* (букет), *bosque* (лес), *floresta* (чаща). Только одна лексема является полисемантичной (*bosque* (лес) – 2 значения). Ни одна лексическая единица не имеет морфологических дериватов.

Вероятно, входящие в данную группу единицы имеют мало семантических и морфологических производных потому, что признаки, свойственные объектам, называемым этими лексемами, не имеют высокого аксиологического статуса в русской и испанской национальных картинах мира.

Анализ представленного материала позволяет утверждать, что степень значимости того или иного элемента внеязыковой действительности в национальной картине мира определяется полнотой его презентации в языковом сознании. В качестве критериев релевантности могут выступать деривационные факторы – морфологическая деривация, то есть образование однокоренных слов, и семантическая, то есть количество производных значений. Таким образом, деривационный критерий является важным фактором выявления наиболее актуальной для данной этнической общности лексики, а, следовательно, и аксиологического статуса презентируемых ею концептов.

О.В. Минаева

Символика чисел в контексте французской, немецкой и русской языковых культур

«Число» как номинативная единица лексического уровня, как факт языка представляет собой универсальное явление, свойственное всем, по крайней мере, европейским языкам. Его универсальность обусловлена выполняемой им в языке функцией, которая заключается в номинировании строго определенного количества дискретных объектов – абстрактных и конкретных, одушевленных и неодушевленных. Структура лексического значения «числа» включает, помимо денотативного цифрового значения, коннотативную семантическую часть, которая объективирует дополнительные смыслы, возникающие под интегративным воздействием национальной лингвокультуры. В разряд таких семантических коннотативных составляющих попадает и то, что принято называть национальной символикой «числа» в различных этнокультурах.

Прежде чем приступить к изложению нашей точки зрения на символику чисел, считаем необходимым уточнить значение термина «символ», в котором оно употребляется в настоящей статье. Для этого мы воспользовались дополняющими друг друга дефинициями, приведенными в двух словарях. Согласно словаря *Dictionnaire de linguistique* «*un symbole est la notation d'un rapport – constant dans une culture donnée – entre deux éléments (la balance est symbole de la justice) < ... > F. de Saussure note «un lien naturel entre le signifiant et le signifié».*

О мотивированности связи означаемого и означающего как релевантном признаке значения «символа» говорит в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахманова: «Символ – знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной».

Объектом нашего внимания в настоящей статье является именно символика «числа». Мы делаем попытку проследить доминирующие тенденции развития указанного смысла путем сопоставления трех лингвокультур: русской, французской и немецкой.

Для русского языка характерно преобладание библейских числовых символов, закрепленных узусом в виде фразеологических единиц и паремий.

Здесь наиболее частотными являются числа «3» и «7». «Тройка» символизирует, прежде всего, триединство ипостасей Бога: Бог-отец, Бог-сын и Святой Дух. Вера в троицу отразилась на восприятии русскими числа «3», которое заключает в себе сакральный религиозный смысл и, как следствие, положительно коннотировано для носителей русского языка. Отсюда и мнение, что на третий раз все получится: «*Бог любит троицу*», «*Без троицы и дом не строится*», «*Один карась сорвется, другой сорвется, а третий, бог даст, и попадется*», а также включение числа «3» в фольклорные произведения. Так, в сказках обычно камень на распутье предлагает богатырю *три* пути, отправляют за *тридевять земель*, в *тридесятое царство*, у отца *три* сына или *три* дочери, золотая рыбка исполняет *три* желания, «*три девицы под окном...*», *три* богатыря и т.д.

Немаловажную роль данное число играет и в традиционных ритуалах. Так, например, у древних славян существовал погребальный обряд *тризна*, служащий для изгнания злых духов. В современном языке данное слово используется как часть фразеологизма «*совершать тризну*» и понимается главным образом как поминки. Очевидна связь с современным обычаем поминать усопших на 9-й (3×3) день.

Число «7» в библии полисимволично: семь архангелов, семь церквей из Апокалипсиса, семь ангелов вострубили в Откровении, семь вселенских соборов, признаваемых православием, семь смертных грехов и мн. др. По нашему мнению, широкая употребительность цифры «7» в устойчивых выражениях русского языка связана с подсознательным преклонением перед божественным началом этого числа. В многочисленных фразеологических сочетаниях с цифрой «7» библейский контекст явно не прослеживается, они скорее относятся к области быта, нравов, уклада жизни русского народа: Ср. *семь раз отмерь, один раз отрежь; у семи нянек дитя без глазу; семеро одного не ждут; один с сошкой – семеро с ложкой; суп из семи круп; семь бед – один ответ; семи смертям не бывать, а одной не миновать; за семь верст киселя хлебать; семь верст до небес и все лесом; семь пядей во лбу; на седьмом небе от счастья* и др.

Показательным является и отношение к числу «13». У русских, в отличие от многих других народов, сохранилась четкая связь между библейским представлением о дьяволе, как тринадцатом ангеле, и самим

числом «13». Отсюда суеверный страх перед этим числом: Ср. «чертова дюжина».

Таким образом, для русской культуры характерно обрастание цифровых номинаций дополнительным сакральным, мистическим смыслом.

В немецкой культуре цифровое значение также способно порождать различные этнокультурные коннотации, многие из таких коннотированных единиц служат для обозначения человека. Так, О.И. Быкова (Быкова 2005) выделяет обширную группировку субстантивированных числительных, выступающих в функции числовых антропонимов. Такие лексические единицы служат символическими обозначениями человека:

1. по роду занятий, профессии:

der Achtundachtziger (88-й) – булочник

der Neunundneunziger (99-й) – аптекарь

der Zweihundertachtzehner (218-й) – врач-гинеколог

2. по внешности:

der Neunundneunziger (99-й) – кривоногий человек

3. по характеру и манере поведения:

der Tausendsassa - (1000) – ловкий, бедовый парень; ловелас, сердцеед

der Fuzziger – (50 пфеннигов) – неискренний человек, лицемер

4. по интеллектуальным способностям:

der Neunundneunziger (99-й) – ограниченный, недогадливый человек

der Tausendsassa - (1000) – разносторонне одаренный человек

5. по убеждениям, политическим взглядам человека:

der Achtundvierziger – (48-й) – участник революции в Германии в 1948 года или симпатизирующий ей человек

der Achtundsechziger – (68-й) – активист студенческого движения 1968 года.

В отличие от немецких, французские числовые номинации лишены яркой, оригинальной этнокультурной коннотации. Они не несут в себе и того сакрального смысла, который свойственен русским числам. Для французов характерен скорее pragmatический подход к числам. Числа здесь служат для придания образности высказыванию или для выражения оценки, и являются лишь инструментом, вспомогательным средством вербализации. Ср. *de deux jours l'un* – через день; *qui toque l'un, toque l'autre* – если заденешь одного, то и другой обидится; *bâton à deux bouts* – палка о двух концах; *mettre les deux bouts ensemble* – найти правильное решение; *boiteux de trois jambes* – хромающий на обе ноги; *un brave à trois poils* – храбрец; *se sentir à quatre* – с трудом сдерживаться; *fendeux de fils en quatre* – педант; *couper un liard en quatre* – дрожать над каждым грошом; *avoir ses jambes de quinze ans* – быть молодым, бодрым; *vingt têtes, vingt avis* – сколько голов, столько умов и др.

Осуществленный анализ дал возможность выявить обусловленность подхода носителей того или иного языка к числу-символу спецификой их национального психотипа, национального менталитета.

Так, религиозным и суеверным русским присуще сакральное отношение к числовым символам: положительно коннотированы числа «угодные Богу» и, наоборот, числа, вызывающие ассоциации с «нечистой силой», неизбежно получают отрицательную коннотацию. Сказанное не означает, что в русской культуре отсутствует числовой символизм, свободный от религиозного подхода к числу. Это подтверждается существованием многочисленных фразеологических единиц, в состав которых входят числовые символы, коннотативный смысл которых никак не связан ни с религией, ни с суевериями.

Для французской лингвокультуры характерно явное преобладание асакральных чисел. Объяснить это можно, как мы полагаем, рационализмом французов, их трезвым мировосприятием, умеренностью в проявлении чувств, в том числе и религиозных.

Что касается немецких числовых антропонимов, то их обилие можно объяснить такой чертой национального характера немцев, как стремление к порядку, точнее – к упорядочению оязыковления окружающей действительности. Отсюда присвоение символического номера людям различных профессий, интеллектуальных способностей и т.д.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). – Воронеж, 2005.
3. Dictionnaire de linguistique / J. Dubois, M. Giacomo, L. Guespin et autres. – P.: Librairie Larousse, 1973.

А. В. Токарчук

Понятие «ум» в русской и английской гендерной паремии

В XX в. стало принято различать два типа пола человека: биологический (sex) и социо-культурный (gender). Пол – явление биологическое и традиционно используется для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Однако, помимо биологических отличий, между людьми существует разделение их социальных сфер деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Эти «внебиологические» различия привели к необходимости ввести понятие «гендер», означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола (Воронина 2002).

Западные гендерные исследования выросли из феминистской идеологии и, возможно, поэтому проблема пола в западной культуре обладает

большой значимостью, чем в русской. На сегодняшний день признак биологического пола получает все более очевидную социо-культурную реальность, вызывая в сознании устойчивые стереотипы с традиционными социальными ролями, исполняемыми в определенной культуре представителями того или иного пола. Под гендерными стереотипами понимаются «социально конструируемые категории «маскулинность» и «фемининность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов; и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желаемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» (Basow 1992, с. 17).

Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и обнаруживают все его свойства. Стереотипы поведения, обладающие гендерной спецификой, представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожидания от представителей того или другого пола определенного типа поведения.

Несмотря на то, что попытки исследования гендерного фактора в паремии предпринимались, к настоящему времени в лингвистической литературе не существует его сравнительного описания в английских и русских пословицах и поговорках.

Представления о мужественности и женственности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, "наивной картине мира". Вместе с тем, стереотипизация и ценностная шкала гендера не одинаковы в разных культурах. Различаются также и социальные роли мужчин и женщин в рамках конкретной национальной культуры.

Социокультурная обусловленность пола делает правомерным изучение факторов отражения гендерных стереотипов в языке. Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. Эта регламентация отражается в языке в виде пословиц и поговорок, например: *Все бабы дуры*; *Волос долгий, ум короткий*; *Женщина - это, прежде всего, мать*; *Муж - глава семьи*. Язык, таким образом, является одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменении во времени. Весьма показательным в этом отношении является паремический пласт языка.

Под паремией понимается устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречения, пригодное для употребления в дидактических целях (Савенкова, с. 67). Как правило, к паремии относят пословицы и поговорки.

Паремия с выраженной гендерной спецификой (далее гендерная паремия) включает различные аспекты бытия – как практического

характера: дом, труд, хозяйство; так и эмоционально-духовного: любовь, верность, ум.

Таким образом, гендерные исследования и поговорки можно подразделить на несколько подгрупп в зависимости от предмета высказывания. Внутри этих подгрупп, в свою очередь, можно выделить определенные лексико-семантические акценты. П. В. Чесноков вводит термин «логема» – логико-семантическая единица обобщенного характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий. Логема выступает в качестве обобщающей исходной мысли, объединяющей группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремиологическом фонде (цит. по: Савенкова, с. 46).

Понятие «ум», выраженное в русской и английской гендерной перемии, можно свести к двум логемам:

- 1) ум женщины;
- 2) ум мужчины.

В выделенных логемах четко выделяются 4 подгруппы:

- умная женщина;
- умный мужчина;
- глупая женщина;
- глупый мужчина;

Первые два аспекта отражаются в логеме (1) – «Мужчина и женщина наделены умом, мудростью». При этом среди всех характеристик мужчин и женщин по уму в английских паремиях подгруппа **умный мужчина** составляет 20 % (*A little boy often harbours a great soul. Men have many faults, poor women have but two, there is nothing right they say and nothing right they do*); подгруппа **умная женщина** – 27, 3 % (*A woman's advice is no great thing, but he who won't take it is a fool. Women in mischief are wiser than men. A woman's instinct is often truer than a man's reasoning*).

В русских паремиях подгруппа **умный мужчина** составляет 37, 5 % (*От мудрого мужа совет приемли. Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал. Мужик сер, да ум у него не волк съел*); а подгруппа **умная женщина** – 15, 4% (*Добрая кума прибавит ума. И красавице ум не помеха*)

В состав логемы (2) входят аспекты, указывающие на глупость и наивность людей противоположных полов. Так, в английском языке подгруппа **глупый мужчина** составляет 80 % (*Send a fool to the market and a fool he will return again. Teach a fool to bow with grace and he would fall flat on his face. It could happen to a bishop! Even Homer sometimes nods. No man is wise at all times. Every man has a fool in his sleeve. An old man is no better than a baby. A woman's instinct is often truer than a man's reasoning.*); а подгруппа **глупая женщина** – 72, 7 % (*The woman's life was easy until she made it busy – she bought herself a pig! Long hair and short wit. A woman's advice is best at dead lift. Tell a woman she is fair, and she will soon turn a fool. A wit of a woman is great matter. Men have many faults, poor women have but*

two, there is nothing right they say and nothing right they do. Women in state affairs are like monkeys in glass shops. A wise woman is twice a fool).

В русском языке подгруппа **глупый мужчина** составляет 62, 5 % (*Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет. Из хама не сделаешь пана. На всякого мудреца довольно простоты. Города росла – разуму не принесла. Сын дураков уж сроду таков*); а подгруппа **глупая женщина** – 84, 6 % (*И на старуху бывает проруха. Не знала баба горя, купила баба порося. У бабы волос долог, да ум короток. Баба знай свое кривое веретено! Кто девку хвалит? Отец да мать. Старуха с ума съехала, что старая собака со скирды. У жены коса длинная, да память короткая. Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал. Добрая кума живет и без ума. Дура не дура, а ума нет. Не крепка жена умом – не закрепиши тыном*).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В русском и английском языках обнаруживается сходство понятий и представлений о женском и мужском уме, связанные с длиной волос, возрастом, родственными отношениями. В то же время представления о женском и мужском уме в английской и русской паремиях несколько разнятся. Судя по процентным показателям, можно условно считать, что в русской паремии мужчина выглядит в 1,5 раза умнее женщины, а в английской – мужчина выглядит в 1,5 раза глупее женщины. Вероятно, оценочные показатели женского интеллекта в англоязычной культуре являются следствием борьбы феминисток за свои права.

Литература

1. Воронина О. А. Гендер // Словарь гендерных терминов. – М., 2002.
2. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Дону, 2002.
3. Basow, S. A. Gender Stereotypes and roles. – Pacific Grove., 1992.

Е. Г. Зубкова

Древнеанглийская и русская народная загадки: жанровая специфика

Загадка традиционно считается фольклорным жанром, который отличают особые формы отражения действительности. «Ответы древних оракулов, поучения кельтских друидов, предсказания вещих людей обыкновенно облекались в этот таинственный язык и в кратких изречениях ходили в народе, как выражения высшего разума и правдивого взгляда на жизнь и природу» (Афанасьев 1995, с. 14). Сходную мысль о культурном значении феномена загадки высказывает А. Я. Гуревич: «Важнейшие сведения о возникновении и устройстве мира подаются ... нередко в форме загадывания и разгадывания загадок. Таков был широко распространенный способ приобретения знания в древних культурах» (цит. по: Костюхин 2004, с. 246).

Несмотря на то, что эти формы отражения действительности отличаются на разных стадиях развития фольклорного коллектива и имеют определенную национальную обусловленность, в загадке можно выделить ряд общих характеристик. Исследователи жанра (Кёнгэс-Маранда Э., Левин Ю. И. и др.) называют **двусоставность** и **метафоричность** основными особенностями загадки, дополнительно к которым мы выделяем **мифологизм** и **антропометричность**. Рассмотрим данные характеристики на примере англосаксонской и русской народной загадки.

Со времен Аристотеля известно, что большинство загадок построено на метафоре. Кодирующая часть всегда содержит термин, который составляет пару с термином в отгадке, и метафора образуется за счет соотнесения этих двух терминов (Кёнгэс-Маранда 1984, с. 51). Как справедливо отмечает А. Н. Афанасьев, «вся трудность и вся сущность загадки именно в том и заключается, что один предмет она старается изобразить чрез посредство другого, какой-нибудь стороныю аналогического с первым» (Афанасьев 1995, с. 13).

Двусоставность загадки можно исследовать с точки зрения ее структуры, семиотической природы и функционирования. Сторонники **структурного** подхода понимают загадку как единицу, состоящую из образной части, которая загадывается, и ответа, который предполагает противоположная сторона (Кёнгэс-Маранда 1984, с. 50-51).

Загадку можно считать объектом **семиотического** исследования, поскольку «сознательная зашифрованность отношения знака (текста загадки) к денотату (отгадке), являющаяся принципом существования загадки, дает повод для изучения проблемы отношения знака к денотату» (Левин 1978, с. 283).

Функционирование загадки напрямую зависит от наличия в ней загадывающего и отгадывающего. Обязательная ориентация загадки на собеседника позволяет говорить о ее дискурсе, который понимается как «текст в ситуации реального общения» (Карасик 2002, с. 285).

С точки зрения структуры принцип двусоставности (кодирующий текст – отгадка) в англосаксонских загадках нарушен, так как загадываемые концепты в текстах не представлены. Переводчики на современный английский язык восстанавливали отгадки, используя латинские аналоги. Концептосфера древнеанглийской загадки представляет собой симбиоз языческого и христианского миропонимания, с превалированием последнего.

В силу нарушения структуры загадки, образная часть превращается в самостоятельное произведение, маленькую поэму, отводя отгадке факультативную роль. Элементарные знаки (лексемы) организуются в тексте в соответствии с канонами древнеанглийской эпической литературы, которую отличают аллитерационное стихосложение, нанизывание синонимов и внутренняя рифма. Двухчастность древнеанглийской загадки проявляется в образной части. Кодирующий текст можно условно разделить на собственно описательную часть и

призыв отгадать то, что метафорически описывается, как в загадке о корабле:

*This world is adorned in diverse ways,
decorated with rare ornaments.
I saw a strange contraption, a fine traveler,
grind against the grit and move, screaming.
The strange creature couldn't see; it had
no shoulders, arms or hands; this oddity
has to move on one foot, travel fast
over the salt-fields. IT had many ribs,
and a mouth in its middle, useful to men.
It carries food in plenty, performs a service,
each year it yields men a gift used
by rich and poor. Tell me if you can,
O man of wise words, what this creature is.*

Такое деление кодирующего текста позволяет сохранить основной принцип существования жанра загадки – ориентацию на собеседника, ее дискурсивность.

Метафоричность и антропометричность англосаксонской загадки реализуется при помощи уподобления, которое является разновидностью метафоры. Персонификация происходит за счет использования лексем, денотирующих части человеческого тела, предметы одежды, родственные или социальные отношения. Частотно использование сложносоставных слов, элементы которых соединяются на основе метафорического переноса, например: *keen-ground*, *earth-race*, *storm-stacked*. Реже используются кеннинги – сочетания слов, метафорически описывающие предмет или явление. Так, волна может описываться как *sea-horse*, *salt-field*.

Мифологизм древнеанглийской загадки имеет двойственную природу. С одной стороны, концептосфера загадок восходит к архаической традиции обожествления природных сил. Среди загадываемых концептов мы можем встретить «шторм», «луна», «солнце» и т. п. С другой стороны, в описательной части встречаются лексемы, денотирующие мифические существа древнегреческой и древнеримской мифологии «*siren*», «*zephyr*», «*Vulcan*». Кроме того, антропометричность, столь свойственная загадке, тесно связана с мифологическим мировоззрением, при котором человек не выделял себя из окружающего мира и приписывал предметам и явлениям не свойственные им характеристики из-за неспособности выявлять причинно-следственные связи, делать обобщения и вырабатывать абстрактные понятия. В качестве точки отсчета при описании действительности мифологическое сознание выбирало человека и его микрокосм (части тела, родственные отношения, одежда и т. д.).

Использование в текстах древнеанглийских загадок рунических знаков, искусством прочтения которых владели немногие, дает возможность предположить, что загадыванием и отгадыванием загадок занимался особый социальный класс.

Структура русской народной загадки предполагает обязательное наличие образной (метафорической) части и отгадки. Отгадка может участвовать в формировании стилистических черт, определяющих описательную часть загадки, – таких, как аллитерация, рифма или отбор согласных в словах. Но чаще всего отгадка лишена образности, а иногда загадка и отгадка составляют единое целое: *Что в избе гадко? – Кадка* (Костюхин 2004, с. 247).

По мнению В. Г. Сибирцевой, двухчастная структура загадки отражает соотношение концептуальной и языковой картин мира. Кодирующая, образная часть является воплощением картины мира средствами языка, которая представлена семантическими полями и разнообразными по характеру ассоциативными связями слов, выступающими в качестве дополнительного источника познания. «Концептосфера загадок представляет собой проекцию тематической рубрикации отгадок, обогащенную потенциальными смыслами и включающую культурно-этническую информацию» (Сибирцева 2003, с. 7). Концептосфера загадок концентрирует свое внимание на человеке, частях его тела, его жилище со всем убранством, рабочем инвентаре, ремеслах, торговле, общественных отношениях, верованиях, явлениях природы, флоре и фауне, небе и земле и т. д. – на всем, с чем сталкивается человек в повседневной жизни и в своих размышлениях о ней (Барабанова, Пермяков 1984, с. 96).

Отметим, что в силу бытовой тематики загадываемых концептов, участниками дискурса русской загадки являлись представители крестьянского класса. Как правило, загадки загадывали в переломные моменты человеческой жизни, например, на святках, по приезде в дом невесты (Костюхин 2004, с. 245).

Языческая природа русской народной загадки отражается и в других жанрах фольклора – песнях, обрядах и, особенно, сказках. В свадебных обрядах используются загадки для испытания жениха и дружки. Обряд испытания зрелости человека также включает загадывание загадок. В русских народных сказках загадки являются одним из элементов сюжета и входят в состав разнообразных задач, которые задаются как испытание силы главного героя и его магического помощника (Пропп 1986, с. 305).

Антрапометричность русской народной загадки реализуется через категорию метафоричности на уровне описательной части и бытовую тематику на уровне отгадок. Персонификация (уподобление) и метафора являются ведущими средствами организации лексем.

В русской загадке сталкиваются два предмета – описываемый и загадываемый, что приводит к возникновению странной, даже фантастической картины: *Лежит баран – не столько шерсти на нем, сколько ран (колода, на которой рубят дрова); В хлеву у быка копна на рогах, а хвост на дворе у бабы на руках (ухват с горшком); Сивая кобыла по полю ходила, к нам пришла – по рукам пошла (сито); Сквозь лошадь и корову свинью лен волокут (тачать сапоги)* (Афанасьев 1995, с.13).

В заключение отметим, что двусоставность, метафоричность, мифологизм и антропометричность англосаксонской загадки и русской народной загадки определяют их как жанр и служат для фиксации результатов познавательного процесса.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Происхождение мифов, метод и средства его изучения // Поэтические возврзения славян на природу. – М., 1995. – Т. 1. – С. 5-29.
2. Барабанова Н. В., Пермяков Г. Л. О логической структуре некоторых русских загадок: К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации // Паремиологические исследования. – М., 1984. – С. 96-104.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
4. Кёнгэс-Маранда Э. Теория и практика анализа загадок // Паремиологические исследования. – М., 1984. – С.47-60.
5. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору. – М., 2004.
6. Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка. Структура. Смысл. Текст. – М., 1978. – С. 283-314.
7. Пропп. В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
8. Сибирцева В. Г. Языковая картина мира в русской загадке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2003.

Т.Ю. Тамерьян

Кросс-культурные исследования национальной ментальности

Поиск этнокультурной специфики языкового сознания рассматривается как средство познания своей и чужой культуры в ее предметной деятельности и ментальной форме. Онтология межкультурного общения предполагает знание чужой культуры хотя бы одним из коммуникантов. Эта онтология создает благоприятные условия для анализа своего и чужого сознания, поскольку именно сопоставительный анализ двух и более национальных сознаний, изучение их «стыка» и взаимодействий, позволяет выявить то, что обычно скрыто или предстает в искаженном виде перед исследователем, работающим с гомогенным сознанием. Именно поэтому кросс-культурные исследования являются одним из наиболее эффективных инструментов изучения содержания сознания.

Национальный менталитет проявляется как своеобразие видения личностью окружающего мира и специфика реагирования личности на этот мир. Относясь к когнитивной сфере личности, менталитет выражается в стереотипах поведения, типичных для данной культуры, стереотипах принятия решения, в традициях и обычаях.

А. Хачирти, подчеркивая важность такого этнопсихологического явления, как менталитет, пишет: «У осетин менталитетные отношения

круются вокруг таких вопросов, как «старший» и «младший», «мужчина» и «женщина», «гость» и «гостеприимство», «прошлое» и «настоящее», «кровь» и «кровные отношения», «проблемы национального развития», «этикет и этикетные отношения», «человеческое достоинство или несостоятельность» и т.д., именно то, из чего составляется духовное лицо данного народа, его «Я» или многозначительное «Мы» (Хачирти 1999, с. 240).

Национальный характер, являясь, по существу, частью менталитета как интегральной характеристики психологических особенностей людей, принадлежит к определенной культуре и понимается «как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки» (Дубов 1999, с.22).

Нами проведено экспериментальное сравнение черт характера осетин, русских и англичан по методу шкалирования. Уровень проявления качеств оценивался по шестибалльной шкале градаций (0 – 5), что позволило обеспечить адекватность восприятия степени качества. Полученные данные представлены в таблице 1 в процентных соотношениях. В эксперименте приняло участие 100 человек – 70 осетин и 30 русских.

Таблица 1

Сравнение черт характера осетин, русских и англичан

Черты характера	осетины	русские	англичане
Энергичность	70.0%	81.5%	67.0%
Гостеприимность	95.2%	79.7%	21.1%
Открытость, простота	52.4%	100%	29.3%
Надежность, верность	39.1%	86.1%	40.0%
Миролюбие	81.0%	95.1%	62.6%
Лень	100%	72.8%	51.2%
Рациональность	74.8%	51.4%	100%
Лицемерие, хитрость	92.2%	54.1%	61.4%
Терпеливость	61.6%	99.0%	95.5%
Скрытность	80.1%	34.6%	100%
Свободолюбие	86.8%	73.0%	60.1%
Воспитанность	65.9%	73.8%	95.3%
Непрактичность	52.0%	81.0%	39.1%
Зависть	98.4%	69.2%	55.5%
Безответственность	73.1%	83.1%	28.4%
Готовность прийти на помощь	65.7%	94.6%	50.0%
Религиозность	60.4%	80.3%	94.1%
Чувство собственного достоинства	90.9%	58.2%	85.2%
Заносчивость	97.0%	56.1%	65.1%
Эгоистичность	92.6%	54.8%	98.0%
Почтительность по отношению к старшим	87.7%	58.3%	31.2%
Жестокость	44.0%	40.1%	65.2%
Трудолюбие	56.2%	64.6%	82.1%
Скупость	68.1%	46.1%	98.1%

Властолюбие	94.7%	58.4%	54.1%
Навязывание своих обычаев другим	68.0%	48.9%	65.4%

Выявленные в результате свободного эксперимента методом самооценки черты характера, наиболее свойственные осетинам, представлены ниже:

Таблица 2

Черты характера осетин

Черты характера мужчин	Частота	Черты характера женщин	Частота	Черты характера, свойственные мужчинам и женщинам	Частота
1.Вспыльчивость	84.5%	1.Мудрость	84.3%	1.Доброта	75.6%
2.Темпераментность	79.2%	2.Сдержанность	81.2%	2.Гостеприимство	100%
3.Горячность	68.1%	3.Стеснительность	49.6%	3.Уважение к старшим	91.2%
4.Дерзость	52.4%	4.Уступчивость	70.4%	4.Соблюдение традиций	89.5%
5.Необузданность	44.5%	5.Строгость	31.5%		
6.Властность	92.8%	6.Консерватизм	79.6%		
7.Общительность	68.9%	7.Сварливость	64.2%		
8.Веселость	53.4%	8.Скрытность	56.7%		
9.Целеустремленность	34.9%				
10.Эмоциональность	49.2%				
11.Чувство собственного достоинства	84.1%				

Представления о стереотипах национального характера, входящих в языковую картину мира, отражают связанные со словами культурные представления и традиции. Следующий эксперимент по сравнению черт характера осетин, русских и англичан проходил в рамках лексической семантики (Шмелев 1990, с.185-195).

Понятие ассоциации, исследуемое в психолингвистике, тесно связано с понятием коннотации, но если ассоциации, связанные со словом, могут быть индивидуальными, то коннотации, как правило, передают общепринятые ассоциативные нормы, т.е. служат источником сведений о стереотипах сознания. Эксплицитно заданный контекст ограничивает степень свободы ассоциаций. Лексико-семантический эксперимент в результате проведения двух тестов выявил следующие стереотипы национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов:

Таблица 3

Черты характера осетин

№	Дескриптор	Реакция	Частота
1	Гостеприимный .	Гостеприимен, щедр, хлебосолен	94.2%

2	Доброжелательный	Доброжелателен, добр	61.0%
3	Воспитанный	Воспитан, вежлив, культурен	67.4%
4	Самоуверенный	Самоуверен	91.0%
5	Эгоистичный	Эгоистичен, самолюбив	94.5%
6	Уважительный по отношению к старшим	Уважителен по отношению к старшим	86.2%
7	Честолюбивый	Честолюбив, горд	89.5%
8	Соблюдающий традиции	Соблюдает традиции	89.7%
9	Непунктуальный	Непунктуален, неточен, опаздывает	94.0%
10	Сдержаный	Сдержан, себе на уме, держит дистанцию в общении	68.9%
11	Ленивый	Ленив	93.1%
12	Вспыльчивый	Горячен, темпераментен, дерзок, необуздан	89.8%

Таблица 4

Черты характера русских

№	Дескриптор	Реакция	Частота
1	Простодушный	Простодушен, прост, недальновиден, добродушен	98.1%
2	Искренний	Искренен, открыт	84.8%
3	Целеустремленный	Целеустремлен	52.3%
4	Неуверенный	Неуверен, сомневается	64.8%
5	Терпеливый	Терпелив, упорен	95.1%
6	Душевный	Душевен	59.3%
7	Верующий	Верующий в Бога, христианин, православный	86.4%
8	Скромный	Скромен, сдержан	74.9%
9	Трудолюбивый	Трудолюбив, работяга	67.8%

Таблица 5

Черты характера англичан

№	Дескриптор	Реакция	Частота

1	Вежливый	Вежлив, воспитан, джентльмен, имеет хорошие манеры	97.5%
2	Педантичный	Педантичен, пунктуален, точен	100%
3	Сдержаный	Сдержан, холоден в общении, отчужден, неэмоционален	98.9%
4	Подтянутый	Подтянут, опрятен, спортивен	88.2%
5	С чувством юмора	Имеет своеобразное чувство юмора	94.6%
6	Спокойный	Спокоен, невозмутим	72.4%
7	Азартный (болельщик)	Азартен в спорте	94.4%
8	Консервативный	Консервативен, привержен традициям	92.8%

Тест I представляет собой свободную интерпретацию псевдотавтологий. Псевдотавтологические конструкции подразумеваются как отрицательную (X есть X), так и положительную оценку (X – это X).

Информанту предъявлялись фразы *Осетин есть осетин; Русский есть русский; Англичанин есть англичанин* и давалась инструкция ответить на вопрос: «Если бы вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?».

Тест II требует заполнения пропуска в диагностических конструкциях: 1) с производным от этнонима наречием *Он по-осетински ...; Он по-русски ...; Он по-английски ...*; 2) со сравнительным оборотом *Как истинный осетин, он ...; Как истинный русский, он ...; Как истинный англичанин, он ...*; 3) с союзом *но* типа *Он осетин, но он ...; Он русский, но он ...; Он англичанин, но он ...*. Инструкция информанту: «Заполните пропуск в следующем предложении, подставив любое выражение, обозначающее свойство характера».

Результаты тестирования (Тест I) показали, что 10% опрошенных давали интерпретацию, не эксплицирующую черты характера, а отражающую пороки, слабости или недостатки. Так, например, *Осетин есть осетин (Русский есть русский)* интерпретировали как «Осетины (русские) много пьют» или *Англичанин есть англичанин* как «Англичане становятся варварами как спортивные болельщики».

Анализ результатов Теста II обнаружил совпадения наиболее частотных характеристик с Тестом I. Низкочастотные характеристики (ниже 10% реакций) не рассматривались.

Реакции, представленные (квази)синонимами, составляют единый дескриптор. Относительная частота дескрипторов, превысивших пороговую величину, отражает характеристику, принадлежащую стереотипу данного национального характера в сознании билингвов-осетин и монолингвов-русских. Данные четырех экспериментов по

сравнению черт характера осетин, русских и англичан, совпадают по основным показателям.

В результате проведенных экспериментов были выявлены следующие стереотипные черты этнических характеров: **осетины** - гостеприимность, соблюдение традиций, почтительное уважение к старшим, готовность прийти на помощь, миролюбие, чувство собственного достоинства, свободолюбие, властность, вспыльчивость, непунктуальность, лень, скрытность, лицемерие; **русские** - открытость, искренность, надежность, терпеливость, миролюбие, гостеприимство, готовность прийти на помощь, религиозность, непрактичность; **англичане** - рациональность, терпеливость, скрытность, вежливость, педантичность, чувство собственного достоинства, консерватизм, сккупость, чувство юмора, спортивный азарт.

Таким образом, традиционное сознание этноса практически гомогенно. Оно составляет комплекс культурных представлений, связанный с этнической картиной мира. В основе мировидения лежит система предметных значений, стереотипов и когнитивных схем. Традиционное сознание основывается на этнической картине мира и проявляется как своеобразие видения окружающего мира и моделей поведения. Национальный характер является частью менталитета как интегральной характеристики личности.

Литература

1. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ//Вопросы психологии. - 1993. - № 5.
2. Хачирти А. Публистика. – Владикавказ, 1999.
3. Шмелев Д.Н. Парадоксы идентификации//Логический анализ языка. Торжество и подобие. Сравнение и идентификация. – М., 1990.

Раздел 8. Сопоставительные исследования и перевод

Л. И. Зубкова

Проявление национального своеобразия русских антронимических моделей в переводе (на материале перевода рассказов В. Шукшина на английский язык)

У каждого народа свои традиции именования людей, свои этикетные нормы, и в каждом языке существуют свои антропонимические формулы, сложившиеся в процессе культурно-исторического развития страны. Они строятся в соответствии со структурой конкретного языка и отражают социальные особенности культурного мышления и духовной жизни каждого народа. Развёрнутая антропонимическая формула именования

человека, принятая в русской лингвокультурной общности, – это полное трехкомпонентное описательное именование лица, реализующее максимальную его идентификацию с учетом официальной обстановки, социальной принадлежности именуемого в определенный исторический период времени.

Функционирование в русском языке уникальной трехсловной формулы официального именования лица «имя + отчество + фамилия» (И+О+Ф), а не двухсловной «имя + фамилия» (И+Ф), как у остальных европейских народов, вызывает интерес с точки зрения ее перевода, в частности на английский язык. Рассмотрение существующих антропонимических норм в России в сопоставлении с нормами Великобритании через художественный перевод проводилось нами с целью выявления национально-культурных особенностей русской антропонимической традиции.

Если при использовании однокомпонентной модели именования национально-культурные особенности русского личного имени собственного связаны не с самой структурной моделью, а с формами и вариантами имен, то в двухкомпонентной и трехкомпонентной моделях с участием отчеств (И+О и И+О+Ф или Ф+И+О) сами структуры именования являются национально-маркированными.

В русском языке трехкомпонентная модель чаще всего используется в интродуктивной функции, что находит отражение в произведениях В. Шукшина, например: *-... а мне, пожалуйста, сообщите вашу фамилию. – Соловников Георгий Николаевич* (В.Шукшин. Шире шаг, маэстро!). Она характерна для официального стиля. Транскрибируя каждый компонент триединой формулы, переводчик сохраняет и последовательность элементов: – “and tell us what yer name is”. –“*Solodovnikov, Georgy Nikolayevich* (Step Out, Maestro! Перевод Mary Cook).

Отметим, что именование по структурной формуле Ф+И+О, имеющее в русском речевом этикете официальный характер, в большинстве случаев в анализируемых произведениях переводится на английский язык с изменением последовательности компонентов: фамилия ставится на третье место. Например: *- Надо ехать в Образцовку к директору совхоза. Ненароков Николай Васильевич* (В.Шукшин. Шире шаг, маэстро!). —“*To Obraztsovka, to the farm director, Nikolai Vasilievitch Nenarokov* (Step out, Maestro! Перевод Mary Cook). Приведем еще аналогичные примеры перевода трехкомпонентной модели: *Гребеникова Алла Кузьминична* (В.Шукшин. Суд) — *Alla Kuzminichna Grebenchikova* (The Fatback, перевод Holly Smith); *Пупков Бронислав Иванович* (В.Шукшин. Миль пардон, мадам!) — *Bronislav Ivanovich Pupkov* (I Beg Your Pardon, Madam! Перевод Holly Smith); *Кузовников Николай Григорьевич* (В.Шукшин. Выбираю деревню на жительство) — *Nikolai Grigorievich Kuzovnikov* (A Village to Call Home, перевод Holly Smith). Такой порядок следования структурных компонентов делает восприятие русского именования более

понятным для английского читателя, поскольку для английской антропонимической системы постановка фамилии после имени является нормой.

Мы отмечаем случаи изменения не только порядка следования, но и состава компонентов модели именования в переводе. Например, в рассказе «*Stepan in Love*» (В.Шукшин. Стёпкина любовь) двухкомпонентная модель И+О, характерная для именования взрослого человека в русскоязычной культуре, была передана переводчиком Robert Daglish только именем: *Egor Северьяныч, глядя на Ваську, прошёл и сел. — Yegor, staring at Vaska, seated himself, then looked round at his son.* В то же время, переводя сцену общения сына с отцом, переводчик учитывает национально-культурные особенности русского речевого этикета – именование отца по имени-отчеству – и в данном случае транскрибирует и отчество в его разговорной форме: — *Хочу жениться. — Ну? Кого хочешь брать? — поинтересовался Егор Северьяныч, отец Степана.— “Well? Who to?” Yegor Severyanich, his father, asked with interest.*

В некоторых примерах формула И+О при переводе заменяется формулой И+Ф или просто одним именем. Например: *Судья смотрел на Аллу Кузьминичну, кивая головой* (В.Шукшин. «Суд»). — “*The judge looked at Alla Grebenschchikova and shook his head* (The Fatback, перевод Holly Smth); *Через неделю старикам пришла телеграмма: «Квасову Анисиму Степановичу. Ваш брат Григорий Степанович скончался двенадцатого. Просим передать. — Семья Квасовых»* (В.Шукшин. Земляки). — *A week later the old couple received a telegram: “To Anisim Kvasov. Your brother Grigory passed away on the 12-th. He asked us to let you know. Kvasov family”* (Men of One Soil, перевод Robert Daglish). В русском речевом этикете в то время, которое отражает В. Шукшин, официальная форма общения предполагала обращение по имени-отчеству, формула «имя + фамилии» использовалась только применительно к детям, хотя она допустима была в отношении взрослых людей, занимающих определенные должности, например, артистов, писателей, спортсменов.

Учителя же, согласно русским этикетным нормам, именуются по имени-отчеству независимо от возраста. В следующем примере перевода отмечается нарушение русской этикетной нормы: *В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зеленецкие – муж и жена. Сергей Юрьевич – учитель физкультуры, Ирина Ивановна - пения* (В.Шукшин. Сураз). — *That spring two new people came to live in the village Yasnoye, Sergei and Irina Zelenetsky, both teachers, husband and wife. Sergei was a physical education instructor, Irina taught singing* (The Bastard, перевод Robert Daglish). Нарушение этикетных норм и утрата официального характера именования из-за исключения отчества из состава трехкомпонентной формулы отмечается и в других случаях. Так, имя молодого работника районной прокуратуры *Георгия Константиновича Ваганова* в рассказе В.Шукшина «Страдания молодого Ваганова» передано на английский язык как *Georgy Vaganov* (The Sorrows

of Young Vaganov, перевод Mary Cook). Неоправданная замена встречается и в переводе рассказа В.Шукшина «Крепкий мужик», где имя бригадира *Шурыгина Николая Сергеевича* передано как *Nikolai Shurygin* (The Tough Guy, перевод Mary Cook).

Чтобы передать официальную тональность представления по имени-отчеству, переводчик Robert Daglish использует следующие трансформации: транскрибирует разговорную форму *Пашка* вместо документальной *Павел* и вводит фамилию, отсутствующую в тексте оригинала, тем самым показывая смену тональности общения: - *Тебя как зовут-то? – Меня-то? Павлом. Павел Егорыч* (В. Шукшин. Классный водитель).— *Pashka. Pavel Egorovich Kholmansky* (The Classy Driver). Ситуация общения в pragматическом аспекте стала более понятной английскому читателю, для которого отчество может служить лишь вторым именем, тогда как фамилия указывает на официальность представления при знакомстве.

Отметим, что проведенный анализ формул именования персонажей в художественных переводах произведений В.Шукшина подтвердил наличие в русском языке на фоне английского национально-культурных особенностей структурных моделей именования в отношении следования компонентов и их состава.

Ю.В. Кокунова

Способы перевода термина (на материале английского и русского языков)

Среди наиболее актуальных проблем современного профессионально ориентированного перевода ученые все чаще выделяют перевод термина. Суть этого процесса сводится к поиску лексического эквивалента в языке перевода (ПЯ) для термина исходного языка (ИЯ). Эквивалентом термину ИЯ считается информативно и функционально равнозначная единица ПЯ. Ученые, занимающиеся проблемами юридического перевода, единодушны во мнении, что этот вид профессионально ориентированного перевода более чем другие, сталкивается с трудностями выявления терминологических эквивалентов. Это обусловлено спецификой самой профессиональной сферы коммуникации: правовые системы разных государств – это продукт многовекового взаимодействия национальных исторических, социальных, религиозных, культурных факторов. В результате этого знания в соответствующих областях структурированы различными способами, что на практике выражается в концептуальных расхождениях. Правовые системы более закрыты, консервативны и менее подвержены воздействиям извне, как на уровне понятий, так и на уровне языка. Для правовой коммуникации более, чем для другой, актуальна сила традиции, что влияет на деятельность переводчика в плане выбора лексических средств и приемов перевода.

Интересной представляется ситуация со словом *хакер*, заимствованным из английского языка способом транслитерации (англ. *hacker*). В англоязычных словарях основным значением этой лексической единицы является *специалист высокого уровня по компьютерам, компьютерным программам, информационным технологиям*:

1. A **hacker** is a person who creates and modifies computer software and computer hardware, including computer programming, administration, and security-related items. The term usually bears strong connotations, but may be either positive or negative depending on cultural context (see the Hacker definition controversy). - <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/hacker>
2. A person who writes programs in assembly language or in system-level languages, such as C. The term often refers to any programmer, but its true meaning is someone with a strong technical background who is "hacking away" at the bits and bytes. - <http://computing-dictionary.thefreedictionary.com/Hacker>

В толковом словаре нет значений *hacker* с пометой о принадлежности этой лексической единицы к правовой коммуникации, хотя в отдельных дефинициях встречаются семантические компоненты, которые связывают ее с этой сферой:

1. **Hacker** noun [C] a person who is skilled in the use of computer systems, often one who *illegally* obtains access to private computer systems (Cambridge Dictionary of American English)
2. **Hacker** – (...) 4) a person who *illegally* gains access to and sometimes tampers with information in a computer system (Cambridge Dictionary)

Определение *illegally* (незаконно) свидетельствует о противозаконности деятельности хакера. Любопытные факты о семантической истории этого слова содержатся в электронной энциклопедии:

Hackers Have a Bad Name

During the 1990s, the term "hacker" became synonymous with "cracker," which is a person who performs some form of computer sabotage. The association is understandable. In order to be an effective cracker, you had to be a good hacker, thus the terms got intertwined, and hacker won out in the popular press. However, sometimes, hackers are not even worthy of the original meaning of the term. Today, a lot of malicious acts are performed by people with limited knowledge who gain unauthorized entrance into computers to steal data or perform mischief. See cracker, hack, samurai and script kiddie.

(<http://computing-dictionary.thefreedictionary.com/Hacker>)

Оказывается, негативные значения, относящиеся к противоправным действиям, попали в семантическую структуру *hacker* из семантической

структуры другого английского слова *cracker*, которое изначально именовало преступников такого рода, благодаря схожести их профессиональной деятельности и, возможно, звучания:

1. Cracker (computing), a person who engages in illegal system cracking or software cracking, circumventing computer security systems; also known as a black hat hacker. - <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/hacker>
2. **crack·er** One that cracks, especially: (...) **d.** One who makes unauthorized use of a computer, especially to tamper with data or programs. - <http://www.thefreedictionary.com/cracker>
3. A person who breaks into a computer system without authorization, whose purpose is to do damage (destroy files, steal credit card numbers, plant viruses, etc.). Because a cracker uses low-level hacker skills to do cracking, the terms "cracker" and "hacker" have become synonymous with the latter becoming the most widely used term. See hacker, ECPA, CFA and virus. - <http://computing-dictionary.thefreedictionary.com/Cracker>

Вместе с тем ни та, ни другая единица не стали юридическими терминами и не зафиксированы в специальных словарях по юриспруденции (Legal Dictionary).

В русскоязычной культуре слово *hacker* используется прежде всего как наименование определенного вида преступника, «взломщика» компьютерных систем. В электронном словаре

(<http://www.multitran.ru/c/m.exe?HL=2&L1=1&L2=2&EXT=0&s=hacker>)

среди множества профессионально ориентированных (и потому терминологических) значений находим также связанные со сферой права лишь косвенно, по наличию определенных семантических компонентов в дефинициях:

hacker суц.

безоп.

компьютерный пират; хакер

бизн.

программист высшего класса

выч.

эксперт (в какой-л. области знаний); знаток (конкретной программы); плодовитый программист (быстро пишущий хорошие программы); взломщик

выч., сл., пр

хэкер; хэкеры; цвет общества

оф.

комп.

знаток конкретной программы; программист-фанатик; хакер;
цвет сообщества программистов

проф.

хэкер (отдающий все свое время работе на ЭВМ и изучающий все её возможности)

сеть.

"взломщик" программ; знаток НВА адаптер шины главного

компьютера НСР главный коммуникационный процессор
программист-злоумышленник (использующий свою
квалификацию для несанкционированного доступа к ЭВМ);
программист-энтузиаст; эксперт

Вместе с тем в Большом Юридическом Словаре слово *хакер* зафиксировано, что прямо свидетельствует о его принадлежности к правовой сфере и статусе термина:

ХАКЕР (англ. Hacker) - лицо, совершающее различного рода незаконные действия в сфере информатики: несанкционированное проникновение в чужие компьютерные сети и получение из них информации, незаконное снятие защиты с программных продуктов и их копирование, создание и распространение компьютерных "вирусов" и т.п. Действия Х. образуют различные составы уголовных и гражданских правонарушений. В законодательстве РФ термин не применяется. (http://law-terms.astcom.ru/6513_haker/)

ХАКЕР жанрово остается в рамках общеупотребительной лексики и имеет функциональную ограниченность: термин не может использоваться в письменной документации регламентирующего характера. Действия хакеров составляют уголовные преступления, существует само понятие, но в русском языке в сфере письменного законодательства нет соответствующей терминологической единицы. В законодательстве РФ, даже в статьях УК РФ, посвященных проблемам компьютерного терроризма, нет термина для этого понятия. Переводчик здесь сталкивается с терминологическим пробелом. В зависимости от характера текста, его функциональной направленности и типа реципиента возможны три варианта перевода *hacker* на русский язык: транслитерация – *хакер*, калька – *взломщик* (эти варианты зафиксированы в словаре) приемлемы в специализированных текстах по технике и информатике или в сфере непрофессионального общения; описательный вариант – *лицо, совершающее различного рода незаконные действия в сфере информатики...* – единственно эквивалентный и адекватный именно для юридических документов – является фрагментом дефиниции толкового юридического словаря. Отметим, что объем описательного варианта может варьироваться в зависимости от конкретной цели перевода.

В. А. Федоров

Сопоставление структурных схем французского и русского языков не получило до сих пор распространения в работах лингвистов, тем не менее, в связи с развитием такого направления в языкознании, как когнитивная лингвистика, усиливается интерес к изучению структурных схем, которые не только имеют определенную последовательность словоформ (форму), но и обладают концептуальным содержанием. В этом плане наиболее перспективным представляется исследование глубинного содержания (типовй пропозиции) структурной схемы, то есть того, что понимается некоторыми исследователями как синтаксический концепт (Попова, Стернин 1999, с. 21). Новый подход к систематизации простых предложений русского языка с учетом синтаксического концепта структурной схемы предложен Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой (Волохина, Попова, 2003, с. 7). Мы придерживаемся в данной работе мнения вышеупомянутых авторов в понимании означаемого структурной схемы как синтаксического концепта (типовй пропозиции высказывания), который вербализируется в виде определенной структурной схемы.

Семантическое содержание структурной схемы *il est possible/impossible* выражает мнение говорящего лица по отношению к определенному факту действительности или ситуации, то, что Шарль Балли определяет как модус (Балли 1955, с. 44), а другие авторы понимают как субъективно-модальное значение, говоря о наличии в предложении объективной и субъективной модальности (Грамматика-70). Правомерно поставить вопрос о наличии в таких конструкциях синтаксического концепта модуса, несущего основное содержание такой субъективной оценки и репрезентируемого соответствующей структурной схемой.

Рассматривая структуры предложений в романе Ф. М. Достоевского и различные варианты их перевода, мы постарались выделить соотносительные структурные схемы по аналогии с уже имеющимся опытом выделения соотносительных лексем (Рудник 1982, с. 41). Под соотносительными лексемами Э. Я. Рудник понимает слова, семантический объем которых максимально соответствует модальному слову или предикативу, выявляемым в ходе сопоставления оригинальных текстов и их переводов. В нашем случае соотносительными к русским модальным лексемам оказались структурные схемы.

Соотносительная структурная схема наиболее близко передает типовую пропозицию *возможности/невозможности*, которая в русском языке вербализируется лексически.

Материалом нашего исследования послужили 96 отрезков текста (100% примеров) из романа Ф. М. Достоевского «Идиот», при переводе которых использовалась анализируемая структурная схема. Интересующие нас лексические единицы и схемы выделяются нами курсивом.

Учитывая распространенность во французском языке структурных схем *il est possible* (возможно), *il est impossible* (невозможно), мы решили рассмотреть, для передачи каких единиц русского языка они

используются, и как связано смысловое содержание структурной схемы с ее формальным выражением – последовательностью словоформ. Схема имеет в своем составе прилагательные *possible/impossible* (*возможный/невозможный*) и местоимение *il* (*он*), используемое в его безличном значении. Этот безличный оборот на русский язык мы можем передать с помощью модально-предикативных слов *возможно/невозможно*.

В тексте романа есть примеры модальных слов *можно*, *возможно*, *нельзя*, *невозможно*, как в самостоятельном употреблении, так и в сочетании со словами *ли*, *бы*, *еще*, *очень*, *только*, *разве*, *было*, *будет*. На них приходится 36% случаев:

-Насчет жизни в тюрьме *можно* еще и не согласиться, - сказал князь,- я слышал один рассказ человека, который просидел в тюрьме лет двенадцать; это был один из больных у моего профессора и лечился (с. 58).

-Pour ce qui est de la vie en prison *il est possible* que ce ne soit pas tout à fait exact, dit le prince. J'en ai entendu parler par un homme qui avait passé en prison une douzaine d'années; c'était un des malades qui se soignait chez mon professeur (т. 1, р. 95).

-Я вас не поджигаю; я, напротив, думаю, что *очень возможно*, что вы застрелиетесь. Главное, не сердитесь...- протянул Евгений Павлович, покровительственно растягивая слова (с. 402).

-Je ne vous pousse pas, je crois, au contraire *qu'il est très possible* que vous vous tuez. Surtout, ne vous fâchez pas... dit Eugène Pavlovitch en traînant sur les mots d'un air protecteur (т. 2., р. 161).

-Но Александре Прокофьевне *нельзя было*, впрочем, совершенно умолкнуть (с. 488).

-Toutefois, *il était impossible* à Alexandra Prokofiévna de se taire tout à fait (т. 2, р. 314).

-Нечто такое, что видится само собой, но что трудно анализировать и рассказать, *невозможно* оправдать достаточными причинами, но что, однако же, производит, несмотря на всю эту трудность и невозможность, совершенно цельное и неотразимое впечатление, невольно переходящее в полнейшее убеждение (с. 224).

-Quelque chose qui s'impose de soi-même mais qui échappe à l'analyse et à la description, *qu'il est impossible* de justifier par des raisons suffisamment valables mais qui pourtant produit bien malgré toute cette difficulté et cette impossibilité une impression parfaitement cohérente et inéluctable, qui se transforme involontairement en une conviction absolue?..(т. 1, Р. 379).

-Я! -Ты. Она тебя тогда, с тех самых пор, с именин-то, и полюбила. Только она думает, что выйти за тебя *невозможно*, потому что она тебя будто бы опозорит и всю свадьбу твою сгубит (с. 208).

-Moi! -Toi! Elle t'a aimé dès ce jour-là, tu sais, le jour de sa fête. Seulement, elle pense *qu'il lui est impossible* de t'épouser parce qu'elle a peur de te déshonorer et de briser toute ta vie (т. 1, р. 351).

Эти типовые случаи дополняются следующими:

1. Перевод *могло быть* с помощью *il est possible* в вопросительной форме, хотя в оригинале имеем восклицательный вариант предложения:

-Да он уже и был на Петербургской, он был близко от дома; ведь не с прежнею же целью теперь он идет туда, ведь не с «особенною же идеей»!. *И как оно могло быть!..* (с. 221).

-D'ailleurs, il se trouva déjà sur la rive droite, pas loin de sa maison. Bien sûr, il n'y allait plus avec le même but en vue ni avec cette "idée spéciale". *Comment cela avait-il été possible?* (т. 1, р. 374).

Сравните с обычным предложением:

-Как ни странно, но он *могло быть* ожидал совершенно другого успеха от своего рассказа (с. 143).

-Aussi curieux que cela puisse paraître, *il était possible* qu'il eût attendu de son récit un tout autre effet (т. 1, р. 239).

Перевод русских вводных слов *может быть, не может быть, быть не может, может так быть, может* оборотом *il est possible/impossible que* встречается не так редко (17% случаев):

-*Быть не может*, чтобы ваша жизнь совсем уж погибла. Что ж такое, что к вам, Рогожин пришел, а Гаврила Ардalionович вас обмануть хотел (с. 163).

-...*Il n'est pas possible* que votre vie soit entièrement perdue. Qu'est-ce que cela fait que Rogojine soit venu vous trouver et que Gabriel Ardalionovitch ait cherché à vous tromper?.. (т. 1, р. 275).

-Да, все это может быть, *может быть*, вы и правы... -забормотал князь,- она действительно очень раздражена, и вы правы, конечно, но...(с. 557).

-Oui, *il est possible* que tout cela soit exact, peut-être avez-vous raison, balbutia de nouveau le prince; - elle est en effet très irritée; oui, vous avez naturellement raison, mais... (т 2, р. 438).

-Даже князь Щ., *может быть*, собирается, месяца на два, с Аделаидой, если позволяют дела (с. 554).

Il était même possible que le prince Stch. se décidât à y passer deux mois, en compagnie d'Adélaïde, si ces affaires le lui permettaient (т. 2, р. 434).

-Пожалуйста, прошу не смеяться, Лев Николаевич, потому что это очень *может так быть* (с. 410).

-...Je vous prie de ne pas rire de mes paroles, Léon Nicolaievitch, *parce qu'il est très possible* qu'il en ait été ainsi (т. 2, р. 175).

Если в русском языке *может быть* выделяется запятыми, подчеркивая его статус вводного слова, во французском имеем специальную структурную схему:

-Что же касается до князя, то, *может быть*, он ему и не слишком нравился; князь Щ был несколько нахмурен и как бы озабочен, когда все вышли на прогулку (с. 419).

-Quant au prince, *il était possible* qu'il ne lui plût qu'à demi; en partant pour la promenade, le prince Stch. était un peu sombre et paraissant soucieux (т. 2, р. 36-37).

...О, *может быть*, вы этого не поймете, Аглая! (с. 418).

...Oh, *il est possible* que vous ne puissiez pas comprendre cela, Aglaé! (t. 2, p. 189).

2. Переводчик использует обороты *il est possible/impossible* и в целом ряде других случаев (6%), причем речь может идти об употреблении лексически полноценного модального глагола (*ne*) *мочь*:

-*Я никак не могу вам этого объяснить*; но я, может быть, и объяснил бы Аглае... (с. 558).

-*Il m'est absolument impossible de vous expliquer tout cela*, mais j'aurais peut-être pu l'expliquer à Aglaé (t. 2, p. 440).

Отмечаем присутствие семы *возможности*, как и в последующих примерах.

-Бунтуете! Заговор составляете! - кричал Лебедев как бы уже не в силах сдержать себя, - *ну, могу ли я, ну, вправе, ли я* такого злоязычника, такую, можно сказать, блудницу и изверга за родного племянника моего, за единственного сына сестры моей покойной Аниssии, покойницы, считать? (с. 187).

-*Il fomente des émeutes! Il complot!* criait Lebedev comme incapable de se contenir . – *Et bien! est-il possible, suis-je en droit de considérer cet esprit du mal, cette langue de vipère, cette prostituée comme mon neveu et le fils unique de ma défunte sœur Anissia?* (t. 1, p. 314).

-...но ему все-таки предчувствоалось, что это был один из того разряда лгунов, которые хотя и лгут до слодострастия и даже до самозабвения, но и на самой высокой точке своего упоения все-таки подозревают про себя, что ведь им не верят, *да и не могут верить* (с. 484).

-...mais il pressentait néanmoins qu'il appartenait à cette catégorie de menteurs qui bien que mentant jusqu'à la volupté et à l'oubli d'eux-mêmes, n'en soupçonnent pas moins au fond de leur cœur, même au sommet de leur ivresse, qu'on ne les croit pas et *qu'il est d'ailleurs impossible de les croire* (t. 2, p. 305).

-Он вскочил, и *его уже не могли сдержать*: но Гаврила Ардalionович, видимо, прорвался (с. 457).

-*Il se leva d'un bond et il n'était pas possible de le contenir*; mais Gabriel Ardalionovitch, lui aussi, était visiblement déchaîné (t. 2, p. 258).

3. Иногда при помощи этой же схемы переводятся слова *возможность/необходимость* (3% случаев):

-Келлер с необыкновенною готовностью признавался в таких делах, что *возможности не было представить себе*, как это можно про такие дела рассказывать (с. 297).

Kller avouait des méfaits tels *qu'il était impossible d'imaginer* qu'on pût seulement en parler (t. 1, p. 503).

-Да ведь всеобщая необходимость жить, пить, есть, а полнейшее научное, наконец, убеждение в том, что *вы не удовлетворяете этой необходимости* без всеобщей ассоциации и солидарности интересов, есть, кажется, достаточно крепкая мысль, чтобы послужить опорною точкой и «источником жизни» для будущих веков человечества,-заметил уже серьезно разгорячившись Ганя (с. 360-361).

-Mais la nécessité universelle de vivre, de boire et de manger et la conviction absolue , scientifique enfin, *qu'il n'est pas possible de satisfaire cette nécessité* sans une solidarité et une association générale des intérêts, constituent, il me semble une idée assez solide pour servir de point de repère et de “source de vie” pour les siècles et les générations futures, dit Ptitsine, lui aussi déjà fort échauffé (t. 2, p. 87).

4. Сема *возможности* может заменяться другими словами, такими как *не в состоянии, немыслимо*.

-К чему, впрочем, и вспоминать про это? Тут безумство с обеих сторон. А ему, князю, любить страстно эту женщину – *немыслимо*, почти было бы жестокостью, бесчеловечностью (с. 222).

-Du reste, à quoi bon évoquer cela? Il y a là de la folie des deux côtés. Et pour lui, pour le prince *il était presque impossible* d'aimer cette femme de passion; cela eût été une cruauté presque inhumaine (t. 1, p. 375).

5. Сема *необходимости* может быть выражена фразеологизмом.

-Б-ба! Да ведь вот он!- воскликнул он, вдруг останавливаясь, - то *не с каким курьером не отышеиць!* то как нарочно там сидит, где и не вообразишь... я ведь думала, что ты там ...у дяди! (с. 338).

Сравните: нельзя, невозможно отыскать.

-Bah! Mais le voilà donc! s'écria-t-elle s'arrêtant brusquement. – *Tantôt il est impossible de le découvrir malgré tous les envoyés spéciaux*, et tantôt on le trouve comme exprès assis là où, on ne l'imaginait même pas... Je croyais que tu étais là-bas... auprès de ton oncle (t. 2, p. 46).

-Аглай промолчала опять с минуту и начала с видимым отвращением: -Я не захотела с ними спорить об этом; *в иных случаях их не вразумишь* (с. 504).

-Après un nouveau silence, Aglaé commença avec une visible répugnance; -je n'ai pas voulu entrer en discussion avec eux sur ce sujet: il y a des cas où *il est impossible de leur faire entendre raison* (t. 2, p. 344).

Переводчик иногда дает описательный перевод, прибегая к использованию фразеологизмов:

-Гости продолжали изумляться, шептаться и переглядываться, но стало совершенно ясно, что все это было рассчитано и устроено заранее и что *Настасью Филипповну*, - хоть она и, конечно, с ума сошла, - *теперь не собьешь* (с. 151).

-Les invités continuaient à s'étonner et à échanger des regards; il était devenu absolument évident que tout cela avait été calculé et arrangé et que – quoiqu'elle fût évidemment devenue folle – *il était désormais impossible de forcer Nastassia Philippovna à abandonner son idée* (t. 1, p. 255).

-...к делу теперь, князь, потому что мне надо поспешить, а сегодня, может, мы с вами не встретимся! Присядьте-ка на минутку; я вам уже изъяснил, *что принимать вас очень часто не в состоянии...* (с. 34).

-Venons au fait, prince, car je suis pressé, et, nous n'aurons peut-être plus l'occasion de nous rencontrer aujourd'hui. Asseyez-vous une seconde; je ne

vous ai déjà expliqué *qu'il m'était impossible de vous recevoir souvent* (т. 1, п. 53).

6. Последний случай применения оборотов *Il est possible que..., il est possible + de + inf.* приходится на вариант схемы с инверсией: *est-il possible que, est-il possible + de + inf.* Данная схема широко используется (28% случаев) для перевода русских частиц *неужто, неужели*, выражающих вопрос:

-Слушай, Парфен, если ты так ее любишь, *неужто* не захочешь ты заслужить ее уважение? (с. 297).

-Ecoute, Parfione, puisque tu l'aimes tant, *est-il possible que tu ne veuilles pas mériter son estime?* Et si tu le veux, *est-il possible que tu n'espères pas?* (т. 1, п. 350).

-*Неужели* вы ее любили до этого? - Любил вначале. Ну, да довольно... Есть женщины, которые годятся только в любовницы и больше ни во что (с. 119).

-*Est-il possible qu'avant cela vous l'ayez aimée?* -Oui, au début, je l'avais aimée! Mais suffit... Il y a des femmes que ne sont bonnes à prendre que comme maîtresses, et rien de plus (т. 1, п. 197).

-*Неужели* и зарядить пистолет не умеете? - Не умею. То есть, я понимаю, как это сделать, но я никогда сам не заряжал (с. 342).

-*Est-il possible que vous ne sachiez même pas charger un pistolet?* -Non, je ne sais pas. C'est-à-dire, je sais ce qu'il faut faire, mais je ne l'ai jamais fait moi-même (т. 2, п. 55).

Таким образом, структуры *il est possible (il est impossible)* в различных временных формах и с сопровождающими их словами, используются переводчиком для передачи:

1. Вводных и модально-предикативных слов *может, может быть* (17% случаев), *возможно, невозможна, нельзя* (36% случаев);
2. Вопросительных частиц *неужто, неужели* (28%);
3. Личных форм глагола *мочь: могу, могут, могли* (6%);
4. Слов *необходимость, возможность* (3%);
5. Фразеологических выражений, содержащих сему *возможности* имплицитно (10%).

Лексическое разнообразие русских выражений и возможная сводимость этого разнообразия к единой соотносительной структурной схеме, позволяет говорить о наличии во французском языке определенного синтаксического концепта, который мы определяем как синтаксический концепт *модуса*. Именно наличие данного концепта во французском языке позволяет переводчику применить эту схему для перевода различных модально-предикативных русских слов и выражений. В свою очередь, разнообразие этих лексических единиц в русском языке объясняется отсутствием в нем соответствующего синтаксического концепта.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.

2. Волохина Г. А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения – Воронеж, 2003.
3. Грамматика современного русского литературного языка – М., 1970.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие концепт в лингвистических исследованиях – Воронеж, 1999.
5. Рудник Э. Я. Очерки русско-немецкой контрастивной грамматики. Глагол. – Калинин, 1982.

Источники примеров

1. Достоевский Ф. М. Идиот. Роман в четырех частях – Москва: Советская Россия, 1981.
2. Dostoïevski Fédor L'idiot. Tome 1. Le livre de poche. Traduction par G. et G. Arouet. Commentaires de L. Martinez. Librairie Générale Française, 1972.
3. Dostoïevski Fédor L'idiot. Tome 2. Le livre de poche. Traduction par G. et G. Arouet. Commentaires de L. Martinez. Librairie Générale Française, 1972.

П.В. Востриков

Некоторые особенности перевода русизмов (на примере переводов произведений Ф.М. Достоевского)

Перевод очень часто и вполне справедливо рассматривается обществом как копия исходного текста, но на другом языке. В обществе утвердилось мнение, что общение посредством переводчика ничем и не должно отличаться от ситуации одноязычного общения. Существует ряд требований к тексту перевода, как-то: переводной текст призван воспроизводить, помимо смысла и содержания оригинала, структуру, стиль и особенности речи автора, текст должен восприниматься как текст родного языка. То есть потребители перевода должны воспринимать текст так, как будто он изначально написан на их родном языке.

Однако в этом-то и заключаются значительные противоречия. Проблема в том, что помимо факторов двух языков, существуют и факторы двух культур. Считается недопустимым превращать культурный фон одной страны в ярко выраженный национальный колорит другой.

При знакомстве широких масс читателей с произведениями иностранной литературы порой возникает необходимость давать некоторое истолкование различным лингвистическим реалиям. Читатель, как адресат, для которого создается перевод, для более полного восприятия текста должен обладать некоторой информацией, при этом чем большей **прединформацией** обладает читатель, тем лучше он поймет произведение. Например, для знакомства с русской классической литературой читатель должен знать что-то о России девятнадцатого века.

Проблема восприятия иностранцами русских культурных реалий связана с восприятием России в целом. Справедливым будет отметить, что иностранцы никогда особенно России не знали и не представляли, что на русской земле происходит. Это верно и для разных исторических периодов, и для современности. Россия была для Запада страной

неизведанной, загадочной. Россию всегда боялись и никогда не любили. Россию много раз «открывали». Например, в 1553 году, когда англичане занимались поисками новых торговых путей в Китай и Индию, и их суда причалили на берег возле Северной Двины, они подумали, что являются первооткрывателями какой-то новой земли. А ведь Московия уже сотни лет вела торговлю со многими странами, а Киевская Русь была намного культурнее западных стран. Когда Ярослав Мудрый отдал свою дочь за короля Франции Генриха I, то это воспринималось Анной Ярославной как неравный брак, и не только из-за материальных соображений (русская невеста была богаче) - ее семья была гораздо культурнее. Анна Ярославна, королева Франции, была единственным грамотным человеком при дворе и знала латынь, а ее муж не умел расписываться и ставил крестики. И, естественно, никто не знал ничего о стране, откуда она приехала.

А в 19 столетии для Запада открылись русская литература, живопись, музыка. И в наши дни подобные открытия происходят. В связи с этим все более остро стоит проблема перевода на иностранные языки отдельных русизмов.

Предлагаемые ниже варианты русизмов взяты из переводов различных произведений Ф.М. Достоевского. Нас интересует вопрос, насколько англоязычному читателю понятны различные культурные реалии России времен Достоевского.

Какой же была Россия, русский быт и традиции в этот период? И какой Россия предстает в книгах Ф.М. Достоевского? Даже для многих наших соотечественников, которые родились и выросли в советское время, культурные реалии России тех времен уже не выглядят столь близкими и понятными, и требуют пояснения. Некоторые пласти лексики уже не являются широко употребительными. Некоторые слова являются устаревшими. Совершенно естественно, что именно эти слова вызывают наибольшие трудности и у переводчиков.

Вот некоторые примеры.

«Идиом»

-*A что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали. Отец мой, между прочим, армии подпоручик из юнкеров.*

-*As for our fathers and grandfathers, some of them were no more, than peasant-proprietors. My father was a sub-lieutenant in the army.* (перевод Катцер)

-*As for our forbears, they were never people of substance and some owned land. However, my father was a second lieutenant in the army and went through a cadet school.* (перевод Констанс Гарнет)

Здесь, в этом примере требуется историческая справка, кто такие однодворцы, причем такая справка нужна и для русскоязычного читателя.

-*Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четви-Минеи читает.*

...she is an old woman, spends her time reading the lives of the saints. (перевод Джилиус Катцер)

...she is an old woman and always in her prayer book. (перевод Констанс Гарнет)

Отметим, что Четыи-Минеи - собрание житий святых Дмитрия Ростовского, приведенные варианты перевода вводят читателя в некоторое заблуждение по поводу того, что же все-таки читает эта женщина.

...и тогда на извозчике мы пустимся к **Большому Театру**.

...then we'll get drive to the Great Theatre. (перевод Джилиус Катцер)

...then we can take a droshky to the Grand opera. (перевод Констанс Гарнет)

Отметим, что оба варианта перевода с культурологической точки зрения представляются неудачными.

«Преступление и наказание»

-Вот-с, батюшка, коли по гривне в месяц с рубля, так за полтора рубля с вас еще причитается по сему же счету еще двадцать копеек...

--Here, sir as we say ten copecks the rouble a month so I must take fifteen copecks from a rouble and a half for the month in advance. (перевод Джилиус Катцер)

Надо отметить, что до сих пор не существует единого стандарта в написании и произнесении русских денежных единиц. Существуют варианты сорек – копек – копейка – копек. В некоторых случаях переводчики прибегают к английским эквивалентам – farthing, a copper coin, a penny, что вряд ли можно считать оправданным.

...при этом они всегда брали с собой **кутью** на белом блюде.

... on these occasions they used to take on a white dish tied up in a napkin a special sort of rice pudding with raisins, stuck in it in the shape of a cross. (перевод Джилиус Катцер)

They would invariably bring with them the traditional memory sweetmeat on a white tray? Wrapped in a napkin/ made of rice boiled with sugar and with raisin pressed into the rice in the shape of the cross. (перевод Констанс Гарнет)

Название ритуального блюда требует в данном случае пространных комментариев переводчика, включенных в текст.

Интересны и следующие примеры перевода русских реалий -

... контора была от него с четверть версты.

...the police station was a quarter of a mile off. (перевод Джилиус Катцер)

... It was located about a quarter of a verst from where he lived. (перевод Констанс Гарнет)

Мещанин и баба его – a huckster and his wife. . (перевод Джилиус Катцер)

В сибирке. ---in a short Siberian-style kaftan. (перевод Джилиус Катцер)

----in a short full-skirted coat. (перевод Констанс Гарнет)

«Братья Карамазовы».

В самое последнее время стал прислушиваться и вдаваться в хлыстовищу.

Of late, he had become interested in the flagellant practices. (перевод Джилиус Катцер)

Отметим, что хлыстовщина – чисто русская секта, а вот практика самобичевания вообще – явление, знакомое на Западе.

«Записки из мертвого дома»

Эта тема требует наибольшего количества комментариев, так как реалии тюремной жизни отражают жизнь, совершенно отличную от жизни Петербурга, где происходит действие большинства произведений Достоевского. Однако переводчики практически нигде таких комментариев не дают:

Во всякой казарме по положению был один арестант, выбранный артелью для прислуги в казарме. Он назывался парашником и не ходил на работу.

Я думаю, каждая губерния, каждая волость в России имела здесь своих представителей.

“Every gubernia and every region of Russia was represented?” I reckon. (перевод Ольги Шарце)

Обыкновенные вечерние работы были оставлены. Об майданах и помину не было.

The customary night work was abandoned; there was no mention of a maidan. (перевод Ольги Шарце)

Но с прибытием Елкина, хоть мужика, но зато хитрейшего мужика, лет пятидесяти, из раскольников, ветеринарная слава Куликова затмилась.

Yet with the arrival of Yolkin--- a man of around fifty? An Old Believer, who was a muzhik, but one of those extremely cunning muzhiks—Kulikov’s veterinary practices. (перевод Ольги Шарце)

... и объявил мне, что он из кантонистов, служил попом в пионерах и был замечен и любим некоторыми высокими лицами.

... he told me that, being a soldier’s son, he had gone to a military school, then served in a sapper’s regiment and had even been favored and noticed by people in high places. (перевод Ольги Шарце)

«Черт троє лаптей сносил, прежде чем собрал нас в одну кучу!»

“Old Nick wore out three pairs of boots, getting us together.” (перевод Ольги Шарце)

В последнем случае единицей перевода является целое предложение как фразеологический оборот.

Мы рассмотрели только несколько примеров работы переводчиков Джилиус Катцер, Констанс Гарнет и Ольги Шарце. В некоторых случаях они передавали русские культурные реалии, не прибегая к поиску сходных явлений в английском языке. И во многих случаях такой подход был, на

наш взгляд, оправдан, особенно когда передавался истинно национальный колорит.

Раздел 9. Сопоставительные исследования в области грамматики

Н.П. Мерзлякова
О модальных глаголах в немецком и русском языке

«Важнейшие семантико-сintаксические подклассы глаголов выделяются на основе своей дистрибуции. Так, модальные глаголы чётко выделяются благодаря сочетанию с инфинитивом...» (Зеленецкий 2004, с. 208). В немецком языке глаголы могут сочетаться с инфинитивом напрямую, а также при помощи специальной инфинитивной частицы *zu*. Напрямую с инфинитивом смыслового глагола сочетаются «классические» немецкие модальные глаголы (Modalverben) *dürfen*, *können*, *sollen*, *müssen*, *wollen*, *mögen*. Морфологической особенностью данной группы в немецком языке является их претерито-презентность. Формальное выделение претерито-презентных глаголов связано также с их семантическими возможностями. Модальные глаголы выражают внутреннее состояние субъекта, связанное с его действиями. Это единственный случай в немецком языке, когда чётко ограниченный морфологический класс обладает специфической семантикой и функциями, хотя данной семантикой обладают не только претерито-презентные глаголы. В современном немецком языке к «классическим» модальным глаголам примыкает глагол *brauchen*, употребляющийся в разговорной, а иногда и в письменной речи, с инфинитивом без инфинитивной частицы. Модальные глаголы выражают особый вид модальности: внутрисинтаксическую модальность, т.е. отношение между субъектом предложения и выполняемым им действием. Являясь формантами сказуемого, они уточняют действие, название которого заключено в основном компоненте – инфинитиве, характеризуя его как возможное, желаемое, необходимое. В русском языке нет такого чётко выделенного морфологического класса, классические модальные значения возможности, необходимости действия выражаются чаще всего соединением инфинитива с предикативными прилагательными: *способен*, *должен*, *обязан* и т. п., либо с модальными словами: *нельзя*, *можно*, *должно*, *нужно*, *надо* и т. п.

Важной особенностью немецких «классических» модальных глаголов является их многофункциональность. Наряду со своей первичной основной функцией (определение отношения внутри предложения), модальные глаголы немецкого языка обладают вторичной, относительно новой

функцией. Они способны выражать модальность всего предложения, т.е. служить для определения отношения самого говорящего к содержанию высказывания в плане оценки его достоверности. Сочетания глаголов *dürfen*, *können*, *müssen*, *mögen* с первым или вторым инфинитивом образуют постепенный переход от значения уверенного предположения до значения, близкого к отрицанию предположения; ср.: *Er muss / kann / mag / darf zu Hause sein* (Гулыга, Шендельс 1969, с. 103-108). Модальные глаголы *sollen* и *wollen* во вторичной функции передают косвенное высказывание: *Er soll das mit eigenen Augen gesehen haben. Er will es mal wieder nicht gewesen sein.* В связи с сильной грамматизацией модальных глаголов во вторичной функции в современной германистике намечается тенденция рассматривать их как вспомогательные глаголы, служащие для образования форм отдельной «категории засвидетельствованности» (Зеленецкий 2004, с. 157) (Faktizitätsbewertung) (Diewald 2001, с. 90). В русском языке точных аналогов данному явлению нет. «Отдалённое сходство можно усмотреть лишь в случаях типа *Он должен быть дома; Он может быть дома.* Однако они носят явно периферийный характер, а сочетание модального глагола с инфинитивом обнаруживает в них элемент лексикализации, приближаясь к модальному слову; ср.: *Он, может быть, дома.*» (Зеленецкий 2004, с. 160-161).

Также как и «классические» модальные глаголы, но с инфинитивной частицей *zu* в немецком языке с инфинитивом сочетаются глаголы, называемые полумодальными (Halbmodalverben) (Pittner, Berman 2004, с. 20) или глаголами модальности (Modalitätsverben) (Kessel, Reimann 2005, с. 11). Разные исследователи относят к данной группе глаголы *anfangen*, *aufhören*, *beginnen*, *bekommen*, *belieben*, *drohen*, *gedenken*, *haben*, *pflegen*, *scheinen*, *sein*, *suchen*, *sich unterstehen*, *versprechen*, *verstehen*, *versuchen*, *wissen*. Однако не вполне правомерным видится включение в данный ряд фазовых глаголов типа *beginnen*. Особенностью данных глаголов является то, что большинство из них могут употребляться и как самостоятельные, но своё модальное значение проявляют лишь в сочетании с инфинитивом. Глаголы модальности, в отличие от «классических» модальных глаголов, способны выражать лишь один вид модальности: внутрисинтаксическую модальность, при этом палитра возможных значений намного шире. На наш взгляд, к данной группе могут быть отнесены и многие другие глаголы, сочетающиеся с *zu*-инфinitивом и передающие значения решимости (*sich trauen*, *wagen*), нерешимости (*sich fürchten*, *sich scheuen*, *zögern*), намерения (*beschließen*, *planen*, *vorhaben*, *sich vornehmen*), попытки (*sich bemühen*, *sich anstrengen*, *trachten*), косвенной речи (*behaupten*, *beteuern*, *versichern*, *vorgeben*), эмоциональной оценки (*sich freuen*, *sich ärgern*), ожидания (*erwarten*, *hoffen*) и др. Именно этой категории немецких глаголов модальности соответствует большинство русских модальных глаголов, таких как *думать*, *задумать*, *собраться*, *планировать*, *решить*, *согласиться*, *догадаться*, *ухитриться*, *соизволить*, *мечтать*, *надеяться*, *готовиться*, *пытаться*, *пробовать*, *стараться*, *любить*, *привыкнуть*.

П. А. Лекант отмечает, что «лексическое значение этих глаголов весьма разнообразно, поэтому попытка сгруппировать их вряд ли может привести к бесспорным результатам. Такому намерению «мешает» многозначность глаголов, неопределенность значения некоторых из них, отсутствие чётких оснований группировки и наличие переходных случаев» (Лекант 1976, с. 71). Вместо этого лингвист выделяет пять основных типов модальных значений вспомогательного компонента, выражаемых спрягаемыми модальными глаголами: долженствование, возможность, волеизъявление, субъективно-эмоциональная оценка, оценка обычности действия (Лекант 1976, с. 72).

Количество модальных глаголов немецкого языка ещё более увеличивается, если принять во внимание конструкции *sein + Adjektiv* (*Partizip*) + *zu + Inf.*, которые выполняют всё ту же синтаксическую функцию модального оператора сказуемого. Такие конструкции позволяют передать наиболее частные модальные оценки действия (сстояния): *Ich bin froh, Sie zu sehen. Er ist bereit abzufahren. Es ist gut, lesen zu können.* То же и в русском языке (без инфинитивной частицы, конечно): *Я рад Вас видеть. Он готов отправиться. Хорошо уметь читать.* Большинство прилагательных и причастий, встречающихся в данных сочетаниях, чаще употребляются в качестве определений при существительных или обстоятельствах образа действия при сказуемом. Однако есть и такие, которые специализируются на выражении модальной оценки и употребляются как синонимы «классических» модальных глаголов: *fähig, möglich, gezwungen, gewillt* и др. (ср. рус.: способен, вынужден, должен, обязан).

Подводя итоги, можно сказать, что немецкий и русский языки располагают богатым арсеналом глаголов для модального преобразования сказуемого. Значения, передаваемые модальными глаголами двух языков в целом сходны. При этом система модальных глаголов немецкого языка отличается большей разветвлённостью вследствие выделения морфологической группы претерито-презентных глаголов и наличия инфинитивной частицы.

Литература

1. Гулыга Е.В. Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.
2. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. – М., 2004.
3. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1976.
4. Diewald G. Scheinen-Probleme: Analogie, Konstruktionsmischung und die Sogwirkung aktiver Grammatikalisierungskanäle.// Modalität und Modalverben im Deutschen. – Hamburg, 2001.
5. Kessel K. Reimann S. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache. – Tübingen und Basel, 2005.
6. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. – Tübingen, 2004.

Е.С. Селезнева

О некоторых аспектах сопоставительного исследования функционально-семантических полей в языках разных типов (на материале описания ФСП модальности уверенности в русском и английском языках)

Проблема сопоставительного исследования функционально-семантических полей является предметом интереса в функциональной грамматике на протяжении длительного времени. В настоящей статье дается общая характеристика основных признаков функционально-семантического поля и предпринимается попытка описания структуры ФСП модальности уверенности в русском и английском языках.

Функционально-семантическое поле (ФСП) – двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне (Бондарко 1983, с. 4). Поле характеризуется компактностью, концентрацией признаков в центре и их ослаблением на периферии. Понятие ФСП связано с представлением о некотором пространстве. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями.

По определению А.В. Бондарко, ФСП - билатеральные единства, включающие план содержания и план выражения (Бондарко 2002, с. 290). Компонентами ФСП являются двусторонние языковые единицы, классы и категории. Основные характеристики ФСП – общность семантической функции и разноуровневость средств выражения. Семантическая функция – интегрирующий стержень, объединяющий в систему разнородные языковые элементы (морфологические, синтаксические, лексические, интонационные). А.В. Бондарко выделяет два основных структурных типа ФСП:

а) моноцентрические (сильноцентрированные) поля, опирающиеся на грамматическую категорию, концентрирующую в целостной системе наиболее специализированное и наиболее регулярное выражение данного круга функций.

б) полицентрические (слабоцентрированные) поля, опирающиеся на некоторую совокупность разноуровневых языковых средств, при отсутствии единого грамматического центра.

Основанием для выделения ФСП является взаимодействие грамматической категории, формы, конструкции, грамматического или лексико-грамматического класса слов с другими единицами (включая единицы лексики и контекста) на базе общности семантики – при наличии

некоторого семантического инварианта в значениях языковых средств, относящихся к данному полю (Бондарко 1983, с. 44).

Подход к грамматическим явлениям с точки зрения системы ФСП дает возможность сосредоточить внимание на взаимных связях между грамматическими явлениями. Однако изучение ФСП не сводится к описанию инвентаря средств выражений определенного значения. Выявляется структура поля, определяются его компоненты и их взаимные связи. Описание ФСП предполагает структурирование данного поля в системе языка. Вместе с тем, как отмечает А.В.Бондарко, описание ФСП не может ограничиваться системно-языковым "полевым структурированием" (Бондарко 1983, с. 45). Необходима проекция на речь: важно показать, как представлены элементы данного поля в высказывании, как они реализуются, взаимодействуя друг с другом и с элементами других полей, включаясь в содержание высказывания. Семантическая субкатегоризация в рамках данного поля может быть выявлена и описана лишь в ходе и в результате анализа функционирования соответствующих языковых средств.

Несомненно, наиболее существенные признаки системы ФСП (их группировки, основной состав полей и основные линии связи между ними) являются в разных языках едиными. Имеется в виду единство наиболее общих признаков системы полей, которое не исключает, а, напротив, предполагает проявления расхождений в языках различного строя, т.е. проявления индивидуальных особенностей языков в структурных типах полей, в месте того или иного поля в системе, во взаимных связях между отдельными полями. В структуре поля проявляются общие закономерности и принципы, относящиеся ко многим языкам, однако способы и варианты реализации этих закономерностей и принципов многообразны, и ФСП в данном языке в данный период его развития всегда обладает качественным своеобразием (Бондарко 1983, с. 47-50).

Попытаемся охарактеризовать ФСП модальности уверенности с позиций функционально-семантического подхода. Данное поле представляет собой систему языковых средств, характеризующих степень соответствия содержания высказывания отражаемой в нем действительности с точки зрения субъекта мысли (говорящего, думающего или пишущего).

Средства выражения модальности уверенности в русском и английском языках принадлежат к различным языковым уровням: лексическому, грамматическому, морфологическому, синтаксическому. ФСП уверенности являются слабоцентризованными.

Центр ФСП модальности уверенности в английском и русском языках представлен модальными словами и модальными фразами. Модальные слова, функционируют, как правило, в качестве вводных элементов предложения. В.В. Виноградов, говоря о модальных словах, замечает, что в живом процессе речи они не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они

выражают модальность высказывания и иногда “выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения” (Виноградов 1986, с. 594).

Наиболее частотными элементами поля уверенности являются модальные слова *конечно*, *несомненно*, *наверняка*, *разумеется*, *безусловно*, *само собой* в русском языке и *of course*, *surely*, *certainly*, *undoubtedly*, *indeed* в английском языке. Уверенность, выражаемая при помощи *конечно*, *of course*, обычно основана на знании очевидных фактов. Кроме того, как отмечает Е.И.Беляева, выражая свою уверенность, говорящий рассчитывает на наличие такой же убежденности у адресата, что следует из их общего социального опыта (Беляева 1985, с. 162). Ср.:

Конечно, возрастом я постарше их, но не настолько старше с виду, чтобы это настораживало. (Ч.Айтматов)

I could do a little drinking all by myself, of course. There's always that. (D.Parker)

Использование *surely*, *certainly* является категорическим способом выражения уверенности говорящего в достоверности содержания высказывания:

His second impulse therefore was to let sleeping dogs lie. But she would surely question him. (J.Galsworthy)

“All by yourself!” said her mother. “Well, surely the boys will help you – and certainly George must.” (E.Blyton)

В русском языке для выражения уверенности в утвердительных предложениях используются *безусловно*, *разумеется*, *несомненно*:

Прежде всего, это были люди бездомные, перекати-поле, кроме, разумеется, Кепы: у троих из них ушили жены, все они были в той или иной степени неудачниками, а, следовательно, были по большей части озлоблены на мир. (Ч.Айтматов)

Необходимо отметить различную позицию в предложении некоторых модальных слов в русском и английском языках. Это можно увидеть при сравнении параллельных переводов предложений. Так, английское *indeed* обычно занимает финальную позицию в предложении, тогда как русские аналоги достаточно часто находятся в начальной позиции. Ср.:

So the men, especially those no longer young, were very nice to her indeed. (D.H.Lawrence)

Разумеется, гости – мужчины, в основном немолодые, - относились к ней распекрасно.

It is all very jolly indeed (J.B.Priestley).

Там явно веселятся вовсю.

Еще одним средством выражения модальности уверенности являются модальные фразы, которые представляют собой конструкции *личное местоимение* + глагол с последующим придаточным дополнительным предложением, выражающим пропозицию. В русском языке данные конструкции немногочисленны. Самые частотные из них – *Я уверен, что..., Я не сомневаюсь (в том), что..., Я убежден (в том), что...:*

Узнаем, что возможно, и потом улетим в Атлантический океан, к месту нашей экспедиции. **Я уверен**, что вы не пожалеете. (А.Беляев)

В английском языке Е.И. Беляева выделяет модальные фразы, представленные следующими конструкциями:

личное местоимение + глагол-связка + модальное слово со значением уверенности – *I'm sure that..., I'm certain that...*;

личное местоимение + глагол-связка + модальное слово (отрицание сомнения) – *I have no doubt that..., There is no doubt that...*;

личное местоимение + глагол – *I bet*:

I'm quite certain that there is nothing which might link the four together. (A.Christie)

“*I'd like to visit that*”. “*Well, I've no doubt you will*”, said Mother. (E.Blyton)

К перечисленным модальным фразам можно также добавить конструкцию с глаголом знания – *I know that...*

Модальные фразы с глаголом знания, имеющие значение уверенности, в предложении находятся в основном в начальной позиции:

Everyone knew that her marriage with Michael was exemplary. (W.S.Maugham)

Грамматическим средством выражения модальности уверенности в английском и русском языках является использование будущего времени:

There'll be a heavy bill for tonight; just you see! (E.Waugh)

Во взоре Акбары, однако, сквозило свое понятие вещей: пусть удаляются сейчас сайгаки, **придет** день удачный, все, что есть в саванне, никуда от нее **не уйдет**. (Ч.Айтматов)

На периферии модальности уверенности в русском и английском языках находятся фразеологические единицы, такие как, например:

Верно, как дважды два четыре – as sure as eggs are eggs;

Знать как свои пять пальцев – to have at one's fingertips / to know a place like the back / palm of one's hand;

Ясно как Божий день – as open as day;

And no mistake / Any day – несомненно, разумеется, бесспорно, действительно.

К периферийным средствам ФСП модальности уверенности в английском языке относятся также эмфатические конструкции:

“*I do think sufficient civilization ought to eliminate a lot of the physical disabilities,*” said Clifford. (D.H.Lawrence)

Julia laughed bitterly when she remembered that it was she who had accustomed him to them. (W.S.Maugham)

К дальней периферии ФСП уверенности в английском языке можно отнести графические пунктуационные средства (выделение части сообщаемой информации различными шрифтами). При переводе на русский язык они часто передаются лексическими средствами. Ср.:

Isn't she exactly like Mr. Pennyman at the paper shop, the one who hates Lloyd George? (J.B.Pristley) (Шрифт выделен J.B.Pr.)

Правда, Хейзл сейчас – вылитый мистер Пеннимен из писчебумажного магазина? Он еще всегда ругает Ллойда Джорджа.

Для усиления значения уверенности нередко используются несколько модальных модификаторов в одном высказывании. Так, в приведенном ниже примере, мы видим наличие модальной фразы, модального слова и графического средства – выделения курсивом. Таким образом, в одном высказывании сочетаются лексические, грамматические и синтаксические средства выражения модальности уверенности:

I very much doubt whether he could pay. I understand he is not well off. Without trousers, indeed! And at that time of night! (E.Waugh) (курсив E.W.)

Проведенный анализ средств выражения модальности уверенности в русском и английском языках показывает, что синтаксическое членение в обоих языках одинаково, модальность данного типа передается единицами разных языковых уровней, а именно: лексического, лексико-грамматического и синтаксического. Различия между языками заключаются в количественном соотношении средств выражения и частотности их употребления. Таким образом, мы видим, что ФСП модальности уверенности в русском и английском языках имеют сходную структуру. Их можно охарактеризовать как полисистемные единства со слабоцентрированным типом. Основные различия заключаются в наполнении ближней и дальней периферии полей.

Отметим, что проявления единства основных признаков системы ФСП в разных языках отражают общность мыслительных категорий, лежащих в их основе. Проявления же расхождений в составе ФСП в языках разных типов коренятся в особенностях строя отдельных языков и их категориальной системы.

Литература

1. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж, 1985.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка) - М, 2002.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986.

В.А. Шкунников

Распределительно-суммарная множественность в русском и английском языках

Известно, что среди наиболее важных понятий, получивших закрепление в системе языка, едва ли не важнейшим является идея количества, поскольку человеческое существование немыслимо без исчисления количественной стороны мира. Обыкновенно её понимание

исходит из представления о так называемой вещественной количественности, к средствам выражения которой относятся грамматические и неграмматические явления, помогающие осуществлять количественную квалификацию субстантивов (предметных явлений). Это, в частности, морфологическая категория числа имён существительных, грамматический класс числительных, неглагольные слова с количественной семантикой, отдельные синтаксические конструкции. Непосредственно к ним примыкают грамматические средства, выполняющие чисто согласовательную функцию, т.е. сообщающие количественную характеристику не обозначаемым ими реалиям, а реалиям смежным (ср. категорию числа имён прилагательных и глаголов).

Предметом нашего внимания являются также неграмматические средства количественной квалификации глагольных процессов, иначе говоря – глагольные действия, измеряемые с количественной точки зрения. Соответственно в сфере глагола выделяется целая группа количественных способов действия, дифференцированных по признакам собирательности, порядковости, многократности, интенсивности и обыкновенной множественности. Здесь различаются процессы, в ходе которых осуществляется освоение заранее заданного множества предметов, и процессы, ориентированные на созидание (накопление) множества предметов или меры самого действия. Отмечаемый нами общий позитивный характер такого рода семантики нарушается лишь в одном случае – в случае с вариантом распределительно-суммарной множественности, когда глагольное действие не созидает, а наоборот, разобщает множество объектов или субъектов, как в случаях: *распустить* (*сирот по миру*), *распродать* (*товар*), *разбежаться* (*арендаторы разбежались*), *распустить* (*студентов на каникулы*), *растерять* (*друзей*), *рассыпаться* (*звёзды рассыпались по небу*) и т.д.

Наблюдение показывает, что рассматриваемая множественность заявляет о себе на морфемном уровне, т.е. в результате взаимодействия специализированной акциональной приставки *раз-* и соответствующей базисной основы. Специализированная приставка «внедряет» в содержательную структуру базисной основы данное значение извне, предварительно отбирая, при многозначности глагольного слова, тот из лексико-семантических вариантов, который оказывается пригодным для реализации соответствующего значения. Так, глагол *рвать* обладает следующей серией ЛСВ: 1) резким движением разделять на части; 2) прекращать действие каких-либо отношений или того, что связывает какими-либо отношениями; 3) взрывом разносить на части; 4) сильно, резким движением дергать; 5) дергая, отделять от ветки, стебля (что-либо растущее); 6) о жгучей, дергающей боли, испытываемой кем-либо. Из них приставка *раз-* в своём специализированном варианте взаимодействует с глаголом *рвать* только в первом значении.

Наиболее часто при реализации анализируемого значения используются глагольные основы с предельным значением. Непредельные основы

возможны здесь значительно реже. Обычно соответствующее значение реализуется в чистом виде - в том смысле, что кроме признака «разобщение множества» ему не сопутствуют никакие другие. Вместе с тем наблюдаются случаи, когда перфективные глаголы данного типа развиваю дополнительное значение интенсивности, в результате чего интерпретационный признак последовательной распределенности в значительной степени ослабевает. Так, например, глаголы *распустить* (*сирот по миру*) и *разобрать* (*газеты*) при отсутствии контекста не дают четкого представления о том, совершается ли действие единовременно, т.е. в один прием, или же соответствующий результат складывается из последовательно реализуемой серии однородных актов, образующих такое действие. Восстановление признака последовательной распределенности в подобного рода случаях осуществляется посредством присоединения к производящей префиксированной основе еще одной специализированной приставки – префикса *по-*, который существенным образом усиливает его. Ср.: *разорить-поразорить* (*гнезда*), *расстрелять* - *порасстрелять* (*партизан*), *растеряться* - *порастеряться* (*все карандаши порастерялись*) и т.п. В подавляющем большинстве случаев приставка *по-*, вступая во взаимодействие с приставочными основами совершенного вида, функционирует в полном соответствии с закономерностями процесса, охарактеризованного С. Карцевским как процесс перфективации. Однако это не общее правило. В ряде случаев соответствующее значение реализуется на уровне второй ступени отглагольной деривации, когда приставка *по-* контактирует с имперфективными основами со сложившейся префиксально-суффиксальной структурой. В результате образуются дублетные формы совершенного вида: *раздавать* – *пораздавать* и *раздать* - *пораздать*, *разбирать* - *поразбирать* и *разобрать* - *разобрать*, *распродавать* - *пораспродавать* и *распродать* - *пораспродать* и т.п. В функциональном плане данные параллельные формы не являются равноправными. Наиболее употребительны из них глаголы, образованные от основ совершенного вида. Напротив, производные образования, произведенные на базе имперфективных основ, значительно менее частотны и нередко носят разговорный характер.

Данная глагольная лексика обычно употребляются в обеих видовых формах: *рассыпать/рассыпать*, *разогнать/разгонять*, *разгребить/разгребать* и т.д. При этом глаголы совершенного вида, как правило, используются во всех частных значениях - конкретно-фактическом, наглядно-примерном, суммарном, результативном (перфектном). Что касается глаголов несовершенного вида, то они свободно употребляются в кратном частном значении, конкретно-процессном и обобщенно-фактическом. Вполне естественны они и в том варианте нулевого значения, которое реализуется в относительной системе временного отсчета, в частности, в настоящем историческом и настоящем репортаже, где такого рода глагольные формы указывают на достигнутость действием критической точки в своем развитии, что и позволяет

воспринимать действие как целостное. Однако многие из них оказываются не в состоянии указать на конкретный процесс.

Глаголы данного структурно-семантического типа образуются главным образом от основ четырех лексико-семантических групп:

а) глаголов со значением изменения положения в пространстве: *бросать* - *разбросать* (*листовки*), *кидать* - *раскидать* (*весь инвентарь*), *совать* - *рассовать* (*деньги по карманам*) и т.д.

б) глаголов со значением присвоения объекта: *грабить* - *разграбить* (*все склады*), *воровать* - *разворовать* (*все имущество*), *купить* - *раскупить* (*все моющие средства*) и т.д.

в) глаголов со значением передачи объекта: *дать* - *раздать* (*все лекарства*), *дарить* - *раздарить* (*все книги*) и т.д.

г) глаголов одностороннего и неодностороннего движения: 1) *гнать* - *разогнать* (*демонстрантов*), *нести* - *разнести* (*почту по адресам*), 2) *ходить* - *расходиться* (*с собрания*), *ездить* – *разъезжаться* (*с сессии*) и т.д.

Нетрудно заметить, что в некоторых случаях для образования глаголов данного типа привлекается постфикс *-ся*. Возможно образование подобного рода лексики и от глагольных основ других лексико-семантических групп, но лишь в порядке исключения.

Общее для русского и английского языков понятие суммарной распределительности,ложенное в основу настоящего анализа, не исключает наличие между ними различий частного порядка. Так, наблюдение над материалом показывает, что в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные акциональные морфемы, ответственные за реализацию данной семантики в русском языке. В большинстве случаев английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, оказывается не в состоянии выразить значение суммарной распределительности: реализация соответствующей семантики зачастую осуществляется здесь за счёт контекста. По этой причине английский глагол, как правило, оказывается не только не в состоянии выразить признак суммарности, но и никак не реализует признак последовательной распределённости, отчётливо представленный в семантической структуре многих русских глаголов данного структурно-семантического типа.

Нередко в содержательной структуре распределительно-суммарных глаголов, образованных с помощью приставки раз- (разо-, рас-), совмещается признак последовательной распределённости и равнозначный ей в функциональном отношении признак разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передаётся значение разовости, тогда как признак последовательной распределённости никак не репрезентируется и обычно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: *to scatter about*, *to distribute among*, *to extend to everybody*, *to deliver goods*, *to buy up*, *to dismiss a group of students*. Отмечаемое обстоятельство в полной мере отвечает так называемому

интерпретационному способу количественной характеристики глагольного действия, когда значения последовательной распределённости и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекста и различного рода ситуативных сведений в выражении суммарно-распределительной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутости действием результата, либо на его длительности и/или развитии во времени.

В.Ю. Копров

Двуактантные вербальные предложения в русском и английском языках

Развиваемая нами концепция сопоставительной типологии простого предложения разноструктурных языков позволяет отказаться, в частности, от традиционного противопоставления односоставных и двусоставных предложений. Этот классификационный принцип, справедливо критикуемый синтаксистами разных научных направлений за его противоречивость и непоследовательность, в том или ином виде до сих пор фигурирует во многих типологиях. Анализ устройства предложения с позиций когнитивной лингвистики показывает, что выделение таких внутренне противоречивых классов предложения только излишне усложняет, запутывает его типологию.

В работах, в которых он еще применяется, структурная оппозиция односоставных (бесподлежащих) и двусоставных (подлежащих) предложений, как правило, неоднократно пересекается с их семантической односоставностью (бессубъектностью) двусоставностью (субъектностью). Так, в русском языке к структурно и семантически «односоставным» (т. е. бесподлежащим бессубъектным) можно было бы отнести только маленькую группу предложений типа *Мороз; Весна!* Все остальные структурно односоставные и двусоставные предложения (типа *Была весна; Мне холодно; В дверь постучали; Мальчик заболел; Он любит классическую музыку* и т. д.) попали бы в один огромный класс семантически двусоставных (субъектных) предложений.

В английском же языке вообще все разнотипные по семантике предложения являются структурно «двусоставными», т. е. данная грамматическая оппозиция здесь не имеет смысла, что и позволяет отказаться от нее в пользу более последовательного принципа

классификации предложений **по количеству актантов** в их семантической структуре.

Семантическая структура предложения, как известно, формируется в результате языкового кодирования структуры отраженной в сознании предметной ситуации. При нерасчененном кодировании вся ситуация выражается одной словоформой, т. е. означаемое предложения состоит из одного компонента, реализующего как предметный, так и признаковый образы. При расчененном кодировании структура ситуации выражается в семантической структуре предложения в виде одного или нескольких предметных компонентов – **актантов** – и признакового компонента.

В соответствии с указанным принципом выделяются следующие типы простого предложения:

- 1) безактантный: *Мороз; Был мороз; Весна!*
- 2) одноактантный: *Холодно; Морозит; Дети спят; Моя дочь – студентка;*
- 3) двуактантный: *Кошка разбила вазу; Бензоколонку закрыли; Машина в гараже; У нас двое детей;*
- 4) трехактантный: *Он подарил жене котенка; Все награды были вручены;*
- 5) четырехактантный: *Она переложила деньги из кошелька в карман; Диван перенесли из спальни в детскую комнату.*

При этом факт эксплицитности / имплицитности актанта (актантов) в синтаксической структуре предложения не меняет его принадлежности к одному из пяти типологических классов. Внутри актантного класса по частеречной принадлежности признакового компонента предложения далее подразделяются на номинативные, адъективные, нумеративные, вербальные, партиципиальные - см. об этом подробнее (Копров 2000).

Русские одноактантные предложения на фоне английских были описаны нами ранее (Копров 2006). Рассмотрим теперь типологию двуактантных вербальных предложений в сопоставляемых языках.

Двуактантные вербальные предложения семантически и структурно наиболее разнообразны; не случайно они составляют в обоих языках самый обширный массив фактического материала. Их инвариантная семантическая структура (ИСС) выражается формулой: "субъект – действие / состояние – объект".

В зависимости от формы глагола русские предложения делятся на три группы: активные, пассивные, безличные.

Внутри этих групп конструкции далее разграничиваются по признаку грамматической определенности / неопределенности их актантов.

1. Активные конструкции: N – V – (N 2 / 4 / p N

1.1. ИСС: "субъект – действие – объект".

1.1.1. В личных активных конструкциях, представленных данной схемой, субъект выступает как активный, объект – как пассивный. Кроме того, оба актанта представлены как грамматически определенные (известные или неизвестные говорящему): N – V – N / p N

Учительница возмущенно окликнула Варю (Ю. Герман) – *The teacher called her back indignantly; Меня **кто-то** окликнул* (А. Бек) – *Someone hailed me;*

Он упорно бормотал **этую фразу** (А. Бек) – *He kept muttering this sentence stubbornly; Андрей пробормотал в ответ жене Рейнгольда **что-то** невнятное* (Д. Гранин) – *Andrei mumbled something incomprehensible in reply to Rheingold's wife.*

Как видим, в русском и английском языках здесь наблюдается параллелизм форм. Основные расхождения между языками в данной сфере состоят в используемых с одним и тем же глаголом формах объекта: кроме соответствия "прямой объект" – "прямой объект" и "косвенный объект" – "косвенный объект" наблюдается соответствие "прямой объект" – "косвенный объект" и наоборот, например:

Полунин знал его (Ю. Герман) – *Polunin knew him; Я посмотрел на бойцов* (А. Бек) – *I looked at the men;*

Андрей с удовольствием наблюдал за Виктором (Д. Гранин) – *Andrei watched Victor with pleasure; Андрей умышленно помедлил с ответом* (Д. Гранин) – *Andrei deliberately delayed his answer.*

В целом русскому косвенному объекту в английском языке чаще соответствует прямой объект.

1.1.2. В русском языке активный субъект может выступать как определенно-персональный: V – N 2/4

Знаю это; Получаю стипендию.

В английском полном предложении такой субъект всегда лексикализован. Ср.:

Собираю старый фарфор и фаянс (Ю. Герман) – *I collect old china and pottery; Культурный вид станции портишь* (Д. Гранин) – *You spoil the appearance of the station; Молоко будете получать от больницы* (Ю. Герман) – *You'll be getting your milk from the hospital farm; Сейчас новые части сколачивать будем* (К. Федин) – *We're going to form some new units.*

Возможное в некоторых в английских высказываниях отсутствие субъекта объясняется его контекстуально обусловленным эллипсисом.

1.1.3. Конструкции с неопределенным **объектом**.

1.1.3.1. В абсолютивном варианте личной активной конструкции объект представлен синтаксическим нулем, т. е. является грамматически неопределенным: N – V.

Абсолютивное употребление глагола в предложении возможно, как правило, при соблюдении двух условий: при несовершенном виде глагола и при наличии распространителя обстоятельственного типа. См. примеры русских предложений с неопределенным объектом:

Мальчик читает по-английски; Она весь день пишет; Он только бьет; По вечерам они пели; Ребенок видит; Пчелы жалят. Вечерами он читал (Ю. Герман); *Это слово манило и звало вперед* (Д. Гранин).

В ряде случаев имплицитный объект воспринимается как обобщенный. Такие конструкции с переходными глаголами широко представлены в

языке современной публицистики, куда они попали, очевидно, из разговорной речи:

Успехи футболистов радуют; Фильм обвиняет.

В английском языке также используется абсолютивная конструкция, которую нельзя считать неполной (эллиптикованной). Абсолютивная двуактантная конструкция противопоставляются неабсолютивной по признаку определенность / неопределенность (обобщенность) объекта действия: *Victor doesn't smoke cigars* (*Виктор не курит сигар*) – *Victor doesn't smoke* (*Виктор не курит*).

Ср. русские и английские абсолютивные предложения:

Пятнадцать лет он преподает в институте (*Д. Гранин*) – *He has been teaching at the institute for fifteen years*; *Сейчас она пела для него одного* (*Д. Гранин*) – *But now she was singing for him alone*; *Володя молча слушал* (*Ю. Герман*) – *Volodya listened in silence*.

В некоторых случаях русский неопределенный или обобщенный объект в английском предложении становится определенным:

Панфилов заражал ненаигранной, неподчеркнутой уверенностью (*А. Бек*) – *Panfilov inspired people around him with a feeling of natural, genuine confidence*; *Чей-то женский голос, свежий, звонкий и сильный, пел, приближаясь к хате* (*А. Куприн*) – *A woman's voice, fresh, vibrant and strong, was singing a song as it drew near the hut*.

1.1.3.2. В русском языке в абсолютивном употреблении возможны также предложения с глаголами на *-ся*: N – V refl

Среди них разграничиваются следующие подтипы:

- а) активно-безобъектные: *Корова бодается; Собака кусается;*
- б) качественно-возвратные: *Мел пачкается.*

Субъектом в конструкциях типа (а) чаще всего является одушевленный субъект (антропоним или зооним). Ни о какой семантической возвратности, т. е. направленности действия на сам субъект, здесь, разумеется, речи нет. Предложения данного типа интерпретируются нами как личные активные, выражающие действие определенного активного субъекта, направленное на **обобщенный пассивный** объект.

Сравнение предложений типа (б) *Мел пачкается* с абсолютивным употреблением невозвратного глагола в *Мел пачкает* показывает, что в обоих случаях речь идет об обобщенном объекте, но в первом это значение грамматически закреплено при помощи постфиксса *-ся*. При этом глагольный признак осложнен особыми модальными и видо-временными значениями, придающими глагольному признаку значение постоянного действия, свойства предмета.

1.1.3.3. От предложений с обобщенным объектом следует отличать активные предложения с возвратными глаголами, в которых объект является грамматически **определенным**, но отмечен дополнительными оттенками значения.

1) Предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого активного субъекта: *Дети умываются; Она переоделась.*

Ср. с предложением, в котором субъектный объект лексикализован: *Песней она поддерживала себя* (Д. Гринин).

В подобных русских примерах мы имеем дело с проявлением "конкуренции" грамматического (-ся) и лексического (*себя*) как способов выражения одного и того же понятийного содержания – возвратной направленности действия субъекта на сам субъект. В английском же языке, имеющем для выражения возвратности только лексические средства, реализация тонких семантических различий, наблюдаемых в русских предложениях, скорее всего, невозможна; ср.: *Он застрелился / Он застрелил себя → He shot himself.*

2) Предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта: *Они (с братом) обнялись; Он обнялся с братом.*

В первом предложении компонент *с братом* является факультативным, во втором – обязательным.

Сравнивая семантику таких предложений с конструкциями, в которых используются невозвратные глаголы, можно выявить некатегориально выражаемые в них оттенки реальной направленности действия:

а) *Они (с братом) обнялись – Они обняли друг друга.*

Действие взаимное, равнонаправленное, но в первом предложении взаимность выражена грамматически, а во втором – лексически.

В английском языке подобные русские предложения с глаголами на -ся передаются двумя основными лексическими способами:

- предложениями с глаголами, включающими в свое значение сему взаимности: *Они поссорились* (Д. Гринин) – *They quarreled;*

- предложениями с объектным компонентом *one another, each other*: *Начиная с этого вечера они виделись все чаще* (Д. Гринин) – *After that evening they saw each other more and more frequently; Врачи встречались только на "летучках"* (Ю. Герман) – *The doctors only saw one another at their daily five-minute meetings.*

б) *Он обнялся с братом – Он обнял брата (а брат обнял его).*

Действие взаимное, но доминирует направленность от субъекта *он* к объекту *брать*; во втором предложении наблюдается обычная для личных активных конструкций направленность действия от субъекта к объекту.

В английском языке оттенок значения, присущий такому русскому предложению с глаголом на -ся, нивелируется, поскольку оно переводится все той же личной активной конструкцией:

С Аглаей Родион Мефодиевич тоже поцеловался (Ю. Герман) – *Rodion kissed Aglaya too; Я же с тобой советовался* (Ю. Герман) – *I asked your advice about it, you know.*

1.1.4. В русском языке существует специальная **неопределенно-личная** конструкция, при помощи которой активный субъект может быть

представлен как грамматически неопределенный; объект при этом характеризуется как пассивный определенный: N 4 / р N – V 3 pl: *Коня остановили на полном скаку*.

В английском языке подобная конструкция отсутствует. В связи с этим русские неопределенно-личные предложения передаются здесь несколькими способами:

а) предложениями с активным определенным (известным или неизвестным из контекста) субъектом:

Кириллу налили вина (К. Федин) – *Someone poured out a glass for Kirill;* *Их свалили в кучу* (К. Федин) – *The hunters threw them in a pile;* *В столовых экономили продукты* (В. Кетлинская) – *The cooks at the canteens began economizing on food;* *Ее окликнули* (А. Толстой) – *Somebody called her name;* *О нем и не вспомнили* (Ю. Герман) – *No one ever mentioned him;*

б) предложениями с активным субъектом, выраженным местоимением *they*:

Вам помогут (Ю. Герман) – *They will help (you);* *В доброту мою не верят* (Ю. Герман) – *They don't believe in my kindness;* *За едой говорили про гуся, про погоду* (Д. Гранин) – *Over the meal they talked of the goose and weather;*

в) двучленными партиципиальными предложениями с пассивным неопределенным субъектом:

Допросили солдат (А. Толстой) – *The soldiers were questioned;* *Наконец, убрали в комнате все, кроме большого стола, оклеенного золотой бумагой* (А. Толстой) – *Finally, everything was taken out of it except a large table covered with gilt paper;* *Меня вызвали к командиру полка на станцию* (А. Бек) – *I was summoned to the Regimental Commander at the station;* *Их провожали одобрительным молчанием* (Д. Гранин) – *They were followed by an approving silence;*

г) предложениями других конструктивных и частеречных типов:

В истории медицины очень скучно о них пишут (Ю. Герман) – *The history of medicine makes their life-stories sound very flat;* *Ее платят только в институтах* (Д. Гранин) – *Usually you can get that at an institute;* *И вообще, там, в министерстве, даже мыслят другими масштабами* (Д. Гранин) – *Yes, the whole scale of thinking is different up there;* *Ну, такими бумажками моего авторитета не подорвешь* (Д. Гранин) – *Well, a scrap of paper like this won't undermine my authority.*

1.2. ИСС: "субъект – посессивность – объект".

1.2.1. Данная ИСС представляет собой разновидность субъектно-объектных отношений, реализуемых активной вербальной конструкцией типа N – V – N 2 / 4 / 5 с ядерным глаголом *иметь*. Субъект здесь всегда выступает как активный определенный, а объект – как пассивный определенный. См. примеры русских посессивных предложений:

Лаборатория учебного института не имела для этого ни оборудования, ни средств (Д. Гранин); *Каждая группа имела свои тайнички для*

инструмента, свои радости и огорчения (Д. Гранин); Никакими особо ценными военными секретами Клава не обладала (Д. Гранин).

В современном русском языке данная конструкция значительно уступает по частотности использования конкурирующей конструкции типа У N 2 – V – N.

В английском языке конструкция N – V – N является единственным синтаксическим способом выражения отношения обладания:

He had a more immediate job at hand (M. Wilson); He's got that little wife waiting for him (M. Wilson); He hadn't any cash on him (M. Spark).

Ср.: *Many people have saving accounts* – Многие люди имеют сберегательные счета / У многих людей есть сберегательные счета.

1.2.2. В обоих языках имеется также посессивная конструкция с субъектом в дательном падеже, которой выражается принадлежность активного определенного объекта пассивному определенному субъекту N – V – N 3: *Дача принадлежит отцу* – *The dacha belongs to my father.*

1.3. ИСС: "субъект – измерение – объект".

В сопоставляемых языках используется одна и та же конструкция N – V – N, в объектной позиции которой находится количественно-именное сочетание:

Обход продолжался два часа (Ю. Герман) – Making the rounds took two hours; Привить оспу стоило один соболь (Ю. Герман) – Vaccination cost one sable skin; Это стоило двадцать форинтов – It cost twenty forints.

2. Пассивные конструкции: N – V refl – (N 5)

2.1. ИСС: "субъект – действие – объект".

2.1.1. В русской вербальной **трехчленной** пассивной конструкции оба актанта – активный объект и пассивный субъект – выступают как определенные: N – V refl – N 5

Сапожник Захар каждый день будился от сна женою одинаковыми словами (А. Платонов); Как установлено, легковые машины останавливались на дорогах в безлюдных местах неизвестными в форме офицеров Красной Армии (В. Богомолов).

В английском языке здесь используется трехчленная **партиципиальная** конструкция, ср.: *Однако по старой памяти Гамбринус еще посещался морскими и портовыми молодцами (А. Куприн) – Nevertheless, from habit, the house was still frequented by those young men.*

Если грамматическим субъектом пассивной конструкции является неодушевленный предмет, то в обоих языках наблюдается замена инструментативной формы на локативную:

Огни всех люстр отражались в ее раскосых влажных глазах (Д. Гранин) – The lights of all the chandeliers were reflected in her moist slanting eyes.

2.1.2. В вербальной **двучленной** пассивной конструкции объект выступает как активный определенный, а субъект – как пассивный неопределенный: N – V refl.

В русском языке такие предложения представлены широко. В английском языке им соответствуют двучленные **партиципиальные** предложения или предложения других структурно-семантических типов:

По всем городам формировались пополнения (А. Толстой) – Replacement units were being formed in every town; Неожиданно разрывались прочные связи (А. Толстой) – The most solid ties were unexpectedly severed;

В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия (А. Толстой) – Huge enterprises sprang up with incredible rapidity during the last ten years.

2.2. ИСС: "субъект – обладание – объект".

Субъект обладания, представленный в русском предложении сочетанием $у + N_2$, выступает как пассивный, а объект – как активный; оба актанта грамматически определенные: $У + N_2 – V_{refl} – N$

У нас имеется все необходимое.

На английский язык такие предложения переводятся "обычными" активными конструкциями: *У Виктора завелось множество связей (Д. Гранин) – Victor acquired a large circle of useful acquaintances.*

2.3. ИСС: "субъект – восприятие / эмоциональное отношение – объект".

Субъект восприятия, представленный в русской конструкции формой N_3 , выступает как пассивный, а объект – как активный; оба актанта грамматически определенные: $N_3 – V_{refl} – N$

Все последующие действия и события запомнились (ей) в растянутом-мягучих подробностях (Д. Гранин); Ему представилась уходящая вдаль вереница дней и недель (Д. Гранин).

Русская пассивная конструкция со значением эмоционального отношения к объекту связана с активной типа $N – V – N_4$ на лексико-грамматическом уровне. Ср.: *Мне нравится классическая музыка – Я люблю классическую музыку.*

В английском языке русской пассивной конструкции (как и активной), соответствует активная конструкция: *A мне нравится ваша должность (Д. Гранин) – But I like your job; Больше всего деду понравился Мефистофель (Ю. Герман) – The old man liked Mephistopheles best.*

3. Безличные конструкции: $N_4 – V_3 s – (N_5)$

3.1. Трехчленная безличная конструкция: $N_4 – V_3 s – N_5$

Ветром сорвало крышу.

Такие конструкции свойственны только русскому языку. Объект имеет здесь признак пассивность (как в личной активной конструкции), а субъект характеризуется как "активно-пассивный" или демиактивный (см. об этом подробнее (Копров 2005, с. 79-85). При этом оба актанта являются грамматически определенными, например:

Шагов на две сти дорогу залило водой (В. Кетлинская); Мой гранатой и меня же чуть не убило (М. Бубеннов); Захария ударило чем-то по голове (И. Калашников); Воздушным налетом прервало допрос (Д. Гранин).

Рассматриваемые русские предложения обычно переводятся следующими английскими:

а) личной активной конструкцией: *Взрывом опалило лица двум патронным и сбросило с мостика командаира дивизиона* (К. Федин) – *The blast seared the faces of two other men in the gun crew and blew the squadron commander off the bridge; Может быть, взрывом оглушило подбежавших немцев, часть перебило* (А. Чаковский) – *Maybe the blast had stunned the Germans and killed some of them.*

б) трехчленной партиципиальной пассивной конструкцией: *В спину ему ударило тяжелым мешком* (А. Толстой) – *He was struck heavily in the back by a falling sack;*

в) вербальной или партиципиальной конструкцией с обстоятельством причины: *Ветром трепало мокрый кумачовый флаг* (А. Толстой) – *A damp flag of red bunting was flapping in the wind; Шагов на двести дорогу залило водой* (Б. Кемлинская) – *The ice was covered with water for a stretch of about two hundred paces ahead;*

г) другими конструкциями: *Снегом вас занести может* (А. Куприн) – *You might be snowed up; И вдруг совсем рядом за сараем взлетел черно-огненный столб, грохотом взрыва швырнуло высоко горящие пучки соломы* (А. Толстой) – *A black column streaked with flame shot up quite near them, just behind the shed, the crash of the explosion sending tufts of straw high into the air.*

3.2. Двучленная безличная конструкция: N 4 – V 3 s

Характерной грамматической чертой русской двучленной безличной конструкции является то, что субъект представлен в ней синтаксическим нулем, т. е. характеризуется как неопределенный демиактивный: *Дерево сломало; Дорогу замело.*

В английском языке прямого эквивалента рассматриваемой конструкции нет, поэтому для ее перевода используются различные способы:

а) неопределенность демиактивного агента передается английской двучленной партиципиальной конструкцией, хотя демиактивность агента при этом заменяется пассивностью: *Его несло* (Ю. Герман) – *He was carried away; Здесь Глеба ранило* (Д. Гранин) – *Here Gleb was wounded;*

б) если такая пассивизация агента нежелательна, то используется активная конструкция, но при этом, однако, лексикализуется неопределенный в русском оригинале субъект: *По мостовым гнало бумажонки, солому, прошлогоднюю пересохшую листву, раскрошенный навоз* (К. Федин) – *Down the street the wind swept papers and straw and dry leaves and manure; Влагу быстро выдуло* (К. Федин) – *The winds quickly dried up the moisture;*

в) используются также одноактантные конструкции различных частеречных типов: *Самолет сильно тряхнуло* (А. Чаковский) – *The plane had shaken violently; Лодку залило и опрокинуло* (К. Федин) – *The boat became swamped and capsized;*

г) см. также некоторые другие способы перевода русских двучленных безличных конструкций на английский язык: *На крутой яме машину подкинуло, где-то в утробе кузова инструменты весело громыхнули*

звонкой сталью, Анечку бросило в сторону (К. Федин) – They struck a particularly bad bump which caused the instruments somewhere inside the car to clatter merrily and Annochka to fall hard; Телегу, где лежал Бессонов, дернуло, повалило (А. Толстой) – The cart in which Bessonov was lying gave a sudden jerk and overturned.

4. Локативная конструкция N – (V) – (p N)

4.1. ИСС: "субъект – локализация – локализатор".

В отличие от других двуактантных вербальных предложений, в семантической структуре локативных предложений в качестве второго актанта выступает не объект, а локализатор. Типологически значимым здесь является отраженный в схеме порядок слов.

4.1.1. Субъект локализации грамматически определенный, локализатор (места, времени) эксплицирован, т. е. также выступает как определенный: N – (V) – p N

В глагольной позиции предложений данного типа находятся глаголы лексико-семантической группы локализации предмета в пространстве и времени. В русском языке, в отличие от английского, эта позиция может быть не занята, ср.: *Он в Москве – He is in Moscow.*

Вариантом конструкции локализации в русском языке является безличное предложение с отрицанием и с субъектом локализации в родительном падеже: N 2 – neg V 3 s – p N

Нины и здесь не было (Д. Гранин); (ср. с английским предложением с отрицанием: *Nina was not there either).*

4.1.2. В предложениях локализации локализатор может быть представлен как неопределенный: N – V

Вариантом предложения данного типа в русском языке является безличное предложение с отрицанием и с субъектом локализации в родительном падеже: N 2 – neg V 3 s

Привидения существуют → Привидений не существует.

Свободных столиков не было (Д. Гранин); Но физики не было (Д. Гранин).

В английском языке русским предложениям с неопределенным локализатором обычно соответствуют конструкции с *there*:

There was no party (M. Spark) – Никакой вечеринки не было; Погони не было (Ю. Герман) – There was no chase; Больных не было ни одного (Ю. Герман) – There was not a single patient.

См. также другие способы перевода русских предложений на английский язык: *И опять никаких похвал не было (Ю. Герман) – And once again no praise was forthcoming; С тех пор больше никаких сообщений о работах Rappa не появлялось (Д. Гранин) – Since then no further information about Rapp's work had been published.*

4.2. ИСС: локализатор – локализация – субъект.

4.2.1. Локализатор и субъект локализации выступают как грамматически определенные: p N – V – N.

В русском языке:

В коридоре висел свежий номер стенгазеты Управления (Д. Гранин); У самого берега реки белели домики небольшого станционного поселка (Д. Гранин); Вдоль фойе расположилась выставка достижений содружества ученых и производственников (Д. Гранин); Потом состоялся разговор с врачами (Ю. Герман).

В английском языке в таких случаях используется как конструкция с локализатором и компонентом *there*, так и конструкция без *there*: *At the other extreme was the market (M. Spark); There's almost a hundred dollars in the bank (M. Wilson); There's a pile of telegrams and phone messages downstairs (M. Spark); During the war there was a lot of boys like you from the States (M. Spark); There is now Mass till 6.30 (M. Spark).*

Русское предложение с отрицанием приобретает безличную форму, его субъект – форму родительного падежа: р N – neg V 3 s – N 2: *Товарищ абонент, в этом районе еще мощности нет.*

В некоторых предложениях с отрицанием отмечается дублетность личной / безличной форм, например: *На небе не сияла ни одна звезда – На небе не сияло ни одной звезды.*

Ср. предложения локализации с отрицанием в двух языках: *Сегодня спектакля нет – There's no performance today.*

Таким образом, способ перевода на английский язык русских предложений с определенным локализатором зависит, прежде всего, от позиции локализатора – в постпозиции (а) или в препозиции (б); см. соответствующие пары предложений:

(а) *Он стоял за ее спиной* (Д. Гранин) – *He stood behind her;* (б) *На крыльце стоял генерал* (А. Бек) – *There, on the veranda, stood the general;*

(а) *Книги лежали на полу, и на гардеробе, и на подоконниках* (Ю. Герман) – *Books lay stacked on the floor, on the top of the wardrobe and on the window-sills;* (б) *На ней лежали с отстегнутым ремешком карманные часы* (А. Бек) – *On it lay a pocket watch, with the strap loose.*

В следующей статье мы предполагаем представить результаты анализа русских двуактантных адъективных и партиципиальных предложений на фоне синтаксиса английского простого предложения.

Литература

1. Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж, 2000.
2. Копров В.Ю. Одноактантные предложения в русском и английском языках. // Сопоставительные исследования 2006. – Воронеж, 2006. – С. 156-164.

С.Л. Саввина
**О функционировании глаголов пространственной
локализации в простом предложении
русского и английского языка**

Как известно, в мире нет субстанции, которая не занимала бы своего места в пространстве, поэтому высказывания, в которых указывается местоположение объекта, имеют в языке большое распространение. Предложения локализации представляют собой один из важнейших компонентов синтаксической концептосферы языка и в наибольшей степени открыты для обсуждения (Попова, Волохина 2003).

Пространственные отношения между двумя субстанциями реализуются в предложении посредством глагольной локативной словоформы ЛСГ **глаголов местоположения** в пространстве.

Рассматриваемые в настоящей статье глаголы местоположения в пространстве образуют лексико-семантическую парадигму, которая в английском и русском языках носит сходный характер.

Так, в русском языке в предложениях локализации употребляются следующие глаголы со значением местонахождения: *быть, лежать, полулежать, стоять, сидеть, висеть, пролегать, чернеть, белеть* и т.д., а также возвратные глаголы *располагаться, расположиться, находиться, приютиться, притулиться, покоиться, притаиться, скрючиться, скорчиться* и мн. др.:

Посередине комнаты находился высокий стол с огромною клеткою, похожею на игрушечный дом; (Куприн); А Женечка с Максимом скрючились в углу, среди мрака и паутины, и выли в голос. (Чарская)

При этом ядро глагольного комплекса ЛСГ местоположения в русском языке составляют глагол *быть*, имеющий основное и наиболее абстрактное значение, и его лексические синонимы *находиться, располагаться*:

Дачка располагалась на краю деревни, в трёх верстах от Петрограда (Улицкая); Карфилд действительно находился в Бонне вчера вечером. (Kapp)

Наиболее частотным индексом употребления характеризуются такие глаголы, как *сидеть, стоять, лежать, висеть*, а также их приставочные синонимы *просидеть, полулежать, свисать, нависать* и т.д. В ЛСГ глаголов местоположения они являются ближней периферией и обозначают основные виды свободного положения предмета (тела человека, животного или неодушевлённого предмета), определяемое соответственно как его «сидячее, стоячее, лежачее, висячее» местоположение в пространстве. Например:

Тут же у окна стояли пяльцы и швейная машинка для подрубки белья, которое она метит по заказу (Чарская); На сукне лежат раскинутые веером экзаменационные билеты (Чарская); Её передник действительно смят, волосы расстрёпаны, пелеринка висит на ветке (Чарская); Весь вечер она пролежала на этой кровати, не в силах сдвинуться с места (из журналов); Сандра, искусно перевязанная, полулежала в кресле, переодетая в короткое для неё платье (Ефремов); Лиловые и белые гроздья одуряющие вкусно пахнущих цветов свисали с гибких ветвей сирени (Паустовский).

Необходимо подчеркнуть, что ЛСГ глаголов местонахождения в русском языке отличается богатством и разнообразием входящих в неё лексем.

При сопоставлении глагольных лексем в русском и английском языках было выявлено, что в английском языке, так же, как и в русском, ключевую лексему глагольного комплекса ЛСГ местоположения составляет глагол **to be** (**быть** и его лексические синонимы **находиться, располагаться**):

Karfield was actually in Bonn last night (Carre)/ Карфилд действительно находился в Бонне вчера вечером.

Вокруг него располагаются наиболее часто встречающиеся лексемы **to sit-сидеть, to stand-стоять, to lie-лежать, to hang-висеть**. Например:

He was lying on the bed lost in thought (Way); Across the road, in the pasture the horses, mules and cows stood quietly waiting to be driven to the stables (Mitchell); She sat at the window watching the evening invade avenue (Joyce); He had been hanging on these swings for more than twenty minutes, but she had not shown up yet... (Winters)

При исследовании английских глаголов ЛСГ местоположения было выяснено, что в зависимости от того, как они характеризуют положение предмета в пространстве относительно оси координат, они могут быть разделены на четыре лексико-семантические подгруппы:

1. Первую лексико-семантическую подгруппу составляют глаголы, характеризующие положение субъекта как **сидячее**:

sit-сидеть; squat-сидеть на кирточках; sprawl-разваливаться, раскидываться(о городе); recline-откинуться назад, полулежать; crouch-припадать к земле, согнуться; kneel-стоять на коленях; lounge-сидеть в развалку; loll-сидеть в развалку, стоять в ленивой позе; perch-усесться, опереться (обо что-либо); curl (up)-лежать, сидеть, свернувшись, притулиться, приютиться; straddle-сидеть верхом; slouch- сидеть согнувшись, сутулиться; lean - сидеть, стоять, облокотившись обо что-то; nestle-уютно, удобно устроиться, примоститься, прильнуть, прижаться; settle-усесться, поселиться:

My husband was sprawling over the couch (King); She crouched in the cellar almost the whole day (Mitchell); A lot of old women in black trousers squatted on the landing (Green); She was straddling on the pillion. (Way)

2. Вторую лексико-семантическую подгруппу составляют глаголы, характеризующие положение субъекта как **лежачее**: **lie-лежать; spread-eagle-распластаться; repose-покоиться, ложиться отдохнуть; stretch-растягиваться, вытягиваться, тянуться, простираться; rest-покоиться; sprawl-растягиваться, вытягиваться.**

She stretched out flat on the sofa (Rice); Her rosary beads always reposed in the small inlaid basket (Mitchell)

3. Третью лексико-семантическую подгруппу составляют глаголы, характеризующие положение субъекта как **стоячее**: **stand-стоять; slouch-сутулиться; lean-прислоняться, опираться; lounge-стоять,**

опираясь на что-либо; straddle-стоять, широко расставив ноги; loll-стоять, прислонившись к чему-то.

He lounged there against the booth (Mitchell); Two younger youths were talking together and lolling against the wall... (Galsworthy)

4. Четвертую лексико-семантическую подгруппу составляют глаголы, характеризующие положение субъекта как *висячее*: **hang**-висеть, **dangle**-свободно свисать, **droop**-висать.

A heavy style droops over her sleepy eyelid. (Joyce)

Вышеперечисленные глаголы, кроме положения в пространстве, в своём значении передают ещё и дополнительную информацию о месте расположения предмета, о позе и способе локализации, т.е. содержат в своих значениях большое количество дифференциальных признаков.

Интересно, что некоторые из указанных английских лексем могут одновременно входить в несколько лексико-семантических подгрупп. Например, глаголы *sprawl*-растягиваться, вытягиваться; *recline*-откинуться назад, полулежать описывают расположение объекта и как «сидячее», и как «лежачее». Такие глаголы, как *lean*-прислоняться, опираться; *lounge*-стоять, (сидеть) опираясь на что-либо; *loll*-стоять (сидеть), прислонившись к чему-то, *straddle*-стоять, широко расставив ноги, сидеть верхом характеризуют положение тела и как «стоячее», и как «сидячее».

Как видно из перечисленных выше примеров, описываемые глаголы ЛСГ местоположения в пространстве в русском и английском языках, наряду с общими чертами, демонстрирует и определённые различия.

Так, в русском языке глаголов местоположения насчитывается сравнительно больше, что объясняется наличием в этом языке приставочных глаголов: *просидеть*, *полулежать*, *примоститься*, *висать*, *нависать* и т.д.

Часто наблюдаются случаи, когда при наличии и в русском, и в английском языках одних и тех же глаголов местонахождения, имеются различия в способах номинации – лексемой или словосочетанием. Например:

recline-откинуться назад, полулежать; *crouch*-припадать к земле, согнуться; *kneel*-стоять на коленях; *lounge*-сидеть в развалку; *loll*-сидеть в развалку, стоять в ленивой позе; *kneel*-стоять на коленях; *lounge*-сидеть в развалку; *loll*-сидеть в развалку, стоять в ленивой позе и т. д.

Особенно следует подчеркнуть, что, как русские, так и английские глаголы местоположения обладают широким диапазоном сочетаемости, вступая в лексические связи с различными тематическими группами существительных, выполняющих функцию подлежащего. Основываясь на исследовании корпуса примеров можно сделать вывод, что в позиции субъекта чаще всего выступают одушевлённые существительные антропонимы, реже – зоонимы. Для неодушевленных существительных употребление с данными глаголами нехарактерно, их чаще можно

встретить в конструкциях с глаголом *to be* (*быть, находиться, располагаться*).

Проведенное сопоставление показывает, что в системе глаголов, используемых в локативных конструкциях исследуемых разноструктурных языков – английском и русском, наблюдаются определённые сходства и различия. Комплексное рассмотрение описываемых глаголов местоположения и их сопоставление в различных языках показывает их роль в структуре предложения и открывает возможности построения семантико-синтаксической классификации предложения в синтаксисе. Установление специфических свойств предложений пространственной локализации и их изучение необходимо для более точного понимания способов передачи смысла локативного высказывания.

Литература

1. Попова З.Д., Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 2003.

М.В. Суханова

Полевая организация оборотов касательства (на материале русского и испанского языков)

Одним из средств обеспечения связности в испанском языке являются обороты касательства (ОК). В русском языке к их эквивалентам относятся оборот *что касается, то ..., построения с предлогами насчет, относительно, касательно*, образования с союзами *а, но* и т.д. ОК – это “специализированные грамматикализованные средства, обслуживающие связный текст, акцентно выделяющие отдельные его фрагменты и в какой-то мере связывающие их с целым” (Черемисина, Колосова 1987, с. 131). Ю.А. Рылов трактует эти образования как эндоцентрические синтаксемы, ориентированные на замещение прилагольной позиции (Рылов 1985, с. 108; Rylov 1989, с. 96). В предложениях с ОК “соположение частей строго фиксировано” (Русская грамматика 1982, с. 575). ОК занимают начальную позицию в предложении, эмфатизируя тему высказывания и, таким образом, предупреждая собеседника о чем будет идти речь (Kovacci, 1999:754). Например: *Respecto al patinaje artístico me gusta más de todas las clases de deporte. Что касается фигурного катания, то оно мне нравится больше всех видов спорта.* Особенность предложений с ОК состоит в том, что эти построения выполняют роль выделителя предмета для последующего комментирующего сообщения (Di Tullio 1997, с. 363).

Исследования, направленные на выявление корпуса ОК и места этих конструкций в системе русского и испанского языков, позволяют построить функционально-семантическое поле (ФСП) касательства в сопоставляемых языках. Предметом нашего исследования являются группировки языковых единиц, объединяемых на основе комбинации двух

признаков: по общности выражаемого значения и выполняемых ими функций.

План содержания поля касательства представлен значением касательства. План выражения составляют разноуровневые языковые единицы. При исследовании содержательной стороны ОК мы используем метод компонентного анализа. Описание ФСП касательства ведется в направлении от семантики к формальным средствам ее выражения.

Об универсальности поля касательства можно говорить, исходя из того, что такие полевые структуры есть в обоих сопоставляемых языках, поскольку в них представлены языковые средства, акцентно выделяющие объект мысли. Результатом сопоставления моделей поля касательства является выявление общего и национального в структурировании этих полей.

Как известно, в составе поля касательства существуют ядерные и периферийные конституенты. При выделении ядра поля мы руководствовались следующими признаками: однозначность и наибольшая специализированность для выполнения функций ядра, систематичность и большая частотность использования по сравнению с другими конституентами, обязательность для поля. Для конституентов ближней периферии сема касательства является дифференциальной; они в минимальной степени зависят от контекста. Эти ОК отличаются меньшей специализированностью в выполнении функции поля и меньшей частотностью. Для конституентов дальней и крайней периферии сема касательства является потенциальной и реализуется только в контексте, актуализирующем смысловой компонент с противопоставлением или сопоставлением. Подсчеты частотности использования ОК проводились на базе примеров (по 3500 в русском и испанском языках), полученных путем сплошной выборки.

В русском языке в **ядре поля** находится псевдопредикативный оборот *что касается ... , то ...*, как однозначный, самый частотный и наиболее специализированный на выполнении функций ядра. В зоне ближней периферии размещаются построения с предлогами *насчет*, *относительно*, *по поводу*, обороты с частицей *же* и союзами *что до... , то... ; а что..., (так) ... ; а вот*. Эти ОК однозначны и более частотны по сравнению с другими построенными. Конституентами **дальней периферии** являются построения с предлогами: *про + N₂*, *о + N₅*, *в связи с + N₅*, *в отношении + N₂*. Сюда же относятся образования с частицей *-то* и инфинитивные ОК. Они в минимальной степени зависят от контекста, сема касательства является для них одной из возможных. На **крайней периферии** находятся обороты с союзами *а*, *но*, *а уж*, построения с предлогами *касательно*, *для*, в которых исследуемое значение реализуется, в большинстве случаев, в контексте, выражающем противопоставление или сопоставление. К этой же зоне принадлежат и предложения с несобственно-условным значением. На **самой крайней периферии** располагаются союзные образования *что + N... , то ... ; и + N ; в то время как + N ; между тем + N ; наоборот + N*;

напротив + N; однако + N; зато + N; предложные построения *c + N₅*, *за + N₄*, *к + N₅*, *в плане + N₂*, *в смысле + N₂*, а также предложения с использованием личного местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом, с повтором тематического компонента, с сегментацией подлежащего или обстоятельства. Для этих конституентов значение касательства окказионально и реализуется только в контексте.

В испанском языке **ядро поля** касательства заполняют следующие ОК: предложные построения *en cuanto a*, *respecto a*, *con respecto a*, псевдопредикативные образования *por lo que respecta a*, *por lo que se refiere a*, *por lo que toca a*. Причем в центре ядра находится построение *en cuanto a*, остальные ОК группируются в окколоядерной зоне. Значение касательства является для них единственным. Однако эти ОК употребляются чаще, чем другие. Первый пласт **периферийной зоны** составляют псевдопредикативные образования *por lo que hace a*, *en lo que respecta a*. Сюда же можно отнести построения с предлогами *respecto de*, *en relación con*, *acerca de*, *por mí*, *para mí*, *por mi (tu, su) parte*. Эти ОК находятся в минимальной зависимости от контекста, а сема касательства для них - всего лишь одна из возможных. Компонентами **зоны дальней периферии** являются псевдопредикативные образования *en lo que se refiere a*, *por lo que mira a*, *en lo que hace a*, *por lo que concierne a*, *en lo que toca a*, а также построения с предлогами *con relación a*, *en punto a*, *en torno a*, *a propósito de*, *cuanto a*, *en lo respectivo a*, *por lo tocante a*, *tocante a*, *en lo referente a*, *en lo de*. В этой же зоне находятся инфинитивные ОК. **Зону крайней периферии** занимают псевдопредикативные образования *por lo que atañe a*, *en lo que concierne a*, *en lo que va de* и предложные построения *para con*, *en lo relativo a*, *en relación a*, *lo de*, *por lo de*, *eso de*, *sobre + N*, *de + N*. Сюда же относятся и плеонастические образования, обороты с союзами *pero*, *como* и предложения с использованием личного местоимения-подлежащего при глаголе. Эти построения с исследуемой семой менее частотны. В них значение касательства реализуется в контексте. **На самой отдалённой периферии** находятся псевдопредикативные образования *en lo que mira a*, *en lo que atañe a*, *por lo que pertenece a*, *en lo que pertenece a*, *en lo que corresponde a*, *en lo que se relaciona con*, *en lo que afecta a*, *en lo que se dice de*, *en lo que reza sobre*, *en lo que trata de*, построения с предлогами *con respecto de*, *al respecto de*, *con referencia a*, *en referencia con*, *en orden a*, *en punto a*, *referente a*, *relativo a*, *concerniente a*, *en lo concerniente a*, *en lo pertinente a*, *en lo conducente a*, *en lo relacionado con*, *atinente a*, *referido a*, *respective a*, *relativamente a*, *tanto a*, обороты с союзами *por el contrario*, *en cambio*, *y*, *sin embargo*, *mientras*, *mientras que*, *pues*, а также предложения с сегментацией подлежащего или обстоятельства и с повтором тематического компонента. У этих построений значение касательства окказионально, они частотны и зависят от контекста.

Изучение ФСП касательства в сопоставительном плане в русском и испанском языках, способствовало выявлению соотношения общего и

особенного для обоих языков, позволило определить национальную специфику передачи значения касательства. Универсальным для обоих языков является то, что периферия по числу конституентов значительно превышает ядро, зона крайней периферии преобладает над ближней. Соотношение ядра и периферии в абсолютных цифрах выглядит так: русский язык - 1 : 31 ; испанский язык - 6 : 73 (без учета инфинитивных ОК). Ядро ФСП сопоставляемых языков содержит псевдопредикативные образования. Кроме того, в обоих языках поле касательства является моноцентрическим с размытой границей между ближней и дальней периферией. В обоих языках периферия имеет зонную организацию, причем крайняя периферия преобладает над ближней: в испанском языке - 8:38; в русском языке - 7 : 12.

К национальному своеобразию относится тот факт, что в испанском языке ФСП касательства более обширно по количеству конституентов. Ядро поля в испанском языке имеет в своем составе ряд синонимов. Ядро ФСП в сопоставляемых языках структурировано по-разному: в испанском языке - 1 : 5 (т. е. один конституент в центре, пять - в околяядерной зоне), а в русском языке ядро не членится на центр и околяядерную зону; в ядре имеется только один ОК.

Сравнивая распределение оборотов касательства по зонам периферии 7:5:7:12 (рус. яз.), 8 : 15 : 13 : 38 (исп. яз.), отметим, что в русском языке оно более сбалансировано в количественном плане, чем в испанском. С другой стороны, в обоих языках количество конституентов нарастает в зонах крайней и самой отдаленной периферии. Детализируя структуру поля, следует отметить, что она членится секторами на микрогруппы - парцеллы, которые включают как отдельные элементы поля, так и группы элементов. В испанском языке таких парцелл пять, а в русском - четыре. Они соответствуют типам ОК: псевдопредикативным, предложным, союзовым, инфинитивным и плеонастическим.

В сопоставляемых языках набор парцелл в количественном плане различен. Отличаются парцеллы и концентрированностью конституентов. Единственное псевдопредикативное образование в русском языке находится в центре ядра ФСП. Испанские же псевдопредикативные ОК располагаются как в ядре, так и по зонам периферии. Все испанские псевдопредикативные ОК являются уже сложившимися фразеологическими образованиями с одним значением - *что касается ...*, *то ...*, но различаются по частоте употребления. Построения с предлогами в русском языке заполняют все зоны периферии. В испанском языке предложные ОК тоже представлены в ядре и во всех зонах периферии. Удаленность от центра указывает на многозначность этих построений, а интересующее нас значение является одним из многих, поэтому они низкочастотны. В русском языке обороты с союзами располагаются по всем зонам периферии: ближней, дальней и крайней. В испанском языке союзные образования приобретают исследуемое значение только в контексте при выражении противопоставления. Все они находятся на

самой отдаленной периферии, поскольку даже при значительной частотности использования значение касательства не всегда реализуется. Инфинитивные построения в обоих языках, несмотря на близость значения к ОК, мы бы отнесли к дальней периферии из-за незначительной частотности этих конструкций по сравнению с другими конституентами ФСП касательства. В зоне крайней периферии в испанском языке находятся плеонастические образования.

Учитывая тот факт, что разные ФСП могут накладываться друг на друга, следует отметить, что ФСП касательства пересекается с ФСП противопоставления и сопоставления. Это нашло отражение в использовании в качестве ОК построений с союзами *а, но, а вот, а уж, напротив, наоборот* (рус. яз.), *pero, y, en cambio, al contrario* (исп. яз.), для которых исследуемое значение окказионально и приобретается в контексте с противопоставлением или сопоставлением объектов мысли. То есть эти построения одновременно принадлежат ФСП противопоставления, сопоставления и ФСП касательства.

Использование полевого анализа дало нам возможность детально изучить и описать структуру ФСП касательства. Языковые средства, образующие поле, объединяются единством семантического признака.

Мы полагаем, что именно потребность в усилении информативной значимости тех объектов мысли, о которых идет речь в высказывании, обусловила существование в системе языка ОК и пополнение корпуса ОК новыми конструкциями с этим значением.

Литература

1. Русская грамматика. – т. II. – М.: Наука, 1982.
2. Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении.– Воронеж, 1985.
3. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987.
4. Di Tullio, A. Manual de gramática del español, Desarrollos teóricos. Ejercicios. Soluciones. – Buenos Aires, 1997.
5. Kovacci, O. El adverbio. // Gramática descriptiva de la lengua española. – Madrid, 1999. – т. I. – p. 705-787.
6. Rylov Y.A. Sintaxis de relaciones del español actual. – León, 1989.

А.Б.Зотова

Виды совмещенных ассертивных и директивных речевых актов (на материале русских и английских восклицательных предложений)

Восклицательными называются предложения, в которых выражение содержания сопровождается выражением чувств и эмоций говорящего (Бузаров 2003, с. 269). Анализ фактического материала показывает, что как в русском, так и в английском языках в восклицательных

предложениях эмоции накладываются на коммуникативное намерение говорящего. Это позволяет выделить различные типы речевых актов, которые осуществляют говорящий, употребляя в коммуникации восклицательные предложения.

В рамках исследуемого материала на основе анализа 4000 русских и 4000 английских примеров было выделено шесть основных видов речевых актов. Их можно представить в порядке убывания частотности в процентном отношении к общему количеству следующим образом: 1) экспрессивы (34% и 30% в русском и английском языках); 2) ассертивы (28,5% и 25% в английском и русском языках); 3) директивы (17,5% и 13,5% в английском и русском языках); 4) социальные речевые акты (12,2% и 10,05% в русском и английском языках); 5) речевые акты вопросительного типа (3% и 2,5% в русском и английском языках); 6) комиссивы (2,3% и 1,9% в русском и английском языках).

Однако помимо речевых актов, эмоционально выраждающих одну интенцию, которые можно условно назвать «чистыми», существуют репрезентируемые восклицательными предложениями речевые акты, выраждающие две интенции. В этом случае можно говорить о совмещённых речевых актах. Число таких актов составляет 10% в русском и 9,4% в английском языках по отношению к общему количеству.

Следует заметить, что совмещённые речевые акты могут быть двух видов: 1) *синтетические*, в которых оба речевых акта выражаются одной конструктивной единицей (например: *Hora!* (Г. Щербакова «Актриса и милиционер») - обращение и одновременно приказ прекратить думать о своём и сосредоточиться на роли') и 2) *аналитические*, где совмещаются две конструктивные единицы, каждая из которых выражает один речевой акт (*Здорово, Андрюха!* (М. Бутов «Свобода») – совмещение приветствия и обращения).

В рамках исследуемого материала чаще всего совмещаются ассертив и директивы (3% в английском и 2% в русском языках). Ассертивные речевые акты – это акты, основной функцией которых является сообщение слушающему или читающему о некотором положении дел в действительности (Комина 1983, с. 95). Речевые акты директивного типа имеют своей основной целью заставить слушающего сделать или не сделать что-либо (Семина 1991, с. 56).

Рассмотрим возможные варианты совмещения ассертивных и директивных речевых актов. В русском и английском языках *эмоциональное утверждение*, как правило, совмещается с:

1) *эмоциональным предупреждением*, при этом образуются совмещенные синтетически речевые акты: *Suddenly Strathmore sprang to action. "Follow me", he said. He strode toward the trapdoor. "Commander! Hale is dangerous!"* (D. Brown “Digital Fortress”); *Bosch took two steps and launched himself over the railing to the lawn. As he did it, he yelled a warning. “He’s got a gun! He’s got a gun!”* (M. Connelly “The Last Coyote”); *Как принято везде, злость обратилась на гонца с недоброй вестью. «На что*

пьёте? Денег у меня мало!» «Не на свои пью, - ничуть не обиделся Луков. – На чужие. Уметь надо. Да и с вас беру пример». (А. Азольский «Глаша»); *«Весна, совсем весна, - сладко вздохнула Марина. – Тоже бы поехать куда-нибудь. Вместе».* **«Только не в командировку!»** - с шутливым испугом предупредил я. «Да хоть в командировку, но вместе».

(Р. Сенчин «Нубук»);

2) эмоциональным требованием, при этом образуются совмещенные синтетически речевые акты: *“Hale’s in Node 3! He just attacked me!” “What? Impossible! Hale’s locked down in-” “No, he’s not! He’s loose! We need security inhere now! I’m aborting TRANSLTR!” Susan reached for the keypad.* (D. Brown “Digital Fortress”); **I need to talk to you!** (S. King “The Green Mile”); **You must let Bucher know that this is not a small war!** (A. Gopnik “A Handful of Cherries”); *Но такого, как сейчас взрыва ненависти он не ожидал. «Сволочь! – выругалась она. – Какая же сволочь!.. Петья, я тебя умоляю срочно докладывай руководству! Его надо отзывать!*» (А. Азольский «Глаша»); *«Тань, не кричи, - я сделал свой голос мягче, - он вернется послезавтра – и вы решите».* *«Я не могу ждать ни дня, понимаешь ты или нет! У меня покупатель! И через час я жду тебя возле склада. Ты слышишь? Ты обязан отдать!»* (Р. Сенчин «Нубук»);

3) эмоциональным советом (рекомендацией, указанием), при этом в русском языке образуются, как правило, речевые акты, совмещенные аналитически: *«Все в порядке. Я счастлива».* **«Но ты же болеешь, тебе лечиться надо!»** (А. Слаповский «День денег»); **Если тебя не понимают, нужно бежать!** (М. Беленький “Обсерватория”); а в английском языке - совмещенные синтетически: *Sophie realized now that Langdon knew far more about her grandfather than she had previously imagined. This American obviously had volumes to share with her, but this was not the place.* *“I can’t afford to let them catch you, Robert. There’s a lot we need to discuss. You need to go!”* (D. Brown “The DaVinci Code”); *“Are you okay?” Paul says, shaking Curry’s shoulders.* **“He needs an ambulance!”** But Gil is focused. *“The police will take care of him.”* (I. Caldwell “The Rule of Four”);

4) эмоциональным запретом, при этом образуются совмещенные синтетически речевые акты: **I don’t allow gambling on this ship!** (C. Bukowski “Confession of f Man Insane Enough to Live with Beasts”) – ‘запрет веселиться на яхте’; *She moved around him as he turned away, grabbing his hands, tearing at his shirt to keep him from buttoning it.* **“You can’t! You can’t do this to me!”** (M. Crichton “Disclosure”); *«Заперли! Забрали машину! Выкрали права!»* **«Но ты не можешь сейчас водить! Я сочувствую... Я сочувствую.** (Оглянулась на меня. Голос строг.) *Не имеешь права – а потому, извини, не имеешь прав!»* (В. Маканин «Без политики»); **Нечего тебе туда шляться! Я тебе говорю! Нечего тебе там делать.** (В. Глоцер «Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс»);

5) эмоциональным отказом, при этом образуются, как правило,

совмещенные синтетически речевые акты: “*Look, I know why you’re here!*” *The old man struggled to sit up. “I’m not going to be intimidated! If I’ve said it once, I’ve said it a thousand times – Pierre Cloucharde writes the world the way he lives the world. Some of your corporate guidebooks might sweep this under the table for a free night on the town, but the Montreal Times is not for hire! I refuse!*” (D. Brown “Digital Fortress”); *Вообще-то я интервью не даю, зарекся. Переврут всё, ходишь потом как оплеванный. Ваши ещё любят про уборные писать, уборные у нас грязные... Дались им эти уборные... Всем отказываю! Японцам только не отказываю. Эти так напишут, что никто не прочитает.* (В. Золотуха «Последний коммунист»); *Скидывай мешки назад! Трактор колхозный – чужих не повезу!* (А. Варламов «Сплав»)

6) *эмоциональным приказом* и при этом могут образовываться речевые акты, совмещенные как аналитически: «*Я поотрубаю руки всякому, кто притронется к моим бедным, но честным вещам...*» *Что-о?*» *«Марина!»* – строгое проскрипела Виталия Гордеевна и властно приказала: «*Ступай к себе! Ступай, я сказала!...*» (В. Астафьев «Пролетный гусь»); *“Hal!” she cried from the back bedroom. Her voice sounded a little stronger now, but it also sounded afraid, as if the thing which had so confused and unmanned us had now retreated to her. “Make them go away, whoever they are! We don’t need no salesmen in the middle of the night!*» (S. King “The Green Mile”); так и синтетически: *The man you want is Remy Legaludec,” Sophie said. “He is Teabing’s servant. He just kidnapped Teabing inside the Temple Church and-” “Agent Neveu!” Fache bellowed as the train thundered into the station. “This is not something to discuss on an open line. You and Langdon will come in now. For your own well-being! This is a direct order!*” (D. Brown “The DaVinci Code”); *We don’t need no salesmen in the middle of the night!* (S. King “The Green Mile”) – ‘приказ выгнать всех торговцев из дома’;

7) *эмоциональной просьбой*, при этом образуются совмещенные синтетически речевые акты: *Иди, Володя, прошу тебя... Я прошу тебя!* (В. Золотуха “Последний коммунист”); *Susan was in a daze. Nothing made sense. “Susan! You’ve got to help me! Strathmore killed Charrukian! I saw it!”* (D. Brown “Digital Fortress”);

8) *эмоциональным разрешением* и при этом образуются совмещенные синтетически речевые акты: *“Are you okay?” he asked, backing toward the door. “I’m fine.” Her voice was haughty. “You can leave now!”* (D. Brown “Digital Fortress”); *Я так скажу: даже самому лучшему начальнику один глаз можно выбить!* (М. Беленький «Обсерватория»).

В обоих языках *эмоциональное указание* может совмещаться с *эмоциональным прогнозом* и при этом, как правило, образуются совмещенные аналитически речевые акты: *Их держать надо внатяг, иначе все пухом прахом пойдет!* (Б. Екимов «Пиночет») – ‘председатель колхоза говорит о том, как нужно руководить колхозниками’; *Each ring was only 50 cents, a lifetime possession for just 50 cents, made available only to*

the patrons of the Burbank and not sold anywhere else. “Just hold it up to the light and you will see!” (C. Bukowski “Bop Bop against that Curtain”).

В английском языке эмоциональное утверждение может совмещаться с:

а) эмоциональным предложением: “*Those fossils are irrefutable!*” “*I know that. You know that. But if the public catches wind that NASA knowingly presented ice-core data that was in question, trust me, they will immediately start wondering what else NASA lied about.*” *Norah stepped forward, eyes flashing. “My ice-core data is not in question.” She turned to the administrator. “I can prove to you, categorically, that there is no brine ice trapped anywhere in this ice shelf!*” (D. Brown “Deception Point”); “*Fifty thousand!*” Becker offered. (D. Brown “Digital Fortress”); *She brightens; her voice goes up in volume; she tries to become another conjurer. “That’s what we can do this morning while Grandpa plays his golf! We can all go to Winn Dixie and do an enormous shopping!*” (J. Updike “Rabbit At Rest”);

б) эмоциональным призывом, при этом образуются, как правило, совмещенные аналитически речевые акты: “*Nice, Judy,*” *Rabbit grunts. Terrific. You were really getting into it.*” “*It was fun, like you said. Look, there’s Mommy!*” (J. Updike “Rabbit At Rest”); “*Publicizing scientific breakthroughs is not about showing destructive power! This is terrible for antimatter, trust me!*” (D. Brown “Angels and Demons”).

Таким образом, при совмещении ассертивов и директив, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями, образуются речевые акты, совмещенные синтетически и аналитически. В обоих языках чаще всего эмоциональное утверждение совмещается с эмоциональным предупреждением, эмоциональным требованием, эмоциональным советом, эмоциональным запретом, эмоциональным отказом, эмоциональным приказом, эмоциональной просьбой, эмоциональным разрешением. В английском языке возможно также совмещение эмоционального утверждения с эмоциональным предложением и эмоциональным призывом.

Литература

1. Бузаров В.В. Грамматика разговорного английского языка (с упражнениями). – М., 2003.
2. Комина Н.А. Систематика коммуникативно – прагматических типов высказывания // Прагматические условия функцио-нирования языка. – Кемерово, 1983. – С. 93-101.
3. Семина И.А. Способы выражения типов побуждения в современном французском языке (на примере высказываний-просьб) // Лингвистические закономерности организации текста. – Вып. 379. – Москва, 1991. – С. 53-59.

Е.В. Копкова

Особенности межкатегориальных связей прилагательных (на материале русского и английского языков)

Употребление полных и кратких форм имени прилагательного в современном русском языке в предикативной функции представляет собой многочисленные случаи синтаксической синонимии. При этом все в большем числе случаев предпочтение отдается именно полной форме, это может быть связано с тем фактом, что полные прилагательные, как более привычные, все чаще начинают использоваться носителями языка как в определительной, так и в предикативной функции.

Действительно, как отмечают грамматики русского языка, употребление кратких форм больше характерно для книжного стиля. Ср.: в произведениях писателей XIX века краткие формы вполне обычны (*Теперь август, вечера становятся сыры* (Гончаров); *Стою я тверд и прям...* (Крылов); *Эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы* (Лермонтов) [Грамматика русского языка 1960]. В современном языке предикативные структуры с краткими прилагательными почти неупотребительны.

Несмотря на тот факт, что краткие формы в предикативных конструкциях вытесняются полными формами в именительном и творительном падеже, тем не менее, остается сфера самостоятельных значений, закрепившихся за каждой формой.

В статье рассматриваются некоторые значения краткого русского прилагательного и способы реализации этих значений в английском контексте.

Краткая форма используется, как правило, в предложении *квалифицирующего* типа: *она красива, он очень богат* и соответствует предикативному прилагательному в английском предложении: *The priest was young and blushed easily and wore a uniform like the rest of us...- Священник был молод и легко краснел, и носил форму...; He was good-looking, was my age, and he came from Amali. - ...Он был красив, одних лет со мной, родом из Амальфи* (Хемингуэй). Инициальная позиция акцентирует значение предикативного прилагательного в характеризующей цепочке, что свидетельствует о роли порядка слов в английском предложении при передачи семантических значений.

Краткое прилагательное в роли сказуемого употребляется в предложениях, имеющих характер широкого обобщения, умозаключения. Подобные высказывания носят отвлеченный характер сентенций, неоспоримых и общепризнанных истин. При этом выражаемый признак имеет значение “абсолютного постоянства”: *Man will be endless and infinite, even as space is endless and infinite. Man will go on as space goes on for ever...- Человеку не будет пределов, как нет пределов Вселенной. Человек будет вечен, как Вселенная...* (Брэдбери). Указанные особенности значения краткой формы передаются следующими структурами: английское предикативное прилагательное соответствует сказуемому в безличном предложении в русском переводе, краткая русская форма синонимична личной глагольной форме. Это, скорее всего, обусловлено семантической

близостью глагольной формы и краткой формы прилагательного: выражать актуальный признак предмета, являться ремой предложения.

Важно отметить такую особенность кратких форм, как отсутствие таксономических признаков в семантике предиката, т.е. предикат не предполагает наличия какой-либо семантической альтернативы (ср.: *Явка обязательна* и *Математика – предмет обязательный*). Имена с уникальной референцией не могут быть подлежащими ни таксономического, ни таксономически-квалифицирующего типа предложения. Следовательно, сочетаются с предикатами в краткой форме: *Вселенная бесконечна; Земля велика и прекрасна*. Таким образом, семантика подлежащего определяет особенности значения предиката.

Употребление краткой формы детерминировано наличием распространителей при сказуемом. Во-первых, развитая система управления свойственна кратким прилагательным, в отличие от полных прилагательных. Во-вторых, наличие зависимых членов затрудняет таксономическую функцию предиката, что ограничивает возможность функционирования полной формы в таком контексте. - *The plain was rich with crops; there were many orchards of fruit trees and beyond the plain the mountains were brown and bare.* – Равнина была плодородна, на ней было много фруктовых садов, а горы за равниной были бурые и голые (Хемингуэй).

Тем не менее, в следующих предложениях сочетание предикативного прилагательного с дополнением синонимично либо глагольной группе: *...and in the fall when the rains came the leaves fell from the chestnut trees and the branches were bare and the trunks black with rain.* - ...и осенью, когда начались дожди, с каштанов облетели все листья, и ветки оголились, и стволы почернели от дождя (Хемингуэй); либо полной форме: *The vineyards were thin and bare-branched too and all the country wet and brown and dead with the autumn.* – Виноградники тоже поредели и оголились, и все кругом было мокрое, и бурое, и мертвое по-осеннему (Хемингуэй). В первом случае глагольные значения подчеркивают изменения признаков, а использование полной формы во втором примере передает результат этих изменений. Выбор между кратким и полным прилагательным обусловлен катафорической либо анафорической направленностью этих форм. Использование краткой формы ориентировано на последующий контекст, наряду с использованием глагольных форм, которые обладают прогрессивной перспективой. Полная форма же ориентирована на предыдущий контекст.

С целью придания динамичности повествованию часто при предикативном прилагательном опускается глагол-связка: *...and all that had been there gone and everything sharp and hard and clear and sometimes a dispute about the cost* - ...и все так резко, и ясно, и четко, и иногда споры о плате (Хемингуэй).

При кратком прилагательном также могут находиться слова, указывающие на степень проявления признака или подчеркивающие

большую степень признака. - *It's not just us come to Mars, it's the race, the whole darn human race, depending on how we make out in our life-time. This thing is so big I want to laugh, I'm so scared stiff of it* - ...От того, что мы успеем на своем веку, зависит судьба всех людей, черт подери, судьба всего рода людского. Даже смешно, вон куда махнул, а ведь это так огромно, что страх берет (Брэдбери); *He was so old and his face was very wrinkled, so that a smile used so many lines that all gradations were lost* – Он был очень стар, и на его лице было очень много морщин, и в улыбке участвовало столько черточек, что оттенки терялись в них (Хемингуэй). Значение предикативного прилагательного усиливается с помощью наречий и сравнительных конструкций *so, so... (that)*.

Другая особенность краткой формы – это способность передавать временный признак, при этом форма может сопровождаться словами, указывающими на время проявления признака. Ср.: *Он больной* (он вообще больной человек) и *Он болен* (в данный момент, сейчас ему плохо); *He is a sick man* и *He is sick* (at the moment, at present). В первом случае, как в русском, так и в английском эквиваленте, именной предикат относит характеризуемый объект сначала к категории “человек”, а затем приписывает ему один из таксономических признаков “больной/ здоровый”. Заметим, что в английском предложении это выражается эксплицировано посредством субстантивного словосочетания в качестве именной части составного сказуемого, в отличие от русского, где эти значения передаются оппозицией краткой и полной форм. Во втором же случае мы имеем дело не с таксономическим, а квалифицирующим типом предложения.

Таким образом, семантической особенностью функционирования краткой формы предикативного прилагательного является то, что она указывает на характеристику, связанную с определенными обстоятельствами; полная форма, в свою очередь, выражает общую характеристику.

Еще одним семантическим контекстом, в котором краткая форма не может быть заменена полной, является специфическое лексическое значение, закрепленное за краткой формой и отличное от значения полной формы того же прилагательного. Например, *краток* в значении “лаконичен и немногословен в высказываниях”, *прост* в значении “глуповат, недалек”, *слеп* в значении “неспособный видеть явное” и т.п. В английском предложении эти значения передаются либо предикативным прилагательным в переносном значении: *“We are dumb,” the porter said.* *“You will let me know anything I can do?”* – «Мы будем немы», - сказал швейцар. – «Вы мне дайте знать, если что-нибудь понадобится»; либо перефразированной глагольной группой, передающей смысл краткого прилагательного: *“The best way is to have it over your leg,” I said.* *“Then you feel it and don't lose your teeth”* – «Лучше всего привязывать к ноге, - сказал я. – Тогда и лесу чувствуешь, и зубы останутся целы» (Хемингуэй). В следующем примере субъективный модус предикативной конструкции с

краткой формой в английском предложении соответствует структуре с модальным глаголом: *I thought he smiled sadly but I could not tell.* – Мне казалось, что он улыбнулся с грустью, но я не был уверен (Хемингуэй).

Краткие формы встречаются также в устойчивых выражениях: *цел и невредим, совесть моя чиста, руки коротки, дело плохо* и др. Как правило, эти выражения имеют свои эквиваленты в английском языке, где также функционирует прилагательное в составе сказуемого, либо в функции атрибута: *safe and sound, clear (good) conscience, one hand / arm is short, things look blue, etc.*

Итак, для передачи значения краткой формы русского предикативного прилагательного в английском языке используются:

- синтаксические аналитические средства (слова-усилители и сравнительные конструкции, дополнения при предикативном прилагательном);
- инициальная позиция предикативной структуры в предложении, обеспечивающая возможности рематического развертывания;
- использование синонимичных выражений с простым сказуемым, передающих значение краткой формы прилагательного;
- отсутствие глагола-связки при предикативном прилагательном.

Литература

1. Грамматика русского языка. В 2х т.: Том II. Синтаксис. Часть 1. – М., 1960.

Раздел 10. Сопоставительные исследования в области фонетики

Л.А. Баранова, Н.В. Костенко

Ритмико-интонационные характеристики звучащей русской и английской речи в текстах художественного и публицистического стилей

Звучащие тексты разных функциональных типов речи представляют собой пеструю картину. Они различаются не только своей функционально-стилевой принадлежностью и жанровым разнообразием, но и целым рядом других признаков, связанных с ритмико-интонационным оформлением текста, таких как спонтанность, устность, степень подготовленности и др. Эти признаки существенно влияют на стилистическую организацию текста.

Мы выдвинули гипотезу о том, что ритмико-интонационное строение текста зависит от его стилевой принадлежности, а также предположили, что вариативность может проявляться и внутри каждого стиля при движении от текста к тексту, что вызвано сменой темы, эмоциональным регистром и рядом других факторов.

Остановимся кратко на основных **стилеобразующих ритмико-интонационных характеристиках**.

1. Ритмическая группа. В составе одной ритмической группы, как правило, располагаются слова, тесно связанные семантико-сintаксически. Ритмические группы выполняют объединяющую, синтезирующую функцию: ритмически подчеркивают синтаксическую и смысловую связь слов. Границы ритмических групп обычно совпадают со знаками препинания, а при отсутствии последних приходятся на те межсловные интервалы, где семантико-сintаксическая связь между словами относительно ослаблена. Расстановка пауз на границах ритмических групп обеспечивает естественную фразировку текста, синтагматическое членение и интонирование синтагмы.

2. Паузирование. Термин *пауза* объединяет два разнородных понятия: перерыв в звучании и границу интонационного членения. Как граница членения пауза представляет собой явление грамматическое, отражающее синтаксический строй языка. Она образуется лишь в местах, предназначенных для членения системой языка.

Функции пауз многообразны. Пауза является средством сегментации и интеграции звучащего текста, играет определенную роль в членении текста на смысловые отрезки. Паузация определяет во многом ритмическую структуру текста, влияет на характер темпа речи.

3. Мелодическая организация текста. Мелодия или мелодика – это «звуковая кривая, возникающая из последовательности звуковых высот», это тональный контур речи (Винарская 2003, с.39). Тональный контур служит для выражения различных смысловых, синтаксических и эмоционально-экспрессивных значений.

Мелодика национально специфична, у каждого языка есть своя, особая мелодическая система, особый набор мелодических структур. Мелодика связана с ритмом, что позволяет говорить о ритмомелодике речи.

Восходящее движение тембра выражает эмоциональное переживание, которое можно описать как напряжение, не получающее разрешения. Тексты с преимущественно восходящей направленностью мелодического движения обычно выражают чувства и волеизъявления, связанные с нарастанием эмоционального напряжения. Напротив, тексты с преимущественно нисходящей направленностью мелодического движения выражают чувства и волеизъявления, включающие в себя компоненты снижающегося эмоционального напряжения.

4. Ударение. Логическое ударение. Выделение одного из слогов слова может осуществляться посредством различных фонетических средств в зависимости от того, какой из признаков звука (длительность, интенсивность, частота основного тона или тембр) преимущественно участвует в создании эффекта выделенности.

Одним из элементов анализа звучащего текста является характеристика **логических ударений**. Логическое ударение входит составляющей частью в ритмико-интонационное строение текста, причем эта часть больше всего

связана с передачей семантики. При этом логические ударения несут экспрессивную нагрузку (Иванова-Лукьянова 2000).

Для того, чтобы проследить зависимость ритмико-интонационных особенностей звучащего текста от его стиля, мы провели **экспериментальное исследование**, задачами которого было выявление особенностей темповой организации, паузирования, ритмической организации, мелодического контура. Данные, полученные в результате эксперимента, позволили выявить межстилевую и национальную специфику ритмико-интонационных параметров художественных и публицистических звучащих текстов русского и английского языков.

Материалом для исследования послужили фрагменты звучащих английских и русских текстов художественного и публицистического стилей, записанных русскими и английскими информантами, которые были предоставлены 5 аудиторам. Аудиторам было предложено:

- 1) расставить паузы, то есть выявить границы ритмических групп в каждой фразе;
- 2) определить место ядерных слогов в пределах каждой ритмической группы;
- 3) определить тип мелодического контура на ударных слогах;
- 4) подсчитать количество ударных и безударных слогов.

В ходе проведенного исследования были выявлены следующие **межстилевые** различия:

1. В художественных текстах величина ритмических групп меньше по сравнению с публицистическими текстами.
2. Количество ритмических групп в предложении больше в публицистических текстах, что создает большее количество пауз и, в свою очередь, ведет к замедлению темпа.
3. Большее количество логических ударений было выявлено в текстах художественного стиля.
4. В исследованных текстах большее количество пауз было выявлено в текстах художественного стиля. Отметим, что они различались по длительности – от 1 сек. до 3 сек., встречались и паузы хезитации, что не характерно для хорошо подготовленных текстов публицистического стиля.
5. Темп текстов публицистического стиля по результатам исследования представляется как ускоренный, в то время как тексты художественного стиля характеризуются замедленным или средним темпом.
6. В текстах художественного стиля наблюдается разнообразие движения мелодических контуров, что вызвано сменой темы, эмоциональными характеристиками, в то время как в публицистических текстах мы наблюдаем использование одного мелодического контура. В основном, это восходящий контур в английском языке и нисходящий в русском.

Проведенное исследование показало следующие **межъязыковые** особенности исследованных звучащих текстов.

Художественный стиль:

1. В текстах русского языка было выявлено большее количество ритмических групп в предложении.

2. В художественных текстах как русского, так и английского языков наблюдается вариативность пауз по длительности: в основном встречаются средние паузы – до 1 сек, а также длительные паузы – до 3-4сек.

3. Исследование показало, что темп английских текстов быстрее, чем темп русских звучащих текстов.

4. В звучащих художественных текстах английского языка наблюдается большее количество логических ударений в минуту звучания текста. В русских текстах наибольшее количество логических ударений – 9, в то время как в английских – 19. Выделение слов происходит в основном за счет удлинения гласного.

5. Данные, полученные в результате аудитивного анализа, позволяют сделать вывод о том, что в английском языке наблюдается тенденция к восходящему мелодическому контуру, в то время как в русском встречается как восходящий, так и нисходящий контуры, что продиктовано эмоциональным состоянием говорящего или эмоциями, заложенными в текст автором.

Публицистический стиль:

1. Исследование показало, что в текстах русского языка содержится большее количество ритмических групп.

2. В обоих языках наблюдается стремление пауз к изохронности. В результате проведенного анализа было выявлено, что в исследуемых текстах в основном встречаются короткие или средние паузы до 1сек., что ускоряет темп текстов. Звучащие тексты английского языка, по данным, полученным в ходе исследования, имеют более быстрый темп по сравнению с русскими звучащими текстами.

3. Как в русских, так и в английских звучащих текстах публицистического стиля аудиторы не выделяют большого количества логических ударений, что характерно для данного стиля.

4. Данные, полученные в результате аудитивного анализа, позволяют сделать вывод о том, что в английском языке наблюдается тенденция к восходящему мелодическому контуру, в то время как в русском языке мелодический контур, как правило, нисходящий, восходящий же контур наблюдался только в тексте с повышенной эмоциональностью.

В заключение отметим, что наше исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что реализация основных функций художественного и публицистического стилей в русском и английском языках находится в прямой зависимости от ритмико-интонационного контекста.

Литература.

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). - Воронеж, 2003.
2. Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. - М., 2000.

Н.П. Ульянова, Е.Н. Гибalo

Мотивационные особенности образования ономатопов живой природы в английском, немецком и русском языках

Звукоподражательный способ словообразования, наиболее наглядно иллюстрирующий процесс естественной номинации, дает плодотворный материал для сопоставительного анализа сходств и различий в использовании мотивировочных признаков при именовании объектов живой природы в различных языках.

Объективно существующие звуки природы имеют единый для всех звуковой облик и предполагают абсолютную идентичность обозначающих их речевых фонетических комплексов практически во всех языках мира. Этот тезис подтверждается наличием в языках разного типа «абсолютно мотивированных» ономатопов, с очевидной «суггестивностью» своего звучания. Речь идет о таких звукоподражательных образованиях, как англ. *ciscoo, tioaw-tioaw, too*; нем. *kuckuck, tiau-tiau, tih*; рус. *ку-ку, мяу-мяу, му* и др. Однако говорить о прямой имитации можно, собственно, лишь при передаче звуков, издаваемых некоторыми животными и птицами, являющимися почти артикулируемыми. Это объясняется значительным сходством анатомического строения человека и животного и, соответственно, их артикуляционных аппаратов, позволяющих с достаточной степенью точности воспроизводить некоторые звуки животных и птиц.

В подавляющем большинстве звукоподражаний природные звуки весьма отдаленно копируются языковыми средствами, что обуславливается, прежде всего, возможностями «звуковой материи языка». Нередко затруднительно осознать причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно таким звуковым комплексом, и поэтому они скорее являются «произвольными» нежели «мотивированными». В ономатопах подобного рода особенно заметно прослеживается конвенциональность связи идеального и материального. Неслучайно поэтому звукоподражания приводятся как примеры не только «абсолютно мотивированных», но и, напротив, как образцы «абсолютно произвольных» слов.

Произвольность языкового знака, под которой понимается отсутствие естественной отприродной связи между означаемым и означающим (Соссюр 1977, с.110), возможность для означаемого быть выраженным любой допустимой в данном языке последовательностью фонем, не нарушается, как видно, и наличием даже самых точных звукоподражаний, более или менее непосредственно иллюстрирующих то или иное значение звуковой формы. Эта произвольность заключается в том, что ономатопы являются лишь приблизительными, наполовину условными имитациями

определенных звуков, во многом обусловленными языковой системой конкретного языка.

Языковая система определяет символический характер звукоподражаний. Каждый народ пребывает в сфере привычных фонетических норм и использует свой фонетический арсенал при образовании лексем данного типа, отсюда и национальная специфика наименований разных естественных звуковых комплексов. Например: англ. *buzz*, *bark*, *croak*, *neigh*, *growl*, *bellow*; нем. *summen*, *bellen*, *quaken*, *wiehern*, *knurren*, *brüllen*; рус. *жужжать*, *лаять*, *квакать*, *ржать*, *рычать* (*собака*), *реветь* (*бык*).

При образовании ономатопов в действие вступают «идиосинкритические» правила, позволяющие сочетания одних фонем и запрещающие комбинации других. Регламентирующая функция языковой системы при образовании звукоподражаний заключается в том, что «мир звуков каждый народ членит в соответствии с системой фонем своего языка» (Гак 1977, с.18).

Необходимо отметить, что хотя люди могут производить тысячи звуков различной тональности, а звуки природы еще более многообразны и неисчислимы, все языки выбирают звуки из одного и того же потенциального набора, пределом которого оказывается 70 фонем (Elgin 1979, с. 4). Естественно, что таким ограниченным универсальным составом фонем невозможно выразить все богатство вокализации природы.

Тот факт, что означающее в звукоподражательных словах более непосредственно выражает означаемое, объясняет и возможность использования редких, иногда даже экзотических сочетаний фонем, нарушающих законы фонотактики конкретного языка. Например, можно представить себе употребление таких фонетически невозможных для русского языка комбинаций фонем, как «цжж» для изображения звука, издаваемого мухой, или сочетание «сфрс» для обозначения звуков свиристели. В данном случае может сказываться сильное влияние самого объекта звукоподражания, довлеющего над фонетической системой, обычно ограничивающей словотворчество человека на основе фонетической мотивированности.

Условный, произвольный характер связи означаемого и означающего в словах звукоподражательного происхождения объясняется не только их зависимостью от фонетических особенностей того или иного языка, но и, в не меньшей степени, невозможностью точного воспроизведения шумов и звуков внешней природы фонетической системой конкретного языка ввиду качественного различия артикулируемых звуков человеческого языка и недискретных звуков природы. Говорить о «воспроизведении» естественных звуков вообще, по-видимому, неправомерно, поскольку воспроизвести природные звуки фонемным способом в принципе невозможно. Невозможно, например, воспроизвести бесконечное разнообразие вокального репертуара многих видов птиц, включающего такие акустические элементы, как глухой и звонкий щелчок, храпение,

зыканье, трещание, дребезжание, свист, зыканье и т.д. при помощи средств естественного языка. Непрерывность сигнальных средств, свойственная коммуникативной системе птиц, может быть лишь очень приблизительно передана путем замены недискретных сигналов членораздельными звуками человеческого языка при помощи перевода неартикулируемых звуков в артикулируемые, качественно отличающиеся от первых. Этот перевод является двойным в том плане, что при передаче недискретных звуков дискретными используется информация, предоставленная нам слуховым аппаратом, прошедшая сквозь призму субъективного физиологического и психического преломления (Grammont 1946, с. 378).

Такое воспроизведение оказывается творческой переработкой полученной информации, а не механическим копированием и включает «полет фантазии», ибо «имитация неартикулируемого при помощи артикулируемых звуков никогда не может быть точной» (Bradley 1946, с.154).

Невозможность адекватного воспроизведения природных звуков человеком объясняется не только их принадлежностью к иному ряду, чем звуки человеческого языка, но также ограничениями, детерминируемыми возможностями слухового аппарата человека. Известно, что наибольшей чувствительностью человеческое ухо обладает в области частот от 1 до 5 кГц., тогда как акустический репертуар, например, черношайной каменки охватывает диапазон от 1 до 11 кГц.

Даже воспроизведение коммуникативных звуков, принадлежащих другой языковой системе, представляет большие трудности. Так, например, вряд ли европеец сможет правильно воспроизвести фонему языка индейцев навахо, представляющую собой щелевую боковую глухую зубную аффрикату (Elgin 1979, с. 87), или лабиализованные и нелабиализованные согласные лезгинского языка. Отсюда и значительные модификации, которые претерпевают заимствования, особенно состоящие из нетипичных для воспринимающего языка звуковых комбинаций.

Не только воспроизведение, но и само восприятие звучащего объекта находится в большой зависимости от фонетической системы конкретного языка. Человек слышит так, как позволяет ему языковая система, во власти которой он находится. Так, испанец, например, не различает фонем /s-z/, а лезгинец с большим трудом улавливает разницу между русскими фонемами «**о**» и «**у**». Именно языковая привычка заставляет нас слышать «ку-ку», а не «у-у», хотя последнее, по свидетельству М.Граммона (Grammont 1946, с. 379), гораздо точнее копирует действительное звучание голоса кукушки. Неслучайно, в исследуемых языках интегральной доминантной фонемой является фонема «**У**»: англ. *cuckoo*; нем. *kuckuck*, рус. *ку-ку*. Согласные в данном случае привнесены системой, поскольку сочетания из двух гласных являются нетипичными для английского, немецкого и русского языков. Необлигаторной является здесь

и глухая смычно-взрывная заднеязычная фонема «к» (хотя ей отдают предпочтение многие языки).

Национальная специфика в воспроизведении разных естественных звуков объясняется, однако, не только различием фонетических систем, «обслуживающих» разные народы. Большая роль при образовании национальных звукоподражаний принадлежит также принципу избирательности, согласно которому каждый народ выбирает разные нюансы звукового континуума. Объект звукоподражания представляет собой не элементарный звук, а сложное явление, состоящее из комплекса звуков. Отражение разных сторон, оттенков объекта приводит к использованию разных мотивировочных признаков и, соответственно, к многообразию его наименований, основанных на звукоподражательном принципе, даже в одном и том же языке. Например, пение соловья может передаваться в английском языке такими разными звукосочетаниями, как *bul-bul*, *jug-jug*, *whit-whit*. Орнитологи свидетельствуют, что пение соловья *Luscinia megarhynchos* включает 34 стереотипных варианта. Исследования показывают, что даже куры издают, по крайней мере, двенадцать различных звуков, имеющих разное значение.

Или, например, звуки, издаваемые собакой, в английском языке представлены лексемами: *bark*, *growl*, *howl*, *snarl*, *wail*, *whine*, *whimper*, *yelp etc.*; в немецком языке имеют следующие звукоподражательные названия: *bellen*, *blaffen*, *bläffen*, *heulen*, *jaulen*, *klaffen*, *kläffen*, *knurren*, *wimmern*, *winseln* и др.; в русском языке: *гавкать*, *лаять*, *тьявкать*, *визжать*, *скулить*, *выть*, *рычать* и др. Как видно из сопоставительного анализа, для выражения резкого, громкого и низкого лая все языки используют гласный «а» (*bark*, *blaffen*, *лаять*); более высокий лай обозначается в английском языке дифтонгом «ai», (*whine*); в немецком - гласным среднего подъема «а» (*bläffen*,); в русском - мягким «а» (*тьявкать*); долгий громкий жалобный лай обозначается при помощи звукосочетаний **au**, /howl eu, *heulen* **ой,/вой/**; высокий скулящий звук обозначается при помощи фонемы переднего ряда **I**: англ.*whimper*, нем. *wimmern*, *winseln*, рус. *визжать*. Замечено, что в последних примерах превалирует лабиализованный звук **w**. Грубые гортанные звуки, предупреждающие об опасности, содержат сонорный вибрант **«Р»** во всех сопоставляемых языках (*growl*, *knurren*, *рычать*) потому, что он, по-видимому, выражает угрозу.

Таким образом, при исследовании данной группы лексики были выявлены как сходства в обозначении природных звуков в разных языках, так и отличия, обусловленные типологическими особенностями исследуемых языков.

Отдельного упоминания заслуживают полные и неполные редупликационные образования, состоящие из повторяющихся основ и наличествующие в анализируемых языках. Например: англ. *bow-wow*, *meow-meow*, *quack-quack*, *cluck-cluck*; нем. *kliff-klaff*, *miau-miau*, *put-put*, *quak-quak*; рус. *гав-гав*, *мяу-мяу*, *ква-ква*, *ко-ко* и др. Подобные рифмованные сложные лексемы ономатопоэтического характера являются

принадлежностью детского языка, хотя он имеет твердую историческую опору в языке взрослых.

Анализ наиболее характерных примеров звукоподражаний живой природы в английском, немецком и русском языках свидетельствует о значительных совпадениях их звукового облика, обусловленных идентичностью набора мотивировочных признаков денотатов, а также об определенных различиях, вызванных избирательностью национальных фонетических систем.

Литература

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977.
2. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Пер. с франц. – М., 1977.
3. Bradley H. The Making of English. – London, 1946.
4. Elgin S. What is Linguistics? – 2-d ed. – New Jersey, 1979.
5. Grammont M. Traite de Phonetique. – 3-d. ed. – Paris, 1946.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернин И.А., Стернина М.А. (Воронеж) О развитии сопоставительных исследований и формализации результатов сопоставления	с. 3
Тихонова Н.А. (Томск) Аспекты сопоставительной мотивологии	с.11
Махонина А.А. (Воронеж) Типологическая классификация русско-английских субстантивных лакун	с.14

Раздел 2.

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Бочарова М. В. (Воронеж) Внутриязыковое и межязыковое сопоставление в лексике	с.19
Полякова Л.В. (Воронеж) Общее и национально-специфическое в семантической структуре родовых номинаций вкуса в русском, английском и итальянском языках	с.22
Панкова Т. Н. (Воронеж) Метафорические значения лексем <i>фрукт, плод, fruit</i> и их производных	с.29

Беляева Н.Л. (<i>Воронеж</i>) Номинации формы оплаты в сфере товарно-денежных отношений (на материале русского и немецкого языков)	c.34
Подтележникова Е.Н. (<i>Воронеж</i>) Стилистические особенности реализации многозначности лексемы <i>look</i> в британском и американском вариантах английского языка	c.39
Джасим М. (<i>Воронеж</i>) Содержание лингвистического термина "стилистика" в русском и арабском языках	c.41
Портнихина Н.А. (<i>Воронеж</i>) Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «небесные реалии» в русском и английском языках	c.46
Шепилова Т.А. (<i>Воронеж</i>) Структурно-семантические особенности фразеологических единиц со значением «поведение человека» в русском и французском языках	c.50

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области лексических группировок

Чернова Н.И. (<i>Воронеж</i>) Характеристика национальной специфики тематической группы лексики в рамках формализованных параметров	c.54
Вострикова И.Ю. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика зонной организации ЛСП «Трудовая деятельность» в русском и английском языках	c.58
Колтакова С.В. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика наименований лиц, занятых трудовой деятельностью, в русском и английском языках	c.60
Дудкина Л.Н. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика английского и русского ЛФП «Приготовление пищи»	c.64
Шишкина Н.М. (<i>Воронеж</i>) Глаголы, выражающие упрек и оскорбление, в русском и английском языках	c.69
Овчинников Д.В. (<i>Воронеж</i>) Тематическая группа «рельеф местности» в русском и немецком языках	c.72
Варганова В.В. (<i>Воронеж</i>) Социально-психологические причины активизации некоторых лексико-семантических групп в английском и русском языках (на примере тематической группы «наркотики»)	c.75
Смирнова О.В. (<i>Алексеевка</i>) Специфика развития англоязычной и русской лексики, именующей профессии (на материале XIX – XXI вв.)	c.80

Раздел 4.

Сопоставительные исследования концептосфер

Трущинская А.С. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика концепта <i>сын</i> в русской и английской концептосферах	с.85
Сычева В.В. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика репрезентации концепта «далекий» в семантическом пространстве русского и английского языков	с.93
Глушкова И.С. (<i>Воронеж</i>) Музыкальные характеристики пространственных объектов в русском и немецком языках	с.98
Сетаров Р.Д. (<i>Елец</i>) Национальная специфика славянской фитонимической номинации (в сопоставлении с германскими, романскими и тюркскими языками)	с.102

Раздел 5.

Сопоставительные исследования дискурса

Лутовинова О.В. (<i>Волгоград</i>) Виртуальный и реальный дискурс	с.108
Ренц Т.Г. (<i>Волжский</i>) Вербальное и невербальное в любовном дискурсе в русском и английском языках	с.113
Распопова Ю.Ю. (<i>Воронеж</i>) Особенности организации дискурсивного события «запрос информации» в немецкой и русской лингвокультурах	с.119

Раздел 6.

Сопоставительные исследования коммуникативного поведения

Стрельникова М. А. (<i>Воронеж</i>) Выявление специфики российского и американского общения (на материале телевьюью)	с.128
Плетнева Е.А. (<i>Воронеж</i>) Функциональное наполнение формул извинения в английском и русском языках	с.132
Тупикова С.Е. (<i>Саратов</i>) Этикетный жанр «комpliment» в русском и английском языках	с.138

Раздел 7.

Сопоставительная лингвокультурология

Чарыкова О.Н., Мусаева О.И. (<i>Воронеж</i>) Деривационный критерий в лингвокультурологическом исследовании	с.141
Минаева О.В. (<i>Воронеж</i>) Символика чисел в контексте французской, немецкой и русской языковых культур	с.146
Токарчук А. В. (<i>Воронеж</i>) Понятие «ум» в русской и английской гендерной паремии	с.149
Зубкова Е.Г. (<i>Волжский</i>) Древнеанглийская и русская народная загадки: жанровая специфика	с.152
Тамерьян Т.Ю. (<i>Владикавказ</i>) Кросс-культурные исследования национальной ментальности	с.156

Раздел 8.

Сопоставительные исследования и перевод

Зубкова Л.И. (<i>Воронеж</i>) Проявление национального своеобразия русских антропонимических моделей в переводе (на материале перевода рассказов В. Шукшина на английский язык)	с.161
Кокунова Ю.В. (<i>Иваново</i>) Способы перевода термина (на материале английского и русского языков)	с.164
Федоров В. А. (<i>Воронеж</i>) Использование французской структурной схемы <i>il est possible/impossible</i> при переводе русских лексических единиц на французский язык (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»)	с.167
Востриков П.В. (<i>Воронеж</i>) Некоторые особенности перевода русизмов (на примере переводов произведений Ф.М. Достоевского)	с.174

Раздел 9.

Сопоставительные исследования в области грамматики

Мерзлякова Н.П. (<i>Ижевск</i>) О модальных глаголах в немецком и русском языке	с.177
Селезнева Е.С. (<i>Воронеж</i>) О некоторых аспектах сопоставительного исследования функционально-семантических полей в языках разных типов (на материале описания ФСП модальности уверенности в русском и английском языках)	с.180
Шкунников В.А. (<i>Воронеж</i>) Распределительно-суммарная множественность в русском и английском языках	с.185
Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Двуактантные вербальные предложения в русском и английском языках	с.189
Саввина С.Л. (<i>Воронеж</i>) О функционировании глаголов	с.199

пространственной локализации в простом предложении русского и английского языка	
Суханова М.В. (<i>Воронеж</i>) Полевая организация оборотов касательства (на материале русского и испанского языков)	с.203
Зотова А.Б. (<i>Воронеж</i>) Виды совмещенных ассертивных и директивных речевых актов (на материале русских и английских восклицательных предложений)	с.207
Копкова Е.В. (<i>Глазов</i>) Особенности межкатегориальных связей прилагательных (на материале русского и английского языков)	с.211

Раздел 10.

Сопоставительные исследования в области фонетики

Баранова Л.А., Костенко Н.В. (<i>Воронеж</i>) Ритмико-интонационные характеристики звучащей русской и английской речи в текстах художественного и публицистического стилей	с.215
Ульянова Н.П., Гибало Е. Н. (<i>Воронеж</i>) Мотивационные особенности образования ономатопов живой природы в английском, немецком и русском языках	с.218

Содержание	с.223
-------------------	-------